

Анна Ленц

Лайки
и
ПОДПИШИСЬ

Анна Ленц

Лайкни и подпишись

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69413317

SelfPub; 2023

Аннотация

Ольга Хтонова – молодой педагог общеобразовательной школы, мать одиночка, воспитывающая «особенного ребенка». Оля узнает о своеобразном бизнесе одного из своих учеников: старшекласник Никита Парфенов снимает «смешные» ролики с участием Вити Сорокина, мальчика инвалида. Оля пытается прекратить этот кошмар, но всюду получает лишь равнодушие. Тем временем блогерская деятельность процветает, принося юному предпринимателю колоссальные средства. Сможет ли Ольга добиться справедливости или несокрушимая сила денег возьмет верх? "Черное зеркало" современной действительности, в которое может заглянуть каждый.

Содержание

Глава 1 Никита	6
Глава 2 Оля	10
Глава 3 Оля	20
Глава 4 Никита	25
Глава 5 Оля	29
Глава 6 Оля	33
Глава 7 Оля	45
Глава 8 Оля	48
Глава 9 Оля	52
Глава 10 Никита	57
Глава 11 Оля	61
Глава 12 Оля	68
Глава 13 Оля	71
Глава 14 Оля	78
Глава 15 Оля	83
Глава 16 Витя	86
Глава 17 Оля	89
Глава 18 Оля	93
Глава 19 Оля	97
Глава 20 Оля	101
Глава 21 Оля	105
Глава 22 Оля	107
Глава 23 Оля	110

Глава 24 Оля	114
Глава 25 Оля	119
Глава 26 Витя	123
Глава 27 Оля	128
Глава 28 Оля	135
Глава 29 Оля	141
Глава 30 Никита	145
Глава 31 Оля	150
Глава 32 Оля	154
Глава 33 Никита	158
Глава 34 Оля	161
Глава 35 Оля	166
Глава 36 Оля	172
Глава 37 Оля	177
Глава 38 Оля	184
Глава 39 Оля	187
Глава 40 Оля	193
Глава 41 Оля	198
Глава 42 Никита	205
Глава 43 Оля	209
Глава 44 Витя	216
Глава 45 Оля	220
Глава 46 Леня	224
Глава 47 Никита	230
Глава 48 Витя	234
Глава 49 Оля	240

Глава 50 Никита	244
Глава 51 Витя	247
Глава 52 Оля	256
Глава 53 Андрей	259
Глава 54 Оля	263
Глава 55 Юлечка	266
Глава 56 Оля	270
Глава 57 Оля	273
Глава 58 Оля	277
Глава 59 Оля	282
Глава 60 Оля	284
Глава 61 Оля	289
Глава 62 Оля	294
Глава 63 Витя	296
Глава 64 Оля	303
Глава 65 Никита	311
Глава 66 Андрей	316
Глава 67 Оля	320
Глава 68 Витя	325
Глава 69 Оля	330
Глава 70 Даша	337
Глава 71 Витя	344
Глава 72 Даша	352
Глава 73 Кирюшка	359

Анна Ленц

Лайкни и подпишись

Глава1 Никита

Никите очень трудно выражать эмоции. За слишком бурной демонстрацией чувств, как правило, следует холодная печать отцовской пряжки. Поэтому за годы своей молодой жизни Никита отлично научился подстраивать свой эмоциональный фон под нужды окружающих и выдавать эмоции ровно в тех пропорциях и оттенках, которые от него ожидают. Но сейчас, сейчас – Никита впервые, наверное, с семилетнего еще возраста понятия не имеет, что сказать или сделать, какую эмоцию выразить и какую чувствовать. Слишком бурный каскад обрушился на него лавиной никогда ранее не испытываемых чувств. Юлечка – его Юлечка не пришла к нему на день рождения, он бы никогда не позволил ей увидеть, как он живет, или не дай бог узнать, что у него за семья, но она сделала ему подарок. Дождавшись его у школьного крылечка, Юлечка, скромно потупив глаза, протянула Никите коробочку – телефон. Модный, новый, с хорошей камерой.

– Там симка новая, я тебе интернет оплатила, сможем общаться.

Никита стоит молча. Глядит на коробочку в своей руке и не знает, то ли обнять Юлечку, то ли поцеловать ее крепко в губы, то ли швырнуть ей эту коробочку под ноги – что бы никогда она не узнала, как глубоко его ранила и задела.

– Спасибо, – бормочет Никита тихо, и Юлечка расцветает улыбкой. В такие минуты все ее лицо смеется – искристые карие глаза, ямочки на щеках, розовые пухлые, как бутончик, губы – как она хороша, за что она ему досталась? И за эту одну ее улыбку Никита прощает все, и все принимает, и чувствует радость благодарности и облегчение.

– Спасибо тебе Юль, правда, но мне неловко. – Говорит Никита теперь уже искренне, не защищаясь ершистой броней от Юлиной доброты.

– Брось ты, мне ничего не стоило, бери, наконец-то сможем вне школы болтать – когда захочется. Удобно же, правда? Я тебе там сразу все нужные приложения поставила, ты сам покопайся.

Это ли не лучший день в его жизни? Самым лучшим подарком его родителей были подделанные китайские кроссовки с ошибкой в слове adidas, а тут – телефон, и не какой-нибудь – самый новый, самый популярный! И дело же не в цене, а в том, что какая-то Юлечка, которую он знает от силы пару лет, а встречается еще меньше, так щедра и добра к нему, так тонко его чувствует и так великодушна в своем принятии его бедности, его недостатков, его семьи в конце концов. И так она это делает – от всего сердца, что даже не

чувствуешь унижения от этого дорогого подарка, на который Никита только мечтал накопить спустя три месяца летних подработок.

Ну за что она ему?

На уроках Юлечка всегда дает Никите подглядеть ответы – даже не спрашивает, молча придвигает к нему открытую тетрадь и задумчиво крутит прядь на пальчик, пока он старательно списывает. Потому он и отличник – это все Юля. А после, она так же молча придвинет к нему свою голую коленку, розовой нежностью выглядывающую из-под волнистого края короткой юбочки. И Никитина большая, взрослая уже, ладонь ляжет и полностью накроет ее угловатую подростково-острую коленочку, и поднимется чуть выше, и еще, как бы невзначай заползая пальцами под ворсистую изнанку Юлечиной юбки.

Не за что, решительно не за что Никите дарить такой подарок, как Юлечка. Он ее не заслуживает.

После этого счастливого школьного дня Никита вползает в свою квартиру как тень. Телефон уложен на самое дно портфеля, завернут в сменное трико для физ-ры – на случай если мать полезет к нему в поисках мелочевки на опохмел. В квартире тихо, только утробный храп отца доносится из родительской спальни. Никита закрывается в туалете, прижимается к холодному шершавому боку ванны и дрожащими пальцами выуживает из трико свой подарок. Как он мечтал о нем!

Его друг – Колька по кличке Длинный, иногда давал ему поиграть в игры, или полазить в интернете на своем компьютере, но такое случалось не часто. Помимо этого, в кабинете информатики иногда удается урвать пару минут свободного доступа к компу, но школьная сеть блокирует большую часть сайтов. И вот – впервые в жизни, у Никиты в руках свобода, полная и безграничная. В этой маленькой коробочке вся музыка мира, все фильмы, игры, все возможности, какие только можно вообразить! Никите рассказывали, что даже по улицам любого города можно погулять как в живую – теперь-то Никита тоже увидит Рим и Париж, о которых так много рассказывала Юлечка.

Никита включает мобильник, экран загорается медленно, не спеша, давая Никите привыкнуть и отдышаться. Значок сети тоже появляется только через пару минут. Среди заботливо установленных Юлечкой приложений множество связано с учебой – переводчики, словари, приложение со всеми их учебниками и книгами по литературе. Помимо этой занудной ботанской фигни еще есть заветные мессенджеры, куда Юлечка себя уже, конечно, добавила, а еще пока незнакомые Никите YouTube, Tik-Tok, Instagram.

Глава 2 Оля

Воздух бренчит от детского смеха, как хрусталь в серванте, когда Кирюша, топая, пробегает мимо. Такой чистый весенний звон, и пахнет совсем по-весеннему, хоть давно уже осень.

– Хорошо, когда дети смеются, – говорит Оля, сладостно щурясь на солнце.

Анастасия Павловна протяжно вздыхает и затягивается. Ее огромные груди вздымаются, а затем опадают, точно два поршня. Мехи ее легких вперемешку месят сигаретный дым и чистый полуденный воздух.

– Мало ты еще работаешь, – цедит она печально.

Оля невольно фыркает – совсем тихо, что бы Анастасия Павловна не заметила. Оле никак не понять эту ее нелюбовь к работе, зачем же идти в педагогику если не радеешь всем сердцем? Труд ведь это совсем не легкий.

Но Анастасия Павловна все замечает. Она тушит окурок о стеклянное горлышко банки.

– Оля, Оля... – вздыхает она сигаретным дымом и уходит.

Окурок дымит на дне стеклянной мути. Банка пахнет маринадом и пеплом – всего понемножку.

Работает Оля шесть лет. Разве мало?

Как там Кирюшка? Поел ли...

Звенит звонок и Оля спешит в класс, попутно обмахивает

себя ладошкой, что б прогнать остатки табачного духа. Дети нехотя стягиваются со двора к крыльцу, стихает смех.

Оля открывает учебник, крупный шрифт прыгает на нее со страниц. По этим книгам она и сама когда-то училась. Тогда крупный шрифт очень радовал – чем больше буквы, тем меньше их помещается в книгу, а значит не так уж много читать.

Когда же она полюбила читать? Должно быть, старших классах, когда начала полнеть и щеки пошли прыщами. Ее не звали на свидания, а Оле очень хотелось, вот и читала – про любовь.

–Открывайте книги, – говорит она, улыбаясь новому дню, новому произведению, – сегодня у нас «Кому на Руси жить хорошо?».

–Депутатам! – тут же летит ей в ответ и класс взрывается смехом.

Никита Парфенов, румяный, веселый, с крупным горбатым носом, шапкой темный волос – душа класса, весельчак. Оля улыбается, но говорит при этом:

–Хватит паясничать, открывай страницу.

–Зачем, Ольга Дмитриева, мы и так знаем кому на Руси жить хорошо! Давайте лучше что-то другое. Может «Капитанская дочка? – и улыбается, сально так, маслянно.

Боже мой! Как же можно классику так опошлить!?! Кровь бросается Оле в щеки, в лоб. Она чувствует, как краснеет и класс похихикивает. Авторитет, такой зыбкий, на глазах

растворяется... Ну нет!

Оля бьет кулаком по столу.

–Ой, Ольга Дмитриевна, – Парфенов делает испуганный вид.

–А ну ка вышел, – шипит Оля, – вернешься когда успокоишься.

Перегибает? Пожалуй, но по-другому разве можно?

Никита поднимает руки в знак того, что сдаётся. Вальяжно идет меж рядов и только у самой двери оборачивается и, подмигнув классу, бросает:

–Пойду покурю.

И снова хохот. У Оли начинает болеть голова. Даже еще не болеть, просто где-то какой-то нерв задергался, запульсировал, точно маленький молоточек застучал по крошечной наковаленке.

Оле хорошо знаком этот далекий стук в висок – это все от нервов. Много Оля нервничает – все принимает близко к сердцу.

Класс понемногу успокаивается, но зернышко веселья и бунтарства уже упало в плодородную почву. Детские глаза искрятся от затаенного смеха, и Оля знает, что теперь их никак почти не вернуть в серьезное русло. Оля неуютно тупит глаза в учебник, она чувствует на себе двадцать шесть пар глаз. Они голодны. Таким неумным голодом, какой бывает только у подростков – злой неудовлетворенный голод жизни. Они еще не обременены рамками и условностями социаль-

ных норм, поэтому способны улавливать малейшие колебания Олиной души, как будто радаром. Они чувствуют, видят, чуют слабость, и только ее и ждут, что б наконец отпустить возжи, и понестись в неумный пляс хаоса, кинуться стаей на слабого, на чужеродный элемент их замкнутого капсульного общества, и тогда их ничто уже не усмирит и не остановит.

Такой феномен внезапного сплочения всегда потрясает и ужасает Олю, когда самые примерные ученики вдруг сливаются с хулиганами в единую массу и не отличить уже одного от другого, все они вместе, дышат в унисон, нет у них уже своего мнения, только инстинкт, так все они делают вместе – срывают уроки, травят аутсайдеров. Спроси каждого по отдельности, зачем обижаешь? – не ответит, потому что и сам не знает зачем. Просто еще не вырос, еще слишком близок к моменту, когда не знаешь языка, не умеешь ходить и выживаешь только за счет инстинктов. Зверята, рвущиеся наружу из родительских клеток.

Оле нельзя отступать.

По классу прошла волна, два десятка макушек закачались в разные стороны. Вихрастые, светлые, сияющие в солнечных лучах, плывущие черными кудрями, они заволновались, как кроны деревьев под порывом ветра.

– Так, – Оля берет себя в руки и чеканит железным учительским тоном, что б страшно стало, что б поняли, что беда рядом – открыли страницу и читаем по предложению, по цепочке, Юля, начинай.

Красное солнце.

Лижет золотые крыши.

Метал горит точно облитый плавленной медью, точно поталь на куполах храмов. Солнце целует их вишневыми лучами. Оле бы надо домой, но она провожает солнце. Скоро его не будет, оно начнет садиться так рано, что она и не заметит. Руки пахнут мелом, в горле немного першит от его обилия в воздухе. Вишневые квадраты скользят по пустым партам, синее небо становится черным, и холодными звездочками зажигаются фонари.

Оля сладко щурится – в воздухе тянет сырой промозглостью и прелыми листьями. Эти запахи появились всего пару часов назад. Это ее запахи. Запахи ее жизни. Все витки Олиной жизни начинались с осени. Сухой сентябрь был по праву ее. Она вспомнила как Анастасия Павловна глубоко и тяжело затягивалась сигаретой и Оле тоже захотелось курить, хоть и не курила она никогда, но есть в этом что-то такое неподдельно осеннее, меланхолично, нежное, горькое...

Окурок, наверняка, так и лежит на дне банки, сыплется холодным пеплом.

Оля гонит от себя эти мысли. Пора домой. Домой.

Трамвай почти пуст. Он уютно плывет оранжевыми окнами в вечерней мгле. Оля устраивается на одиночном сидении и прижимается лбом к холодному стеклу. В пакете триста тетрадей. Они тяжело и больно оттягивают руку. Но Оля держит их то на коленях, то на весу, не кладет на пол – они свя-

ты. Ей нравится вот так смотреть в окно и не думать. Мимо просто плывут дома, в окнах чьи-то чужие жизни, Оля смотрит на них, мельком, выцепляет обои на кухне, хрустальную люстру и едет дальше. Только так она не думает о Кирюше, краткие полчаса на работу и столько же обратно.

Колеса трамвая постукивают на перемычках, и Оля, закрыв глаза почти чувствует вкус копченой саратовской рыбы, и видит Волгу – целое море от горизонта до горизонта.

Так хорошо.

Дома Кирюша уже завел свою жалобную вечернюю песнь. Он тихонько поскуливает в своем высоком стульчике. Отчего ему грустно – от того ли, что потемнело, или от голода – Оля не знает. Он пищит тихонько и высоко, как неведомое животное, поет свою песнь сородичам, запертым по домам в таких же высоких стульчиках, с которыми ему никогда не встретиться.

–Ой, Оля, Кирюшка-то все тяжелее! – Мама вытягивает вперед свою сухую руку. – Ты посмотри, опять раскапризничался, да как залупил ладошками, и вот!

На запястье ее наливается сливовым синяк.

–Силы-то! – Она качает головой и уходит, что-то еще цокая и ворча.

Силы-то... Оля знает. То ли еще будет.

Кирюшкина головка светится рыжими искрами в теплых ламповых лучах. Увидев Олю, он пощелкивает языком в знак радости. Печальная песнь обрывается – время ужина.

Скоро станет сыто, и даже темнота немножко отступит под давлением теплых Олиных рук.

Оля любит.

Так сильно, что, кажется, грудь вот-вот треснет и наружу потоком польется вся эта чудовищная сила материнского обожания.

Олина любовь солона.

Оля готовит кашу и незаметно перетирает в муку таблетки – Кирюша ни за что не съест их просо так. Ложечкой при-топтав секретный ингредиент, Оля подсаживается рядом с его высоким стульчиком. Она никогда не ест первой.

Она подносит ложечку прямо к Кирюшиным губам, и делает это в тишине, чтобы не спугнуть и не раздражить.

Кирюша хорошо кушает и тело его растет, но разум спит. Оля знает, что у нее никогда не будет взрослого сына, всегда маленький мальчик, он представляется ей заколдованным, замурованным в собственную черепную коробку, спрятанным от себя самого. Она пытается заглянуть Кирюше в глаза и увидеть его, но в этой серо-голубой мути, пойманной на краткий миг, нет никого.

Когда тарелка пустеет Оля вынимает Кирюшу из стульчика и скорее несет в кровать. Он не любит долгих прикосновений, но Оля успевает насладиться теплом его тельца, запахом волос, его приятной тяжестью. Кирюша беспокойно тормозит одеяло, а Оля бесконечно тянет одну ноту. Этот тихий низкий звук заполняет комнату, и Кирюша постепен-

но унимается. Важно, что бы у ноты не было дребезжания и скачков, тогда Кирюша засыпает. Оля еще долго сидит и смотрит на него, только спящим он не пытается улизнуть от нее, не прячет свое лицо и даже иногда улыбается.

Так кончается день. Через пару часов автоматический календарь тихо щелкнув перевернет страницу. Оля садится на кухне, греет руки о кружку чая. В оконной тьме отражается ее быт. Мама спит, Кирюша тоже, весь ее мир дремлет за стенкой. Сама она спать не торопится – эти вечерние часы ее любимые. Они пусты по своей сути и даже мертвы, и можно просто сидеть и смотреть в окно, или в чай, дрожащий отражением потолка и стен. Оля ощущает, как перезагружается мир, как наполняется заново. Эти часы самые настоящие, в них нет притворной радости и суеты – только тишина и тиканье часов.

Хорошо.

Оля выключает свет и смотрит как загораются звезды. В зыбкой желтоватой полоске меркнувшего заката с гомоном несутся последние птицы. Спешат расселиться по гнездам пока ночь зачерпывая тьму плоской льет деготь мглы на городские крыши.

В доме напротив на подоконник взбирается девочка и, прижавшись лбом к окошку, смотрит вниз. Оля улыбается ей своей невидимой в темноте улыбкой.

Девочку берет на руки мужчина, и та смешно дергает ножками, машет руками, косички хлесткими плетками лупят от-

да по рукам. Он кружит ее и ставит, хохочущую, на пол. Оля смотрит тихо, не шевелясь, стыдясь и одновременно с жадностью. Она едва дышит, сидит замерев с поднятой кружкой чая. Если она шелохнется, возможно, ее заметят?

Она таится в темноте своей кухни, Оля чувствует себя зрителем в первом ряду. Семья – муж, жена и двое дочерей, переехали в квартиру напротив почти полгода назад. Оля наблюдает не то, чтобы ежедневно, и не нельзя сказать, что специально. Просто нет-нет да и выпадет вечер, когда она задержится на кухне, а они ещё не лягут спать. Жизнь у них тихая и хорошая. Жена готовит, муж укладывает детей спать. Девочки погодки любят танцевать, вырядившись в яркие платья и намотав мишуру как боа.

Уложив детей, муж приходит в кухню, и они с женой разговаривают. Оба они молоды, не больше 35. Почти Олины ровесники, чуть старше. Они могли бы дружить семьями, если бы...

Оля зачарованно глядит в окно напротив, муж пьет чай, совсем как она сама. Оля представляет, о чем они говорят, придумывает диалог, что-то про работу и планы на отпуск. Куда поехать? Сочи? Крым? А может за границу? Ну, если девочки хорошо год закончат, можно их и Турцией побаловать.

А потом про оценки, и про дантиста для младшей, а когда кончатся темы – в квартире напротив погаснет свет.

Что они делают дальше? Целуют детей, идут в кровать...

Тяжелая рука обнимет жену во сне.

Оля выливает в мойку остывший чай.

Пора спать.

Глава 3 Оля

–Послушай, ну как это нету, а Кирюшка как же? Мне что делать, позволь узнать?

Оля слушает ответ, но, не дав Андрею закончить, перебивает:

– Это же твой сын! Ты знаешь, он не может без лекарств! Ну что ты за человек такой?

–Оль, ты меня не слышишь. Я тебе еще раз говорю – нет сейчас у меня денег, потерпи до конца месяца – все отдам. На работе проблемы, машину опять в сервис погнал, совсем пуст я, Оль, понимаешь? Ну извини.

–Извини? – взвизывается Оля, – а Кирюша что, тоже извинит? Я ему на что таблетки покупать буду? – Оля уже орет в трубку, за стенкой зверем воет Кирюша, слышится топот и в кухне появляется мать:

–Ты чего орешь с утра пораньше? Кирюшку пугаешь, с ума что ли сошла?

Оля виновато качает головой и, зажав трубку ладонью, шепчет:

–Я с Андреем говорю.

Мама, кривясь, машет рукой.

–А, – вздыхает она, – на него хоть изорись.

И уходит.

В тишине Оля вдруг слышит гудки – Андрей повесил

трубку.

Оля зло и молча собирает тетради. Сует их в черный непрозрачный пакет без разбору, мнет листы и от этого на душе становится немного радостно. Оля Андрея простит, Оля его поймет – все бывает. В конце концов, каким бы Андрей ни был, платит он всегда вовремя, перечислить Кирюшки алименты это для Андрея святое...

И все же, Кирюша понять и простить не может. Ему нужны лекарства. Хрупкий баланс Кирюшкиного мира весь в белом порошке, который Оля растворяет в каше.

Оля подходит к нему, уже в пальто, с сумкой на плече. Кирюша не любит смотреть на нее, когда она вот так одета. Это уже не домашняя Оля, а чужая Оля, нездешняя. Она пахнет странными уличными запахами и выглядит большой и темной – драповое пальто в пол оторочено зеленым пушком и само темно-зеленое, как шкура невиданного зверя. Оля не подходит слишком близко, с каждым ее шагом лицо Кирюши сминается в плаксивую гримасу, и Оля останавливается, едва не доведя его до слез. Она смотрит на него молча, сама не зная, что пытаясь передать ему этим взглядом. Она хочет защитить его от тяжести гнетущего ее самого знания, но Кирюша и без того надежно защищен. Он всегда в своем внутреннем бункере, непробиваемом, нерушимом. В этот бункер никогда не проникнет мучительный яд понимания.

Тихонько подвывая, Кирюша отчаянно ковыляет нетвердыми еще ножками к пластиковой кастрюльке и сует в нее

голову, и так сидит только гулко завывая в кастрюлькино днище.

–Кирюша, – зовет Оля тихо, – Кирюша, это я, я уйду, вернусь вечером, веди себя хорошо, слышишь?

–У-у...– отвечает Кирюша.

Трамвай, качая сытым брюхом, тихонечко погромыхивает на стыках рельс. Тудух-тудух – Саратов, Волга. Но сегодня эта великая река не может унести Олю обратно в светлое лето ее детства. Оля переживает, хватит ли Кирюше лекарств. Успеет ли Андрей с деньгами, а если нет? Как тогда поступить?

Она думает об этом всю дорогу, и даже когда толпа, притерев Олю к чьему-то плечу, выносит ее на остановку. Оля думает об этом, торопливо месит каблуками осеннюю грязь. Ее невидящий взгляд плывет по лицам учеников, обтекающих ее шустрым потоком. Дети гогочут, толкаются, норовя спихнуть друг друга в лужи. Один из мальчишек врезается Оле в грудь, и она, погруженная в свои мысли, не успевает увернуться.

Пакеты падают, тетради зеленым ворохом рассыпаются по земле. Оля леденеет ужасом.

–Извините! – уже издалека летит Оле мальчишеская повинность и тут же растворяется в гоготе, визге, криках.

Оля приседает и каменной рукой одну за одной кладет тетради обратно в пакет. Нежная салатная зелень буреет от грязи. Округлая припухлость детского почерка оплывает си-

ними безобразными пузырями. Оля, кажется, плачет, а может ей только хочется, но оледенелое лицо не может выдавить слез. Плакать хочется не от того, что Олю толкнули, и даже не от точащего душу страха за Кириюшу, а от поприанности святой белизны тетрадных листов.

Они – самое чистое, что Оля знает в мире. Детские сочинения, полные наивной нежности и мечт, залиты радужной бензиновой мутью луж. И это обижает Олю больше любой несправедливости, больше собственной боли за сына и боли за свое растоптанное женское счастье.

– Оля Дмитриевна, вам помочь?

Никита Парфенов смотрит на нее из окна машины. Ему сигналият сзади, а он, не обращая внимания включает аварийку. Грязи Никита не гнушается, и его большие с длинными паучьими пальцами руки быстро-быстро складывают тетради обратно в пакет.

– Это что, наши что ли? – Усмехается. – Ничего себе повезло.

Оля почему-то молчит, остолбенело наблюдая, как Никита, утопая подошвами белых кроссовок в грязи перебирает бурые листы.

– Это что получается, сочинения пропали, нам значит пятерки полагаются?

– Спасибо Никита, – говорит Оля, медленно, сама не зная, чем зачарованная, и тянется к ляжке пакета.

Но Никита одергивает руку, не дает Оле вцепиться в цел-

лофан.

–Вы, Ольга Дмитриевна, бросьте это, только пальто перепачкаете. Давайте я их выброшу.

–Ну как же ты их выбросишь, там же работы, там же сочинения! – беспокоится Оля.

–Да и черт с ними! Новые напишем.

И Никита, подмигнув ей своим веселым глазом, садиться в машину и уезжает. И тут наконец с Оли спадает колдовство и она понимает в чем же все дело, что так выбило ее из колеи, от чего она вдруг сама не своя впала в ступор, и тетради даже не сумела отстоять, так и увез их Парфенов с собой – ведь Никита, шестнадцатилетний мальчишка, только что уехал за рулем нового, еще пахнущего пластиком и кожей, мерседеса.

Глава 4 Никита

Жизнь Никиты изменилась настолько круто, что он и сам не может понять, как раньше жил без этого целого мира интернета. Никита был зажат в маленьком душном пузыре, и даже не подозревал об этом.

Впервые его посетило то ни с чем несравнимое чувство – ужасное, но пробирающее до мурашек восторгом чувство, что ты живешь в огромной вселенной, и так мал и глуп, и воображение твое так скудно, что и представить не можешь, что срывается, дышит и существует совсем рядом – вот так, наверное, туземцы чувствовали себя, впервые увидев белого человека на корабле. Вот так ощущала себя Япония, обнаружив, что мир не кончается у ее границ, и там, за морем, целая планета.

Вот так чувствует себя Никита, узнав, что там, в маленькой коробочке мобильного телефона, с обычной реальностью соседствует целая галактика, в которой есть все. Ну решительно все.

Сначала Никита не мог поверить, что в интернете есть **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** все.

Но затем он узнал, что есть тысячи и даже миллионы людей, которым нравится смотреть как режут мыло. Просто режут канцелярским ножом кусок мыло вдоль и поперек, на квадратики или хаотично.

А еще есть другие, или те же самые миллионы людей, которые любят есть мел, и они смотрят обзоры на мел и заказывают мел со всех уголков планеты.

Что уж говорить об остальных прелестях, гадостях и невообразимых вещах, которые обнаружил Никита.

Но, пожалуй, самая удивительная вещь, с которой Никита никак, ну никак не может смириться, это осознание что люди – да-да тысячи и миллионы – каждый день платят другим людям – совершенно обычным таким как он сам – невероятные деньги, чтобы смотреть ту чушь, ту нелепицу, ужасы, дичь, откровенную фигню, которую они снимают.

Когда Никита думает об этом, в нем рождается еще одно ранее неизвестное чувство – смесь зависти, жажды, восхищения и ненависти. Самой лютой ненависти, которую Никита не испытывал даже к отцу.

–Этот человек зарабатывает миллионы в месяц. Понимаешь Юлька? Миллионы!

Юля меланхолично мешает чай гнutoй алюминиевой ложечкой.

–Ну да, и что ты удивляешься?

–Как что? Ты что не понимаешь? Вот он снял какое-то видео, в котором рассказал свое мнение о фильме. И заработал миллион! Юлька, да как ты можешь не понимать этого? Миллион! Знаешь сколько надо, что б я заработал миллион? Да всей жизни, наверное, не хватит! – Почти орет Никита, и злясь, и ликуя одновременно.

Юля глядит как вертятся в кружке чайники своими блестящими влажными глазами. Веки чуть опущены – такой взгляд называют с поволокой. Она так безразлична, так спокойна, что Никите даже хочется шлепнуть ее, треснуть слегка что б ожила и осознала, что происходит в мире, пока они тут да вятся бумажными сосисками в школьной столовой.

В это же время какие-то люди – тупые некрасивые люди, ничего не умеющие и не понимающие, жрут лобстеров на своих яхтах в морях, о которых Никита никогда не слышал. Он и лобстера-то себе представляет смутно – как большого рака, которых они мальчишками летом ловят на речке. А какой он на вкус?

Такая огромная пропасть разделяет Никиту и их – тех, кто понял какой-то секрет, благословленных людей, не знающих горя, голода, боли, унижений – ничего! Да им и работать не надо, знай пори свою чушь на камеру и шути дебилские шутики, что бы как можно больше народу поржало и схавало контент. Все! ВСЕ! И езжай жрать своих лобстеров.

Нет, Никита решительно ненавидит и не понимает, как так случилось, что образовалась эта пропасть, как он жил все это время спокойно, о ней не зная, и как ему жить теперь в своей убогой жизни, когда он знает наконец, что есть другая. Совсем другая. И даже не как у Юльки, которую родители с детства чуть ли не в жопу целуют. Юлька к своим 15 уже побывала в половине стран мира.

Заставка Диснейленда, которую Никита вожделенно ждал

у пузатого рябого телека все свое детство, Юлька видела живую, и не раз. Американские бургеры, настоящая кола, суши японские, хоть они и мерзкие, но все равно – все из первоисточника, когда душе угодно! Такая жизнь, по мнению Никиты, была идеалом, и их с Юлькой тоже, конечно, разделяла пропасть но теперь – теперь, Никита знал, что то был обрывчек, от него до Юльки можно чуть ли не перешагнуть, а вот настоящая пропасть отделяет Никиту совсем от других людей и другой жизни.

Дома Никиту, как всегда, встречают горькая вонь водки, храп отца, грязь и тараканы, пустой холодильник, пахнущий тухлятиной.

Никита на цыпочках крадется к себе в комнату – крошечный аппендикс без окон, который раньше был чуланом, забирается в кокон одеяла прямо в одежде, и там открывает волшебный портал в другие реальности, которые Никита любит и ненавидит, о которых мечтает и которых боится, которые должны непременно стать и его тоже, и которых он, безусловно, не достоин.

Глава 5 Оля

Парфенов и мерседес не идут у Оли из головы. Эта картина Олю очень сильно цепляет. Как рыболовный крючок рыбью жабру, так мерседес – Олину душу.

Даша цедит чай, а Оля задумчиво качает ногой и, не мигая, смотрит в стену.

– Слишком ты все близко принимаешь, – говорит Дашка, – тебе-то что? Ну ездит он на машинке своей, ну и пускай.

– Нет, Даш, ты мне как психолог скажи, это нормально?

– А что такое вообще – нормально? – Начинает Дашка, но видя, как Оля тут же кривится, недовольно сжимает губы и уступает, – Ну хорошо, нормально для кого, Оля?

– Для него, да и для одноклассников. Вот ты подумай, – Оля устраивается удобнее, подбирается, наклоняется ближе к Даше и зачем-то понижает голос, – он в шестнадцать лет ездит за рулем машины – без прав, это ладно он, но родители то куда смотрят? Да еще Мерседес, Даш! Шестнадцати-то летнему мальчишке!? А если он собьет кого? Он же и наказание если понесет – то смешное! Получается мальчик водит машину, которую взрослые дяденьки себе позволить не могут, да еще и с чувством полной безнаказанности. Разве это на его психику плохо не влияет? А одноклассники? Ты сама, Даша, знаешь, сколько у нас в школе из неблагополучных семей. У них не то, что машины в семье нет, им иногда

надеть нечего. А тут Парфенов с его мерседесом.

Оля зло цокает и качает головой:

–Нет, Даш, не хорошо это, не правильно.

–А что вообще такое – правильно?

Оля машет рукой:

–Ладно, пойду домой, Кирюшку кормить пора.

–Да подожди ты, – Даша наливает Оле еще чаю. Дружат они давно, они одни в коллективе еще довольно молоды, почитай девчонки, и Даша знает – без Оли она совсем загрустит.

–Ну признаю, для мальчика это не хорошо. Он себя сейчас начнет от других отгораживать, самооценка вырастет, конечно, но и озлобленность тоже. В итоге он совсем один останется, по крайней мере у себя в голое. А с кем дружить? С завистниками? Да даже если они и не завидуют – все равно ему не ровня. Ну и вседозволенность, конечно, тоже голову ему вскружит – начнет глупости творить, сначала по мелочи, а потом, если вовремя от родителей не прилетит, может и вообще на преступление пойти. Такие дети, как правило, чувствуют себя почти богами, ни вины, ни страха наказания – ни-че-го. А вот то, что детям из семей бедных это вредить будет – тут не соглашусь. Пусть лучше злятся и из болота своего яростнее карабкаются.

–И что ты посоветуешь? – Оля примирительно отпивает чай – горький, передержанный.

–А ничего не посоветую. Что ты можешь? Запретить Пар-

фенову на своей машине ездить? – Хмыкает Дашка, – Ну в полицию заявить, конечно, можно, вот только чем это для школы обернется и для родителей его – вопрос большой. Так можно не то, что помочь, а жизнь испоганить. Он-то это все по дурусти...

–Значит, решено! – зЗвяляет воинственно Оля, – Пойдем к директору и с твоим экспертным мнением просить запрета будем. Ему проблемы не нужны – пусть вызывает родителей, решим все сами, внутри школы.

Даша поперхнулась.

–С моим мнением?

–Ты, как психолог, большой вес имеешь в таких вопросах. Ты же меня поддержишь?

И Даша крепко задумывается. Перед глазами ее одинокие вечера, обеды в компании престарелых теток, и бесконечные разговоры о давлении, больных ногах, язвах...

–Поддержу, – вздыхает она обреченно и грустно, – конечно, Оля, поддержу.

Мгла обнимает Олю. За ее спиной школа прячется в вечерних сумерках, и только желтые глаза окон выдают ее. Школа словно плывет огнями в пустоте, и этот охристый теплый свет так дорог Оле, что невольно щемит сердце. В нем все счастье, вся любовь мира.

Оля идет дворами, любуясь разноцветными огнями чьих-то жизней, и Оле кажется, что за каждым из окон живут уют, семейное счастье и покой. Эти мысли родом из детства – из

зимних прогулок с промокшими штанами, сосульками на варежках и ранней темнотой, наваливающейся сверху уже в четыре часа, выползающей из лесу, против которой только этот рыжий оконный свет и мог спасти.

Запах кухни – раскалённый цоколь лампочки, бабушкины пирожки с малиновым вареньем, мокрые до нитки шерстяные носки и варежки на батарее... Красные промерзшие коленки, которые даже спустя полчаса остаются холодными, как из морозилки. Вот, что прячется в этом свете в окнах, вот, что живет за тонкими стеклами. Оля садится на пустую качель и, перебирая по мерзлой земле ногами, слегка раскачивается – вперед, назад.

Окна то подпрыгивают ей на встречу, то отдаляются по странному косым углом. Оле немножко стыдно, что она, учитель, взрослая женщина, вот так глупо сейчас смотрится со стороны – большая и полная втиснутая между двух прутьев качели. Но так хорошо, так сладостно! И Оля позволяет себе это счастье – на пару минут. Пару минут не быть учителем, не быть матерью, не быть опорой – а просто побыть человеком.

Качель замедляет свой бег, скрипы ржавых петель все тише, все короче. Качель останавливается и Оля, снова прежняя Оля, встает, набрасывает на плечо сумку и идет домой.

Глава 6 Оля

Мать открывает дверь едва-едва, подозрительно щурит глаза в щель. Признав Олю, распахивает дверь резко и нервно, суетливым шёпотом говорит:

– Оля, я ей богу его пускать не хотела, да он пролез. Ты его в шею гони!

Оля все понимает по ботинкам. Они – большие и черные – два чужеродных объекта в коридоре. Оля не хочет, но все же отмечает дорогую лоснящуюся матовым блеском кожу, качественные шнурки, не стоптанный каблук. Затем Оля смотрит на свои сапоги – каблук махрится стоптанной набойкой, кожа вся помята и в трещинах от долгой носки, сизый мысок, как лысина на макушке, светлеет стертым пятном среди черноты.

Мелочная злоба вскипает в ней, и Оля делает глубокий вдох и медленный выдох, прежде чем войти в квартиру.

Андрей сидит на кухне, пьет чай из Олиной любимой кружки с пингвинами. По-хозяйски берет из пакетика печенье курабье, сам привез – сам и ест. Мать ему, конечно, на стол ничего не поставила. Кирюшка в комнате нервно мычит и качается из стороны в сторону – он знает, в доме чужой.

– Ну, чего тебе? – Оля устало ставит сумку на стол и садиться напротив. Она все еще в пальто, даже не разделась.

– Так ты значит гостей теперь встречаешь? Вера Степа-

новна мне даже чаю не налила, самому пришлось.

– Ну что, руки не отвалились?

Андрей хмыкает и качает головой: «Оля, Оля...»

Оля ненавидит себя за то, что смеет его разглядывать, вообще смотрит на него и отмечает – Андрей выглядит хорошо, даже прекрасно. Он похудел, стал как будто моложе. Чистые рыжеватые волосы красиво подстрижены, как-то по-новому – ему идет. Одет Андрей просто – по-рабочему: брюки, рубашка, джемпер. С ней он никогда так не одевался. С ней он всегда был чуточку недо... Недовыбрит, недопричесан... Всегда нервный, взвинченный, как бойлер, в котором давление вот-вот перейдет за красную черту.

А без нее Андрею хорошо.

Эта мысль жалит Олю каждый раз, стоит им встретиться. Поэтому Оля предпочитает не видаться, и даже, по возможности, не звонить.

– Ты Кирюшку приехал посмотреть? – Зпрашивает она, зная, что нет. Кирюшка Андрея боится, а Андрей боится Кирюшку. А может того, что это он, Андрей, Кирюшку создал. Ему от этого почему-то очень непросто.

– Да нет, – Андрей виновато тупит глаза, ему всегда стыдно, но поделаться он ничего не может, – я вот игрушку ему привез, извинение, так сказать.

И он вынимает из портфеля коробочку.

– Это что? – Говорит Оля, не притрагиваясь.

А ты открой и узнаешь.

Оля секунду мнется, затем пальцем слегка касается прохладной крышки коробочки, поддевает крышку ногтем, скидывает небрежно. Внутри телефон. Большой, с трещинкой от угла к углу.

– Это мое, так сказать, пародонте. Денег пока нет, вот я и подумал, хоть так помогу. Будешь Кирюшке мультики включать, сама пользуйся, а захочешь – продай.

Оля смотрит молча, смотрит на телефон, потому что на Андрея слишком трудно.

– Нам не нужно, – цедит она, выпихивает слова сквозь сжатые зубы.

– Почему? – искренне удивляется Андрей. – Если ты из-за трещины, так это стекло, не экран, оно снимается.

– Не поэтому, Андрей. Ты заведи, нам не нужно.

Андрей встает раздраженный, Оля видит красное пятно, издевательски выглянувшее из-за ворота рубашки.

– Знаешь, что, Ольга, тебе добро сделать хотят, а ты нос воротишь, гордая такая, у самой до сих пор телефон кнопочный, а Кирюшка, кроме этих мультиков телевизорных дебильных, ничего и не видел! Себе не хочешь, ребенку возьми. Мой, между прочим, ребенок, я ему добра хочу, ясно?

– А он лекарств хочет, – чеканит Оля холодно, смотрит в одну точку, только бы не выйти из себя, только бы не взглянуть на Андрея. Красное пятно под воротом...

Андрей машет рукой, что с Олей говорить? Все уже много раз сказано. Он хватает пальто с вешалки, неуклюже запихи-

вает ступни в ботинки и, даже не завязав шнурки, комично шагая, чтобы не наступить, с лязгом отпирает щеколду.

– А вообще знаешь, что? – в комнате зверем завыл Кирюшка. Андрей понижает голос, и продолжает: – Знаешь, что, Оля? Хоть в помойку телефон выкинь, но мой тебе совет, как мужчины – ты хоть на Ютуб зайди, краситься поучись. Вот ей богу, Оль!

И его спина исчезает за дверью.

Оля сидит. Каменная, холодная, как глыба льда. Долго сидит. Кирюша воеет, а мать его успокаивает, уговаривает... А Оля сидит.

И только мелко дрожат руки, а по щеке, жгучая как сама боль, ползет слеза.

– Ну что, ушел ирод?

Мать входит в кухню, по ее ласковому, заискивающему взгляду ясно – не справляется с Кирюшкой, нужна помощь. Оля быстро смахивает слезу, делая вид что не плачет, а мать – что не заметила. Секунду висит стыдное, неловкое молчание. Оля никогда не умела говорить с мамой о боли.

– Надо Кирюшу кормить, – наконец говорит Оля и, так и не сняв пальто, достает кастрюлю, роется на полках в поисках крупы. Банка как в воду канула, и вот Оля уже швыряет на пол пачки, пакеты, миски. И ревет.

– Ну все-все, Оль.

Объятия матери хрупки и невесомы, как будто оголодавшая и исхудавшая за зиму птица решила пригреть Олю под

своим крылом.

Оля ревет без слов – воет, и с воем и слезами как-будто уходит обида. Мама гладит Олю по спине и все это кажется бесконечным: Олин плачь, обида и материнское «ну все-все»

...

Утром Оле очень хочется никуда не идти. Будильник звонит, как всегда, в шесть тридцать, но Оля не встает, не шлепает босыми пятками в ванную, а остается в постели. Утро едва теплится за горизонтом, это еще только обещание рассвета. За окном жидкая мгла, вылинявшая из чернильного в серый. Оле паршиво. Оле очень-очень паршиво. Она сучит голыми ногами под одеялом потирая то одну, то другую. Рука сама тянется к телефону – позвонить, сказать больно и, несмотря ни на что, стоять на своем – не приду. Но Оля так не умеет.

Никогда не врала, а начинать уже поздно. Вранье, как спортивное воспитание и любовь к чтению, должно начинаться с детства.

Из зеркала на Олю смотрит хмурая, опухшая от слез женщина. Женщина именно, уже не девушка. Оля наклоняется и внимательно осматривает свое лицо, кожу, приподнимает пальцами верхние веки, уголки бровей. Натягивает в разные стороны кожу от подбородка к ушам. Когда она в последний раз красилась?

Давно.

Оля вздыхает, достает из тумбочки косметичку. Находит в

ней тушь, карандашик для бровей, помаду, румяна. Послюнявив кончик карандаша, Оля рисует брови. Они получают-ся какими-то чужими, как будто их изъяли у другой женщины и, в качестве гуманитарной помощи, всучили Оле.

Она стирает их ватным диском.

Да, наверное, так и к лучшему. У Оли ведь есть Кирюша, чего еще нужно? А вдруг Оля, накрасившись, так похорошеет, что в нее возьмет, и влюбится какой-нибудь мужчина. И конечно начнет дарить ей подарки, звать на свидания, в кино, в рестораны. А затем надумает жениться и сделает ей предложение... и тогда-то Оле и придется признаться, это все не она, это только косметика, а она – это Оля, у которой есть Кирюша, и ничего ты с этим не поделаешь.

Оля открывает шкаф, и вынимает наугад кофточку и юбку, одевается не глядя, складывает сумку и уже собирается выходить, но взгляд предательски падает на кухонный стол – на коробочку. Оля быстро воровато оглядывается и, схватив ее, сует в сумку, точно украла.

Всю дорогу до школы коробочка жжет Олю через сумочную ткань. Это плохая вещь, она плоха, потому что ее принес Андрей. Кинул ей, как подачку, как отговорку, точно в жерло своей вины, чтобы чуточку, хоть немного унялось это проклятое чувство.

Оля может простить Андрею, что он не любит ее. Так случается – приелась, понял, что не его человек... Но то, что Андрей не любит Кирюшу, Оля простить не может.

Когда Кирюшка только-только родился Андрей с ума сошел. Так любил его, точно весь мир и пальчика Кирюшкиного не стоит. И ночью и днем готов был сидеть у его кровати, сам его успокаивал, сам мыл и менял подгузники. А потом выяснилось, что с Кирюшей что-то не так.

Оля поняла, что Андрей ее не любит, когда Кирюшке было полгода. По предательскому красному пятну под воротом рубашки. Совсем как вчера.

Но то, что Андрей больше не любит и сына, Оля не могла понять еще очень долго. Куда она делась, эта любовь? Утекла, растворилась в горе и несправедливости? Как вообще умирает любовь? Разом – ежесекундно или крошится по кусочку день за днем, трескается и осыпается от каждого Кирюшкиного вопля, гримасы, действия – не такого, как надо...

И все же, гнусный смартфон жжет Оле ребра сквозь сумку.

В школе Оля барабанит пальцами о стол от нетерпения. Урок длится и длится, в тишине контрольной раздражающе громко тикают часы и скрипят ручки о бумагу. Дети пишут в своих новых тетрадях – свежескупленных, чистых, еще почти пустых. Белизна страничных листов трепещет в лучах утреннего солнца, такая хрупкая, такая мимолетная. Оля любит ее, и все же в мыслях приказывает часам идти быстрее. Звонок встречают стонами и тихими проклятиями, в классе начинается возня, головы вертятся, как на шарнирах, а гла-

за так и мечутся, стараясь урвать хоть один лишний ответ в чужой, летящей мимо к учительскому столу, тетради.

Оля стучит колпачком ручки по столу, как судья на заседании.

– Сдавайте тетради, время вышло.

И следом:

– До свидания, Юлечка, до свидания, до завтра ребята.

Гвалт перемены нарастает за дверью, как рев бури. Оля торопливо берет сумку и погружается в море маленьких быстрых тел, несущих друг друга единым потоком, в котором никто уже точно не знает, куда он идет, и туда ли хотел изначально. Оля плывет среди детей – медленная, фундаментальная, точно заземленная по сравнению с их легкими эфирными телами. Оля чувствует себя фрегатом в волнах – таким большим, таким полновесным – набиваемым с курса.

Кабинет Дашки оказывается заперт на ключ, и Оля стучит в него своим секретным стуком: три раза, один и снова три.

Дашка отпирает моментально, она поспешно доедает булочку с повидлом из столовой, а в руке ее дымится только заваренный чай. Она опасливо озирается и быстро пропихивает Олю внутрь.

– Я уж думала кто-то из детей на консультацию пришел, – выдыхает она. – Никакого от них спасенья, постоянно говорю родителям первоклашек: не заводите вы хомячков, дети еще не готовы столкнуться со смертью.

Оля хихикает, а Дашка наливает ей чай.

– Чего обедать не идешь? Сегодня суп рыбный, твой любимый, весь подвал им провонял.

– У меня к тебе просьба есть.

Дашка смотрит на нее подозрительно, в тайне надеясь, что Оля уже забыла о Парфенове и ее, Дашкином, экспертном мнении.

– Ну давай, рассказывай, – неуверенно мямлит она, и Оля, к Дашкиному счастью, вдруг достает из сумки коробочку и, со смущенный видом, подталкивает ее к Дашкиной руке.

– Даш, ты меня пользоваться научи? – просит Оля. Ее щеки слегка розовеют, и Дашка отмечает какое у Оли по девчоночьи наивное, открытое лицо.

– Ты что, смартфоном пользоваться не умеешь? – вскрывает Дашка коробочку.

Оля неловко пожимает плечами:

– Я все как-то кнопочным... Когда покупала, смартфонов еще не было, а потом Кирюшка, сама понимаешь, не до этого было.

Даша понимающе кивает, уж ей ли не знать про Олины реалии.

– Для начала, попробуем включить, – распоряжается она и с усилием давит на кнопку.

Телефон мертв.

Оля беспокойно ерзает, заглядывая в темный экран.

– Не работает? – и тут же добавляет: – Так и знала! Раз в

жизни принес подарок, и тот сломан!

– Кто принес-то? – уточняет Дашка, роясь в ящиках стола.

Оля прикусывает язык, но поздно. Говорить ей явно не хочется, но это же Дашка, как ей не скажешь?

– Андрей, – вздыхает Оля.

Даша выуживает из бардачных ящичковых недр черный провод и принимается тыкать им в телефон.

– Лишь бы подошло... – бурчит она тихо. – И что ему от тебя нужно было?

– Отсрочку по алиментам, – Оле стыдно говорить, точно это она своему ребенку деньги платить не хочет.

Даша качает головой – не удивленная, не расстроенная. Даже не сочувствующая. Но Оля этого не замечает: экран расцветает тусклым голубоватым свечением.

– Заряд кончился, – поясняет Даша, – он тебе зарядку то хоть выдал?

– Нет, только коробочку.

Дашка хмыкает:

– Вот же собака, – и смеется, – телефон лишний у него нашелся, а денег нет.

И Оля вдруг, сама того не ожидая, выдает:

– Да понимаешь, у него ведь дочка есть, ей и подгузники, и прикорм, и по врачам надо, и машина, говорит, сломалась. Ну нет денег, потом отдаст, он ведь всегда вовремя платил, даже и не думал лишнюю копейку Кирюше пожалеть.

У Дашки сердце щемит от Олиной доброты и глупости.

Она ведь любит, думает Дашка. Всех любит, даже этого Андрея, а себя не любит. Дашке от этого очень грустно, но и помочь она не может. Дашка-психолог очень хочет с Олей поговорить, раскрыть ей глаза, но Дашка-подруга знает, это дорога в один конец – конец их дружбы. Добрая глупая Оля на самом деле совсем не хочет прозревать, и любой, кто сдёрнет с нее эту старательно намотанную вуаль, станет первым врагом в списке.

И Дашка вздыхает и молча смотрит в оживающий экран и никак не отвечает Оле. Пусть себе жалеет, и любит, и думает, что все вокруг и впрямь такие хорошие и правильные, как в ее голове.

– Чему ты научиться-то хочешь? – переводит Даша тему.

– Мне надо видео в интернете смотреть, Андрей сказал, там Кирюшке мультик включать можно – развивающие.

Дашка понимающе кивает.

– Это можно, главное смотри, что ребенку включаешь. Интернет-дело такое – никаких границ. И хорошо, конечно, но и плохо бывает тоже.

Дашка что-то настраивает, а Оля смотрит. Даша говорит про wi-fi, и Оля отчаянно делает вид, что все понимает. Ей очень стыдно.

Одно дело, слышать непонятные слова от детей – они слиты со своим временем воедино, это потом время пойдет вперед, а они останутся. Но если Оля не в состоянии понять Дашку – это дело совсем другое.

За считанные годы после рождения Кирюши, Олю оторвало от современного хода времени. Замуровало в мгновение, заперло в хрущевке, как экспонат: а это вот Ольга Дмитриевна, человек разумный, но не современный, редчайший представитель культуры 90-х – на стене ковер, телефон с кнопками, Интернет – космические волны, от которых взрываются мозги. Не щелкайте, пожалуйста, вспышками, экспонат биться всего, чего не понимает.

Даша смотрит на нее своими глазами-рентгенами. Она все видит, все знает, от Даши не скрыться. Оля тупит глаза, этот Дашин взгляд невыносим. Она привыкла к безразличным глазам прохожих, к полным отупелой заскоружлой тоски глазам матери, к разочарованным, подернутым веселой презрительной ноткой, глазам Андрея. Но Дашка никогда не смотрела на Олю так – свысока. Как на глупую. Так дети на детской площадке всегда смотрят на Кирюшу.

– Ты сегодня как обычно заканчиваешь? – вдруг зачем-то интересуется Даша.

Оля кивает.

– Вместе с тобой пойдем, интернет подключим. Ничего делать не нужно будет – только деньги раз в месяц клади, и готово.

— е надо, Даш, я разберусь.

– Никто и не сомневается, – Даша улыбается, и Оля понимает – и вправду, не сомневается.

Глава 7 Оля

– Да как оно подключается? Ни черта же... А! Вот!

Оля щурится в яркий, до слезливой рези в глазах, экран телефона. Мама за стенкой сонно шаркает по полу – проверяет Кирюшку, прежде чем уснуть. Свет в кухне погашен, свет в окне напротив – горит.

В правом верхнем углу смартфона появляется значок сети. Оля прикусывает язык от нетерпения. Даша ей все показала – куда нажимать, что писать, где смотреть.

В вопрошающую строку поиска Оля тут же вводит «мультики, развивающие», и пару минут честно и даже старательно изучает подборку. Те, что нравятся, выписывает на листочек по названию, как сохранять, еще не научилась, ну, да и Бог с ним.

Отмотав две страницы с подборками, Оля стирает старый запрос и, не успев даже задуматься, вводит: «Мерседес, стоимость».

Модель Оля не знает и тыкает наугад, на те, что похожи. От цифр у Оли начинает подрагивать нижняя губа. Они, совершенно до этой минуты аморфные, вдруг материализуются во всем блеске и золоте перед Олей.

«А ведь они существуют – такие деньги», невольно думает Оля и тут же краснеет. Конечно же существуют, но не в реальности Оли. Такие числа, по ее пониманию, должны быть

гипотетическими, применяемыми только в задачах по вышмату.

Оля резко и раздраженно откладывает телефон. Без него тишина квартиры становится отчётливее и весомей. Оля притягивает колени к груди, обвивает их руками, кладет на них голову. В темноте, точно единственная звезда в чернильной ночи, горит окно напротив. Два человека ведут беседы, пьют свежий, дымком струящийся, чай.

Свои подглядывания Оля по-умному называет «культурологический интерес». По правде же, в ее интерес нет ничего культурологического. Она наблюдает за этими незнакомыми ей, чужими людьми так долго, что ей уже кажется, будто они родные. И живут они вместе, просто по странному молча. Оля невидимкой ходит меж них, пьет с ними чай, слушает разговоры. Оля призрак.

Оля прижимается горячим лбом к ледяному стеклу – по утрам оно уже подернуто инеем. За мутной синеватой пеленой оранжевый огонь ИХ жизни манит ее неудержимо. Оля вспоминает бьющегося о лампу мотылька, бабочек, сгорающих в кострище. Когда сам ты во тьме и холоде, жизнь отдашь, чтобы чуток погреться.

Андрей забрал с собой все – свою любимую кружку, все свои мелочи в ванной вроде каких-то булавок, лезвий от бритвы, лосьонов. Оля злорадно вдогонку бросала ему их совместные фотографии – ничего не пожалела, все уничтожила, вышвырнула из жизни, едва не избавилась от един-

ственной фотографии из роддома, потому что там они тоже вместе – втроем.

Пустота уже несемейной жизни пролилась на Олю как ведро с водой – отрезвляюще и бодряще. Поначалу злость стегала ее как кнут, и Оля радовалась, радовалась свирепо. А потом начала замечать, как хватает пустоту, вместо привычно стоящей раньше вазочки. Как тоскует по большой Андреевой кружке, из которой любила пить кофе. Как много места в ее шкафу.

Эти мелочи подкашивают Олю каждый раз, подтачивают изнутри, выедают огонь ее злости.

Кирюшка понемногу заполняет пустоту, но его маленькое существование не может заменить большое и осязаемое бытие Андрея. Кирюшкины игрушки вместо одежды и ботинок, Кирюшкины смешные, а иногда очень страшные звуки, вместо Андреевого голоса.

Оля позволяет себе эти мысли только ночью, глядя в окно напротив. Так они не столь мерзкие, не столь больно жалят – ведь есть счастье, у кого-то ведь все хорошо, а значит однажды так будет и у Оли.

Вздыхнув, Оля снова берет телефон в руки. «Уроки макияжа» – вводит она в строку поиска.

Глава 8 Оля

Утро застаёт Олю в легком волнении. Она не выспалась, но не замечает этого. Едва оживает будильник, Оля шлепает босыми ступнями в ванную и открывает заветную косметичку. В ней нет всех этих штук с заумными названиями, вроде хайлайтера, но Оля уверенно берет карандашик для бровей, по традиции слюнявит и деловито кидается в бой.

Сегодня на Олю смотрят. Оля скромно улыбается в шарф, только горящие девчоночьи глаза поблескивают и выдают ее радость.

Школа встречает ее удивлением на лицах учеников. Оля идет гордо. Впервые за долгое-долгое время, а может и вовсе впервые, Оля смотрит не в пол.

Она проходит мимо зеркала, и мельком бросает на себя взгляд – Оля чувствует себя красивой.

На уроке тишина. Ученики молчат. Двадцать с лишним пар глаз приковано к Оле. Когда еще такое было? Они едва перешептываются, через класс по красивой длинной дуге пролетает тройка записок. И все. Урок проходит в молчании.

Оля довольна собой. Она ищет себя глазами в любой мало-мальски отражающей поверхности – в савдеповской еще лаковой столешнице, в морозном льдистом окне, в выпуклой, как рыбий глаз, столовской ложке. Оля сегодня красивее всех.

Дашка выуживает ее в коридоре, без слов аккуратно берет под локоть и деликатно, но с силой уводит в свой кабинет.

– Ты дура что ли? – восклицает Дашка, едва дверной замок находит свою вторую створку.

– Даш, – робко возражает Оля.

– Ты зачем так размалевалась?

Даша горестно вздыхает, присаживается на край стула, качает головой.

– Ученики только о тебе и говорят – в коридоре услышала. Смотрю – а ведь правду говорят!

Оля краснеет, но под румянами этого не видно.

Даша снова вздыхает, еще протяжнее и тяжелей.

– Ладно, – говорит она, – принесла с собой?

– Что принесла?

– Да косметику свою, Оль! – взрывается Даша.

– Нет, – отвечает Оля тихо.

– Нет, – повторяет эхом Даша и задумчиво, словно во сне, идет к своему столу, выдвигает ящик, достает матерчатую сумочку.

– У меня немного, но уж что есть.

Дергается дверная ручка, но дверь заперта.

– Дарь Санна, я на консультацию пришел, открывайте! – пищит мальчишеский голос.

– У меня обед! – не отвлекаясь кричит Дашка.

– Какой еще обед!?! – дверь начинают пинать ногой. – Большая перемена давно закончилась!

Закатив глаза, Даша отпирает щеколду и высовывает голову в щелочку.

– А я тебе не собачка по звонку есть.

Любопытный детский глаз так и норовит углядеть что-то за Дашиным телом.

– Я на вас директору нажалуюсь!

– Угу, и первый же пожалеешь! Топай давай, Семенов.

– Дашка дура! – кричит он в последней попытке вразумить упрямую Дашу.

Но та, показав ему язык, равнодушно закрывает дверь.

– Ты чего это? – ошарашенно спрашивает Оля.

Даша машет рукой:

– Он ко мне пятый год уже ходит «консультироваться». А по правде, мы с ним просто чай пьем.

– Родители у него – продолжает Даша погрузнев, – очень занятые люди. На ребенка времени нет. В день рождения он сам, в новый год – один. Вот он мной и компенсирует. Ребенку, хоть свой хоть чужой, нужен взрослый.

– Ничего, – добавляет она, – просопится, пропыхтится и придет.

– Ну, ты как это все сотворила-то? – обращается Даша к Оле.

Оля молчит, и Даша жалостливо вскрывает косметичку.

– Ты на малолеток то не смотри. Им чем ярче – тем лучше. Они так себе пиар создают, – и тут же машет рукой, мол, не бери Оля в голову, – а нам с тобой такой раскрас уже не

подходит. Ты вот кто у нас? Девушка осень?

Глава 9 Оля

Мерседес за несколько дней успел поселиться у школьного входа. Яркий, поблескивающий на редком, почти зимнем уже солнце, он всякий раз мозолит Оле глаза.

На все предложения пойти наконец к директору, Даша отвечает уклончиво: «Да-да, вот только заполню бумаги... Допишу статью... Вымою кружку... Придумаю отговорку по-лучше...»

Оля стоит – руки скрещены на груди. Мерседес просвечивает ярко-алым в прорехах меж голых ветвей деревьев. Раньше, за чахлой бурой листвой, его не было видно, но теперь...

Оля в своём созерцании не одинока. Младшеклашки, выстроившись вдоль окон шеренгой, стоят в молчаливом благоговении.

– Я, когда в девятый класс пойду, у меня тоже такой будет! – говорит один. На лице его религиозный восторг, рот приоткрыт, весь он, сколько есть росту, макушкой и острым носиком тянется к потолку, чуть не взлетает от сладостного предвкушения обладания.

– Ага... – тут же возвращает его на землю товарищ. – Ты сначала кроссовки новые купи, у тебя вон, ботинок землю ест.

И гогот.

В кабинет директора Ольга входит решительно:

– Валерий Ренатович, можно?

– Ой, Оленька Дмитриевна, – встречают Олю улыбкой, – заходи, заходи. Тебе чайку?

Оля качает головой:

– У меня просьба к вам, важная.

Валерий Ренатович – лысый, с покрытым старческими пятнами черепом, кругленький, как и его юбилейный возраст – 60.

Слова Оли отзываются в нем больным, давящим на сердце предчувствием.

– Кто, что натворил? – спрашивает он.

Оля присаживается напротив, Валерий Ренатович ослабляет галстук и, взяв со стола бумаги, машет ими, как веером.

– Пока никто ничего не натворил, – примирительно говорит Оля, – но может!

– Ну не томи, не томи, говоришь вечно загадками своими литературными. У нас же не урок поэзии, в самом деле, Оль! Говори давай – просто и по делу.

Валерию Ренатовичу тяжело – видно Олино томительное молчание давит ему на сердце.

Оля выпрямляет спину, вся подбирается, точно это изменит саму ее манеру изъясняться.

– Валерий Ренатович, у вас под носом творится страшное! В любой момент какой-нибудь ребенок получит травму, а может и хуже, и это я молчу о негативном влиянии на психику, которое уже получил не один, не побоюсь сказать,

десяток учеников!

Оля грозна. Напряженная как струна, она говорит, глядя в стену. Она – учитель, она чеканит слова, как стихи перед учениками. И верит в них так же сильно.

Оля вся в своем монологе, она не замечает, как Валерий Ренатович оседает в кресле, сжимается, растекается по подлокотникам и спинке, точно кожа вдруг стала ему на два размера больше. Она не смотрит на него нарочно, это не первый их разговор. Если посмотрит – пожалеет его. Пожалеет и замолчит, и все оставит как есть.

Она еще помнит его другим – энергичным веселым мужчиной с яркими чистыми глазами. Оля тогда сама еще училась в школе. Он и принял Олю работать в родные стены. В этой школе, по сути, и прошла вся Олина сознательная жизнь.

А сейчас Валерий Ренатович, словно проткнутый мяч, оплыл вниз и в стороны, глаза его сделались желтыми и мутными. «Это все проверки, со свету меня сживут» – говорил он как-то Оле.

И Оле не хочется продолжать, и все же Оля должна:

– Вы Мерседес у школы видели? – спрашивает она чуть мягче.

– Мерседес? – Валерий Ренатович выпрямляется. Одно это слово «мерседес» обратно вдохнуло в него энергию.

– Ну-ну, Ольга Двимтреевна, что там с нашим мерседесом? – спрашивает он по директорски деловым тоном.

– А вы как считаете? – раздражается Оля, – ваш он может, Валерий Ренатовч, или мой? Ни у кого из работников на такую машину – Оля нервно оправляет юбку – денег не хватит. Приезжает на нем ученик, между прочим, не совершеннолетний! Ни прав, ни опыта, ни знаний у него нет. А дети, сами знаете, через дорогу только так бегают. А если он задавит кого? Я уже молчу про зависть одноклассников и детей из неблагополучных семей. Их у нас учиться предостаточно. Какого им? Нет, я авторитетно, с поддержкой нашего психолога, Дарьи Александровны, заявляю, это нужно запретить и немедленно!

– От меня-то ты что хочешь, Оль? – перебивает Валерий Ренатович.

Оля на секунду теряется.

– Ну как, Валерий Ренатович, вызовите, родителей, объясните, что так нельзя, что это опасно, чем это их сыну грозит, и что школа этого не приветствует, так обычно это делается?

– Тьфу ты, – Валерий Ренатович встает, – пришла, напугала меня. Оль, вот честное слово, лучше бы работала! Иди вон, книжку почитай, Лермонтова какого-нибудь, делами займись. У нас четверть кончается, нужно аттестацию проводить, иди Оль, иди.

– Как идти? Валерий Ренатович, а с Парфеновым что?

– А ничего с Парфеновым, – Валерий Ренатович смотрит Оле в глаза и в мутной желтизне их стылость. Этот тяжелый,

внезапно чужой взгляд пугает своим безразличием. От этого взгляда Оля невольно делает шагок назад.

– Это личное имущества ученика, школа к этому отношения не имеет, ясно? – когда Валерий Ренатович говорит, его массивные щеки идут мелкой рябью. – Вы у нас, Ольга Дмитриевна, кто? Учитель литературы? Так вот идите и стихи проверяйте!

Оля выходит за дверь. Сердце ее отчего-то бьется испуганно и часто. Оля выдыхает, медленно, протяжно. Закрывает глаза.

Открывает – за окном, в прорехах ветвей красный и чужеродный среди куч жухлой листвы, черных мешков для мусора и грабель, стоит мерседес.

Глава 10 Никита

Самое лучшее топливо – злость. Это Никита понимает очень быстро. Злость и зависть – никакая любовь доброта и честность не заставят вставать так рано, пробовать снова и снова, ничего не чужаться, не стыдиться, ни перед чем не останавливаться.

Первые успехи, а вместе с ними и доход, Никите приносят пранки прохожих. Ничего особенного – там сумку «украл», тут кому-то на голову колу вылил, в глушитель что-то вставил – одним словом, все в рамках закона, детские шалости, никто особо-то и не страдает, так – поорут, позлятся, Никита заплатит им немного за моральный ущерб и все довольны.

Вообще, власть денег, открывшаяся перед Никитой, ужасает его и восхищает до дрожи. Можно сделать что угодно – ну вот вообще все – и все сойдет тебе с рук, главное делать то, за что способен заплатить. И Никита делал, без задних мыслей, без всяких рассусоливаний и промедлений. Арифметика онлайн мира очень проста: пока растут твои просмотры, растет и кошелек, а что людям хочется и нравится смотреть – это уже их дело, это на их совести, Никита, по сути своей, всего лишь исполнитель запроса.

Ну разве его вина, что зритель нынче обмельчал? Ну хотят они ржать над толстой теткой в белых брюках, которой он на лавку намазал шоколад? Ну и пускай себе. Ей деньги на

новые брюки, ему на... ну впрочем то не важно, у Никиты имеются планы на деньги, главное уберечь их от родителей.

А если Никита и задумывается о том, что он делает и почему, так эти мысли очень быстро покидают Никитину голову, стоит ему зайти в соцсети и поглядеть на блогеров миллионников, на их дома и тачки, на их телок с ногами длинными, ровными и загорелыми, с этими их упругими, как мячи, задницами, а уж про сиськи Никита вообще старается не думать... Куда уж его Юльке... Но ничего, и телки приложатся, было бы достаточно денег...

И Никита снимает, все время свое тратит на новые сюжеты, еще более неожиданные, провокационные, спорные, вызывающие еще и еще больше любви и осуждения зрителя.

О-о... Никита любит осуждение, оно дороже любви. Так же, как злость и зависть сильнее цепляют и мотивируют, так осуждение и негодование приносят больше денег. Где осуждение, там резонанс, где резонанс, там хайп, просмотры и главное – бабки.

Чего Никита не может понять, так это родителей. Они не хотят его денег, они им вообще, как будто бы, не нужны. Все чего хотят родители – выпить. Что бы под руку вовремя попадалась бутылка, а в холодильнике всегда была закусь. И что б никуда не нужно идти, а только бухать целыми днями и ни о чем не думать...

Но и это Никита находит исключительно теперь уже полезным. Выпив, родители становятся добрыми и тихими, не

спрашивают Никиту, куда он идет, и чем занимается, как его учеба и, самое главное, откуда у Никиты этот бесконечный запас пошла и закуси, который, как по волшебству, обновляется в родительском доме каждый день.

Никите это удобно. Очень удобно давать родителям, что они хотят, ведь тогда и сам он получает, что хочет – свободу.

Единственная трудность, с которой столкнулся Никита в своей работе блогером – постоянная нужда повышать градус накала. Вскоре толстые тетки в белых брюках перестают вызывать такую бурю негодования и смеха, аудитория остывает к его детским шалостям и шуточкам, и приходит пора найти что-то посерьезнее.

Озарение ударяет Никиту прямо в висок, ударяет пре-больно в виде баскетбольного мяча, который Витек – Витька Сорокин, перекошенный и заторможенный, одним словом отсталый – конечно не смог поймать.

Под общий хохот парней Никита потирает ушибленную голову, и вот уже собирается наехать на Витьку и запульнуть тому прямо в его перекошенную плаксивую рожу, но тут Никита сам для себя неожиданно выдает:

– Витек, а ты вечером что делаешь?

– Ты что, его на свидание приглашаешь, Никитос? – орет ему Длинный с другого конца спортзала.

– Не, это он стрелку забить решил! – возражает кто-то из толпы.

И вот уже все скандируют: «Стрелка, стрелка, мочи недо-

ношенного!»

Под рев одноклассников, Никита подходит к Вите и, глядя в его маленькие испуганные глаза, спрашивает:

– Денег хочешь? Много? Просто так?

Глава 11 Оля

Кирюша не любит строить – кубики рано или поздно падают, песок его не слушается. Кирюша не строитель – он создатель. Оля сидит на лавочке и смотрит, как Кирюша палочкой делает в песке углубление, а затем склоняется над ним – низко-низко – и замирает так минут на десять. Затем он ножкой делает маленький гусиный шаг в сторону и снова делает дырочку и смотрит.

В этой черной тьме таится для него что-то важное. Оля думает, не там ли спрятан ее мальчик, не на дне ли одной из ямок он притаился и ждет, когда же Оля догадается, когда она поймет, что тело – всего лишь тело, а сам Кирюша – далеко.

В сторонке стоит группка мамаш со своими детьми. Дети, визжа и хохоча, катаются с горки, покоряют турникеты и деревянные качельки-весы. Все доступно их детям на этой площадке, кроме песочницы. Мамаши ловят своих карапузов, как только те устремляются лепить куличики, поймав за капюшон разворачивают, тихо отчитывают: «Я тебе что сказала? Не видишь, нельзя в песочницу, иди еще с горочки покатайся.»

В песочницу нельзя, ведь там Кирюша. Олю это давно не обижает, чего она только не слышала за эти годы, и что не отвечай: Кирюша не заразен, это врожденное, генетическое,

у него синдром, он просто отличается, он – особенный! Все бестолку. Кирюша пугает, а страх, как хорошо теперь знает Оля, толкает людей на невообразимые вещи.

Мамаши косятся на Олю, шепчут друг другу на ухо. Оля не глядит на них и не уводит Кирюшу как раньше, в конце концов, она имеет право, и Кирюша тоже имеет, как все дети играть и резвиться, сколько ему захочется.

Олины пальцы нащупывают через ткань мягкую складку кожи на бедре и сжимают. Жмут и жмут до побелевших костяшек, до онемения пальцев. Колючий от мороза ветер режет глаза до слез. Оля отнимает пальцы от складки и смахивает слезинку. Пульсирующая боль в ноге действует отрезвляюще, как свежий воздух в жаркий день, Олю тут же отпускает тревога. Хорошо.

– Я первая, я первая! – две девчушки погодки наперегонки бегут к качелям. Одна – повыше и, наверное, постарше, добегают первой и ложится на качель животом. Ноги ее бегут по земле – вперед, назад. Светлые волосы, точно нити паутинки, колышутся над мерзлой почвой.

Вторая плюхается на сидушку и уже с хохотом летит вверх, лицом в небо. Крыши прыгают ей на встречу, почти падают на голову, опрокидывается небо и лицо отца – смеющееся, молодое – перевернутый треугольник.

Оля оборачивается, готовясь нести оборону, отстаивать свою позицию – она и Кирюша не уйдут, хотите качайтесь рядом, хотите – уходите сами, Оле все равно!

Но тут же замирает в растерянности, ведь это он!

Он – понимает Оля.

Кирюша, напуганный смехом и криками, заводит свою протяжную песнь. Он обхватывает колени руками и качается из стороны в сторону – как буюк на волнах.

– Кирюша, – Оля щелкает языком: цок, цок, цок, – иди ко мне, давай.

Кирюша не идет, и Оля сама берет его на руки, но Кирюша молотит ногами и ручками по животу, по плечам, по лицу.

Оля не глядит на девчонок погод, и качающего их качели отца, Оля идет быстро, почти бежит в спасительную тьму подъезда, она не видит дороги из-за Кирюшиных лупящих воздух рук. Ощупью она находит перила и, точно слепая, взбирается по ступеням, пальцами очертив все изгибы и выбоинки облупившейся краски.

Это был он. Увидел ли Кирюшу? Понял ли?

Сердце Оли колотится так, что и Кирюша, должно быть, чувствует сквозь ее пальто и свой комбинезончик. Задышавшись, Оля заходит в квартиру, тут же ставит Кирюшу на пол и рядом садится сама.

Кирюша воеет и дергается, бьет пол ладошками, он плачет без слез, только у-у – монотонная нота горя. Он стихает сам, и тогда бабушка помогает ему раздеться, а Оля сидит – в пальто и шапочке, глупой, с помпоном, не снимает ни ее ни сапог, и не слышит Кирюшу, и мать.

Потому что там, во дворе – это был он.

Оля никогда не видела его вот так – близко, почти нос к носу без разделяющих окна метров ночной тьмы.

– Ты чего расселась то Оля? Случилось что? – шепчет мама. Кирюша едва успел утихнуть.

Оля елозит каблуками по луже натаявшего грязного снега и смотрит в стену.

– О-ля? – повторяет мама по слогам. – Ну ты чего пугаешь меня, скорую может вызвать? Плохо тебе?

Оля кивает, затем сразу трясет головой.

– Мам, я красивая? – спрашивает вдруг Оля.

Оля росла в приличной семье. Отец – ударник труда, строитель, строил дворцы культуры. Мать – библиотекарь. Там и прошло Олино детство – в пыли библиотечных стеллажей, с бесконечным формуляром, исписанным синими размашистыми именами классиков и не очень – все маминой рукой.

В их семье не принято было говорить о внешности, даже как-то стыдно. Оля не смотрелась подолгу в зеркало, не наряжалась, не красилась. Мамин строгий пучок и сжатые в нитку губы, грубые мозолистые руки отца с кантиком синеватой грязи под ногтями – все это научило Олю любить труд и не любить себя. Как тело. Как женщину.

В книгах писали – главное душа. А красота, она в мелочах: в завитке волос, в ямочке на щеке, в родинке на сгибе локтя. Красота она в глубине в лиричности, в томных вздохах и длинных письмах. «Дорогой Андрей, пишу вам с папенькиной дачи, этим летом мы отдыхаем всей семьей на наших

б-ти сотках и копаем картошку. Папенька говорит, от этого улучшается самочувствие и крепнет организм...»

Повстречав Андрея, Оля начала подозревать, что в книжных историях есть что-то искусственное, далекое от Андреевой живой искрящейся любви, жадной, не замечающей деталей, сметающей собой и завитки и родинки, жаждущей только тела, и совсем чуть-чуть души.

Но научиться на себя смотреть и главное себя видеть, Оля так и не смогла.

– Это что еще за разговоры, ты что, девочка маленькая? У тебя сын надрывается, а ты о глупостях думаешь! – мать тупит взгляд, встает, губы ниточкой, сердито отворачивает голову.

Оле отчего-то больно. Может Кирюшин кулачок ударил слишком сильно... Оля стягивает сапоги, шапочку, пальто. Вставать сложно, еще сложнее жить привычной жизнью. Олю ударили, ударили больно и сильно. А вставать после ударов тяжело.

Но Оля поднимается. Заваривает Кирюше кашу, толчёт таблетки. Их уже совсем мало, и Оля немного уменьшает дозу.

Кирюша еще боится, это видно по сжатым кулачком и напряжению в плечиках. Щеки красные после мороза, и коленки розовые – он сидит в маечке, одна лямка сползла по пухлой ручке.

Оля садится напротив, смотрит на Кирюшены губы – в

глаза нельзя. Кирюша чует кашу и пощелкивает языком – сегодня неуверенно и робко, но ложка появляется как по команде. Кирюша плохо принимает новую еду, поэтому Оля добавляет ее постепенно: маленькую ложечку яблочного пюре в самый центр тарелки. Берет оттуда чуть-чуть и добавляет к каше. Кирюша ест сначала медленно, проверяя. Яблоки ему нравятся, он не отбрасывает ложку, тарелка не растекается кашей по полу.

Оля улыбается. Кирюшины волосы светятся золотом в холодном, почти зимнем свете. Его головка горит теплом отражая свет лампочки в кухне. Он – Олино личное солнышко, всегда с ней, в самый лютый мороз, в самую темную ночь. Оля осторожно берет Кирюшу за ручку. Он отворачивается, но ручку не отнимает, наоборот, слегка сжимает Олин большой палец.

Уложив Кирюшку в кровать, Оля тихо вздыхает. Спина матери упрямой линией виднеется в полутьме – отвернулась к стене, уснула ли? Отчего им так сложно вместе?

Оля на цыпочках пробирается в ванну, глядит в зеркало, но перед Олей незнакомое лицо. Какая-то женщина с усталыми глазами и затянутыми коек-как волосами не то в хвост, не то в пучок... Кто эта женщина? Похожа ли она хоть немного на ту, другую женщину, живущую напротив с мужем и дочерьми. На женщину, живущую с ним?

Да и какая, в сущности, разница!

Оля зло отворачивается от зеркала, выходит из ванны, ду-

мая сразу же лечь в кровать, так же лицом к стене отвернуться и уснуть, забыть, но взгляд ее невольно падает в кухню, к окну, и Оля видит маяком горящий в ночи свет в квартире напротив.

Глава 12 Оля

Дедушкино ружье лежит на шкафу. Оно хранится в специальном футлярчике с латунной застежкой, футляр обит замшей и плотный как панцирь. Футляр лежит в чемодане – небольшом саквояже военных времен. Там же лежат ордена, лены, и военный бинокль. Оля встает на стул, тихо, стараясь не скрипеть. Сизая пыль с чемодана оседает Оле на лицо, и она жмурится, задерживает дыхание – только бы не чихнуть, мама с Кирюшей спят. Голые пятки приплясывают на шатком стуле, одной рукой Оля держит саквояж, второй зажимает нос. Обошлось.

Оля открывает чемодан уже в кухне. Слой пыли расчерчен отпечатками ее рук. Оля достает футляр с ружьем, отстегивает латунные застежки, берет ружье в руку. Оно тут же тянет Олину ладонь вниз, как камень ко дну реки. Ледяное дуло пахнет смазкой и порохом – острый неприятный запах, от которого щекочет в носу. Оля чихает и тут же замирает испуганным зверем – тишина. Никто не проснулся. Кирюша беспокойно хнычет во сне – вся жизнь ему только снится.

Оля убирает ружье обратно в футляр и достает бинокль. Свет выключен, тишина кухни разбивается о секундную стрелку часов, а в промежутках между тиканьем – беззвучная пропасть. На другом краю этой пропасти двое пьют чай и разговаривают наедине.

Оля прикладывает бинокль, железные ободки больно впиваются в кожу холодом. Бинокль пахнет старой замшей, пылью, металлом и чем-то еще незнакомым, и очень притягивающим. Так не пахнет больше ничто в мире: это запах на грани дымка от оледенелого металла, масляной смазки, меди, и дедушкиных папирос.

Оля крутит кольцо фокусировки, настраивает резкость.

Два человека напротив вдруг попадают прямо к Оле на кухню. Она стоит за их спинами молчаливой тенью. Она смотрит на ямочки от улыбки в уголках губ, на ресничку, упавшую на щеку.

Они так близко, что, кажется, протяни руку... Оля упирается ладонью в ледяное оконное стекло.

Он совсем не такой, каким Оля себе представляла все это время. Подумать только, а ведь она никогда раньше не видела его вблизи. Оля все придумала. Придумала всю их семью – внешность, голоса, имена.

Оля убирает бинокль. Это снова чужие ей люди. Она их не знает. И все же, ведь Оля узнала его...

«Я не знал тебя, но узнал тут же».

Оля трясет головой и скорее прячет бинокль обратно в мешочек, затем в саквояж. И зачем-то, может для пушшего убеждения, ногой отправляет саквояж под стол.

– Фух, – Оля тяжело опирается локтями о столешницу. Крошки хлеба впиваются в кожу сквозь решето петель вязанного свитера.

Оля поворачивает голову – пара в окне напротив все еще говорит. Жена сидит на столешнице, голые ноги в спущенных гетрах на коленях у мужа. Он всем своим корпусом подался вперед, к ней, точно даже это ничтожное расстояние ему натерпится, жаждется преодолеть.

Она смеется. Короткие каштановые волосы встрепаны – локоны щекочут плечи.

Оля резко задергивает шторы. Сеанс окончен. Пора спать.

Глава 13 Оля

Семья Парфеновых живет в обычной хрущевке, пятиэтажное серое здание, вытянутое вдоль другого, такого же, похожего как близнец. По своей форме дом похож на кирпич, уложенный на бок. Оля топчется у подъезда – в руке бумажка с адресом. Оля неуверенно оглядывается, выискивая взглядом дом «покруче». Как-то не вяжется мерседес с облупившейся краской двери, с выбитым замком и отсутствием домофона. С третьего этажа на Олю скалясь, лает морда бульдога.

Идти к Парфенову или нет Оля практически и не думала. Не было у Оли такого выбора – поступиться своей совестью. Мерседес каждый день мозолит Оле глаза – он стоит на школьной парковке, в ряду старых, побитых жизнью учительских машин, даже как-то неприлично сверкая своей новизной и дороговизной. Каждый день рядом с мерседесом на переменках собирается толпа детей, которые хоть и хорохорятся, но смотрят на машину с благоговейным ужасом. Даже самые наглые хулиганы не осмеливаются плюнуть на капот, или пнуть колесо – так из мелочной злобы.

Оля глядит из окна, как все дети – от первоклашек до выпускников – буквально молятся на эту машину, как на идола.

Нет, не может Оля молча стоять в сторонке, упрямая она – Оля, но ведь если не упрямитесь, если не пытаться – совесть

загрызет ее, замучает до смерти.

А если однажды Никита, по молодой дурасти, собьет ребенка – Оле никогда уже не будет прощения. Это не Парфенова будет уже вина, а Олина, потому как она могла воспрепятствовать, вмешаться вовремя, но сдалась.

Нет, Оля решительно так не умеет.

Двор перед Никитиным домом пуст, качели брюхами царапают подиндевевшую корку сугроба. Снег лег совсем недавно, и по традиции его смели с проезжих дорог во дворы и на обочины. Так что на качелях не покататься теперь до самой весны.

Оля оправляет шапочку – адрес верный.

Лишенная замка дверь не держит тепло, и в подъезде стоит дубак. Оля опасливо поднимается по ступеням. В подъезде пахнет едой и мокрой шерстью, где-то плачет ребенок, ему вторит неистовый собачий лай, громко работает телевизор.

Парфеновы живут на пятом, под самой крышей. Оля специально выбрала время, когда Никита в школе. Позвонила с утра, сказалась больной, чтобы нашли замену, и взяла день отгула. Оле почему-то показалось верным поговорить с родителями с глаза на глаз, к тому же Парфеновых старших она никогда не видела.

Время обеда, на Олин робкий звонок в дверь никто не спешит. Оля кивает сама себе, для надежности звонит еще раз. Вот дура, с чего двум взрослым людям в будний день быть

дома?

Не питая уже никакой надежды, Оля отворачивается от двери. В мутных высоких подъездных окнах серая дымка зимнего дня. Оля щурится от холодного искристого света. Здесь, под крышей, так светло. Где-то под потолком едва слышно воркуют голуби, прячутся на чердаке от зимней тужи. Оля стоит, задрав голову, оглядывая шероховатую поверхность беленых потолков подъезда и слушая уютное голубиное воркование.

– Чего надо? – раздается вдруг за спиной, и Оля вздрагивает от испуга.

Дверь по-прежнему закрыта, только в дверном глазке едва заметно мечутся тени. Чей-то глаз следит за Олей с той стороны.

– Здравствуйте, – говорит Оля, – меня зовут Ольга Дмитриевна Хтонова, я учитель Никиты Парфенова, хотела поговорить с родителями. Анна Николаевна, это вы?

Дверь отрывается на длину железной цепочки. Из щели тянет кислым супом и горьким запахом водки.

– Ну, я, – неохотно представляется Анна Николаевна, Оле она не рада. Ее мутные расфокусированные глаза смотрят недобро. Волосы, густые и темные как у Никиты, свалялись сальными сосульками, – а Никита в школе, там с ним и говорите.

Оля вовремя вставляет в щель мысок сапога.

– Никита, конечно, в школе, он вообще молодец, никогда

не прогуливает, – Оля улыбается, – я с вами пришла поговорить.

Анна Николаевна раздраженно вздыхает, но отпирает дверь. В квартиру Олю никто не приглашает. Анна Николаевна встает на пороге – руки скрещены, маленькие глазки блестят недовольством. Она как будто ждет, что Оля вздумает прорываться внутрь с боем.

– Ну?

– Вы знаете, как Никита добирается в школу? – сразу переходит к делу Оля.

Анна Николаевна фыркает.

– Ну знаю, и что?

– Никите сейчас 16 полных лет, у него нет водительских прав, вам не кажется, что это неправильно?

Анна Николаевна как будто не понимает вопроса:

– Какие права?

– Никита приезжает в школу на машине, самостоятельно водит транспортное средство, – поясняет Оля, но в глазах Анны Николаевны нет понимания.

– А вам что?

– Вы не боитесь, что Никита попадет в аварию? Или его остановит ГАИ?

Из квартиры нестерпимо тянет перегаром, сигаретами, прокисшим борщом. Оля невольно морщит нос, очень хочется спрятать лицо в надушенный шарф.

«Откуда у этих людей мерседес?» – эта мысль появляется

невольню, и как Оля не отмахивается от нее – ведь она пришла совсем не поэтому, пусть Никита ездил бы хоть на ржавых жигулях, Оля волнуется только о безопасности... И все же, откуда, откуда взялся этот мерседес?

– Анька, кто там? – несется хриплый бас из недр квартиры. Парфенов Сергей Павлович выше Оли на две головы, в ширину едва вмещается в дверной проем. Сергей Павлович явно носит в себе восточную кровь – его крупный горбатый нос увеличенная копия носа Никиты. Майка тельняшка не закрывает поросшие волосами плечи и едва прикрывает объёмный, такой же кучерявый, как и плечи, живот. Сергей Павлович плечом оттесняет от двери Анну Николаевну и занимает ее место:

– Че надо?

– Никита чего натворил? – тут же добавляет он. – От засранец, ну я его ремнем исхожу, ну я его!

– А как же вы... не на работе, – сама того не ожидая спрашивает Оля.

– А у нас это, семейный отпуск, – гогочет Сергей Павлович – мы вон время, так сказать, вместе проводим. Да, Анька?

Огромной рукой он притягивает жену к себе под бок и та, хихикает и дует опухшие щеки.

– Отдых у нас, раз в жизни отдохнуть решили, а то пашем, как кони без продыху, – подтверждает Анна Николаевна.

– Ну, так чего он там, черт, натворил? – Сергей Павлович

шмыгает носом.

– Он ничего не натворил, наоборот, Никита замечательный мальчик, – Оле трудно собраться с мыслями, – я только хотела попросить запретить ему водить машину до получения прав. Понимаете, у школы дети бегают, не дай Бог что случится...

– А чего такого? Его машина, пусть и водит, – не видит проблемы Сергей Павлович.

Оля смеется, как если бы кто-то очень умно пошутил:

– Бросьте, откуда у мальчика машина, Сергей Павлович, если вам свое имущество не жалко, подумайте о сыне, он ведь молодой, горячий – захочет перед одноклассниками повыпендриваться и врежется куда-нибудь, или собьет ребенка, Никите рано доверять вождение.

– А я к его делам отношения не имею, – Сергей Павлович внезапно становится серьезны, – он сам купил, пусть что хочет, то и делает. Ясно? Мое дело вон, – рука его расстёгивает воображаемый ремень, – воспитывать, коль чего. Вот натворит дел, тогда поговорим.

Дверь закрывается с таким ударом, что грохот еще минуту звенит под беленым потолком. А затем в тишине вновь начинают ворковать голуби.

Оле точно дали по голове – она стоит и моргает, и глупо открывает и закрывает рот. Только через несколько минут она наконец отворачивается от двери и медленно, точно под успокоительным, бредет вниз по лестнице. Полные ноги, за-

тянутые в кожаные сапоги, буквально соскальзывают с краев ступеней, у Оли нет сил поднимать чугунные ступни. Глухо, как из далека, лает собака, бульдога тащат на веревке на прогулку. Он видит Олю и, брызжа слюной, повисает на веревке лапами скребя воздух.

– Пошли давай, чего встал, – орет паренек подросток, затем глядя на Олю – извините, – и уходит.

Оля присаживается на лавочку у подъезда и молча глядит под ноги. У лавки выбита пара досок: одна в спинке и две в сидушке. Сверху заботливо постелены картонки – что бы сидеть было теплее.

Гвоздем нацарапано «Р + К = навсегда».

Оля ногтем ковыряет древесные шрамы от букв.

Теперь Оля сделала все, что могла – она ходила к директору, она говорила с родителями. Пора признать, Парфенова ей не спасти, и того потенциального ребенка, которого он однажды возможно собьет и покалечит – тоже.

И все же Оле беспокойно. И не гипотетические смерти и увечья ее тревожат, нет, сама эта история цепляет Олю и мучает.

Откуда взялся мерседес?

Глава 14 Оля

– В общем так, Даш... – Дашка разливает по чашкам ароматный чай. У Даши есть секретный ящик, из которого через крохотную щель в кабинет просачивается и разливается дивный аромат. Он переливается оттенками, как монетка на солнце: царапает небе горечью, и щекочет язык сладким запахом цветов и фруктов, и будоражит, разгоняет кровь острым чуждым ароматом специй. Все это чай. Дашка – профессиональный чаеман. Но все это пахнет чай дешевой – жалкий сор чайных листьев, расфасованный по пакетикам, надутый и сдобренный красителями. Такой чай Дашка льет детям на их исповедях – все равно не поймут.

А Оле она заваривает другой.

Повязав шарф как чалму и зачем-то нарисовав на лбу красную точку, Даша достает крошечные круглые чашечки без ручек. Они серые в крапинку, шершавые и какие-то подлинно натуральные. К чашечкам прилагается сливник, заварник с крышкой, два блюда и еще сосуд размером с наперсток – все гладкое, без ручек, и из чистой глины. Оля смеется – чай китайский, чашки тоже, а Дашка зачем-то рисует третий глаз.

Но Дарья Александровна невозмутимо кипятит воду – не больше 80 градусов – оmyвает крошку-заварник с щепоткой чайных листьев внутри, сливает воду и наливает по новой,

на этот раз дает постоять – засекает время в дыханиях. Прордышав положенное количество раз, Даша наливает чай себе в кружечку, а Оле в наперсток, и накрывает его блюдцем.

– Сейчас запах впитается, – поясняет она.

И почти сразу выливает чай из наперстка Оле в чашку, а наперсток сует ей под нос:

– Нюхай.

Оля втягивает воздух.

– Ну, вкусно? Чем пахнет?

Оле пахнет травой, горько и неприятно, но она кривит губы в улыбку и кивает.

– Вкусно пахнет, деревом.

– Во-от, – довольно говорит Дашка, – это чай особый. Он дает энергию и расширяет сознание.

Оля смотрит в окно – ранние зимние сумерки затопили улицы синими чернилами.

– Не поздно мы с тобой сознание расширять собрались?

– Для такого дела, – серьезно замечает Дашка, – никогда не поздно. Ты пей-пей, остынет.

Оля любит чай с молоком и сахаром, но послушно пьет горькую и какую-то маслянистую жидкость.

Дашка вздрагивает всем телом, словно от кончиков пальцев на ногах до самой макушки ее пробрало мурашками.

– Бр-р, пошло! – восклицает она и снова наполняет заварник кипятком.

– Так что ты посоветуешь? – спрашивает Оля.

– На счет Парфенова? Да ничего не посоветую. Директор брать ответственность отказался, родителям все равно, а мы с тобой, Оль, кто такие, чтобы в это дело лезть?

– Ну как кто, мы с тобой учителя на секундочку, – Оля одним глотком осушает маленькую чашечку и проглатывает сразу же, чтобы не чувствовать вкуса, – ответственные, небезразличные люди.

– Мы-то не безразличные, но, когда обществу безразлично, что такое два человека? Оль, – устало вздыхает Даша, – ты ведь не маленькая уже, хорошо должна знать – благие поступки ой как аукаются.

– Значит, ты можешь просто смотреть и бездействовать?

Дашка фыркает так, что чай золотыми капельками летит изо рта, и заливается хохотом:

– Оля! Сидеть и бездействовать это вообще-то моя работа, я на это 6 лет училась, и мне сейчас за это деньги платят!

Оля качает головой, ставит чашку на стол.

– Оль, – говорит Дашка примирительно, – мы же не в социализме живем, сейчас каждый сам за себя. Ты у нас добрая, но глупая, ты попыталась? – Оля кивает. – Все, что могла, сделала? – снова кивок. – Ну и чего ты еще от себя хочешь? Пойдешь гаишникам номера светить? Оль, успокойся, выпей еще чайку, а домой придешь – прими ванну: с пеной, с маслами, со свечами – все, что есть, в эту ванну бросай. Если есть дома цветы – обдирай лепестки и туда же! Музыка хорошую послушай, книжку почитай, маску из огурчиков

сделай. Это я тебе как психолог сейчас говорю.

Оля вздыхает. Смотреть на Дашу почему-то тяжело и стыдно.

– Не могу я так, – честно говори она, – вот откуда, откуда этот треклятый мерседес взялся? Ну не родители его купили, а где мальчишка такие деньжищи взял? Даш, он же может...

– Так, стоп! – обрывает Даша Олю на полуслове. – Что он там может, а чего не может одному Богу известно. И не надо сразу думать о самом плохом. Может у него дед с бабкой богатые, дети непутевые, вот они во внука единственного и вкладывают. Вариантов, Оля масса, ты вот только себе не придумывай.

Олю Даша не убедила. Даша знает. По Олиному сердобольному лицу сразу видно – она не отступится. Даша вздыхает, отставляет заварничек, листья все рано свое уже отдали.

– Будь он наркоманом, например, ты бы, Оль, сразу поняла. У Никиты поведение ровное, характер не менялся, привычки тоже. Школу он не прогуливает, одноклассников не избегает, и они его тоже. Очень мало шансов, что он употребляет или торгует. На счет этого, Оль, можешь не беспокоиться.

– Тогда откуда?

– Вот у него и спроси, – устало отрезает Даша, – я его к себе в кабинет за шкурку не потащу, это так не работает, он сам должен прийти. А пока не пришел – я бессильна. И ты

тоже. Пусть ездит, пока не поймают.

– Или до первого ДТП, – заканчивает мысль Оля.

Глава 15 Оля

Сумерки, жидкие и податливые, текут у Оли меж пальцев. Синяя ночь капает с неба на крыши домов, на белый снег, на рыжие фонари, и от ее ледяной синевы они горят еще теплее.

Снег скрипит под подошвами Олиных сапог, и все это – будто впервые. Звезды этим вечером особенно яркие, краски – особенно глубокие и чистые. Сегодня Оля замечает то, что никогда не замечала. Голова ее легка – еще чуть-чуть и оторвется от плеч, и полетит воздушным шаром над городом, над Олиным домом, над мамой с Кирюшей, над Андреем и над Никитой Парфеновым. Все-все увидит и поймет, вот только будет уже ко всему безразлична.

Дашин чай что-то сделал с Олей. А может, она себе только внушила это, но и какая разница! Оля глядит на мир круглыми глазами ребенка – тени на снегу такие глубокие и холодные, а сам снег – как золотые горы, искрится рыжим и желтым в кружках фонарного света. Подъезды ершатся старыми объявлениями: купи, сниму, продам, бумажные корки лохматыми струпами свисают со стен и дверей. Оля срывает не глядя два три номера, Оле хочется лететь. Она кружится, задрав голову к небу, зажмурив глаза и смеясь – и так хорошо в этот момент, так правильно и безразлично, и все хорошие, такие интересные, такие оправданные.

Оля заходит домой в одиннадцатом часу. В квартире тем-

но и тихо, Кирюша уже спит, мама сидит на кухне, глазами провожает стрелку часов.

– Ты чего не спишь? – Оля улыбается. В этот момент она любит маму, совершенно отчетливо и так сильно, кажется, впервые за много лет.

– А как уснуть, Оль? Я думала все, не вернешься.

Оля смеется:

– Да куда же я пойду, если не вернусь?

– А никуда уже не пойдешь, – отвечает мама голосом, в котором нет эмоций, только спокойствие – монотонное, безразличное, какое бывает, когда все плохое уже случилось и нечего больше терять.

– Я гуляла, – поясняет Оля, как школьница, – на улице очень хорошо.

– Гуляла? А я вот Кирюше последнюю таблетку истолкла. Деньги-то твой ирод когда отдаст?

Оля садится на стул, пожимает плечами.

– Мам, иди спать, – говорит Оля тихо и ласково, – все наладится.

Мама качает головой, медленно тяжело поднимается:

– Наладится у нее, как же... Само оно, Оль, никогда не налаживается.

Оля включает свет, наливает кофе. Окно напротив тоже живо – светится во тьме лимонным светом. Оля лениво наблюдает, как ходят в окне люди, сегодня без бинокля и без ширмы тьмы, в открытую, как она есть – уставшая с круж-

кой кофе в свитере и домашних штанах, с пучком на голове вместо прически.

Одна фигура – мужская – вдруг замирает и, глядя, кажется, прямо на Олю, машет ей рукой: «Привет!».

Оля секунду сидит в нерешительности, затем медленно поднимает руку и робко машет в ответ: «Привет».

Глава 16 Витя

– Просто так ничего не бывает, я знаю, – тихо и осторожно ворчит Витя, пока Никита ключом открывает дверь от подвала.

Что он тут делает, и за что, в итоге, Никита собирается платить ему деньги, Витя не знает, но это первый раз в его жизни, когда кто-то, тем более такой популярный, любимый и учениками, и учителями Никита Парфенов завет его – Витю с собой. И нет, не что бы выкинуть какую-то пакость, не что бы над ним посмеяться – Витя видел по глазам, и взгляд человека, который замыслил подлость, Витя ни с чем в жизни не спутает.

Дверь подвальчика обнажает мрак перед Витей, Никита бодро шагает внутрь, и Витя покорно и осторожно семенит следом.

– И что б-будем д-делать?

– Да ничего особенного – весело отзывается Никита. Что-то щелкает и загорается свет, яркий, сильный, совсем не подвальный.

И сыростью не пахнет – стены аккуратно окрашены, пол в плитке. Подвал не большой и пустой, кроме стола, шкафа и какой-то аппаратуры внутри ничего нет.

– Это моя студия, я тут ролики монтирую, ты же знаешь, чем я занимаюсь?

А как же, еще бы Вите не знать. Да про Никиту Парфенова, уже довольно крупного блогера, знают в школе все. Говорят, что ему за рекламу платят, но Вите трудно представить, что такое возможно – его сверстнику, мальчику, такому же как он, за что-то платят. Нет, конечно, не такому, как он, и все же. Вите закрадывается робкая мысль – она хрупкая и невинная, и такая приятная, что Витя даже додумать ее до конца как следует боится – так она хороша, что б в нее поверить. И все же...

– А т-ты что, х-хочешь что б-бы я т-тебе помог? С т-твоими видео?

Никита кивает, и сердце Вити подпрыгивает, как резиновый мячик – до самого горла.

Никита не замечает ни Витину улыбку, ни покрасневшие щеки и шею, ни его оживленную жестикуляцию судорожно сжатыми руками. Он методично расставляет на столе какие-то штуки, провода, проверяет настройки.

– А что д-делать над-до?

– Ты погоди, Витек, сейчас будем пробный дубль писать. Ты слова как запоминаешь? Хорошо?

Витя кивает:

– Ст-тихи всегд-да на п-пять.

– Вот и отлично. У меня для тебя роль есть, Витек, сейчас отснимем, если хорошо пойдет, буду за каждый ролик процент платить. Идет?

– К-конечно, а что играть н-надо? – робко спрашивает Ви-

тя, гадая знает ли Никита, как хорошо он разбирается в истории, и может ли он взять его к себе ведущим? А может Никита хочет взять его в напарники? И будут они с Витей вместе над людьми шутить.

– Да ничего, собственно, играть и не надо, ты будь собой Витек. И это, – Никита делает неопределенный жест в сторону Вити, – заикайся главное побольше, идет?

Глава 17 Оля

– Вот же... – Оля с досадой прикусывает кончик ногтя. Андрей не берет трубку третьи сутки подряд. Она секунду сидит в оцепенении, точно мушка, которая только-только начала осознавать, что попала в паутину.

«Андрей, это Оля, месяц прошел, Кирюше нужны лекарства, мы ждем алименты».

Смс улетает не сразу, мгновение весит на экране, затем, наконец, щелчок уведомляет об отправке. Все это мгновение у Оли, кажется, не бьется сердце.

Из комнаты доносится грохот и вой, и мамины причитания. Без лекарств Кирюша всегда капризничает.

Оля заходит в комнату – стул и лампа лежат на полу, цоколь вертится среди осколков плафона как волчок, раскрученный детской ручкой. Кирюша топает ногами и воет: неистово, пронзительно.

Его маленькие ступни отрываются от пола и снова падают совсем рядом с блестящим стеклянным крошечком. Оля, не успев подумать, бросается вперед по хрустким осколкам, хватает Кирюшу на руки и скорее кладет его в кроватку – за пластиковые прутья его темницы. Кирюша лупит руками по прутьям и одеялу, из его рта непрерывной горечью льется низкое и протяжное у-у....

– Ольга, ты с ума сошла! – кричит из ватной дали мать. –

Куда по осколкам-то? Хорошо в тапках, все ноги искромсаешь!

Смысл доходит до Оли очень медленно, она смотрит сначала на мать, затем на подошвы тапочек. В мягкую резину хрустальными зубами впилося стекло.

– Кирюша мог пораниться, – тихо говорит Оля.

– Ой! – мать тяжело садиться на диван, рука на сердце, глаза к потолку. – В могилу меня сведете.

– Взял Андрей трубку-то? – спрашивает она чуть погодя, все еще надрывным отдышлевым голосом.

Оля не хочет отвечать – Оле очень стыдно.

Очень стыдно перед мамой за свою девчоночью глупость, за поспешный и опрометчивый выбор... Оле очень стыдно любить Андрея.

Оля качает головой, поправляет одеяльце и простынь в Кирюшиной кровати.

– Нет, – отвечает она едва слышно.

– Ну, видит Бог, мы ждали, сколько могли, надо идти к этому ироду, пусть глазами своими на сына поглядит, и проститутка его тоже пусть глянет, какую беду ребенку принесла!

– Мама! Ты что говоришь такое!

– А что я говорю? Что, мать неправду сказала? Как на женатом мужике скакать, так она первая, а как алименты платить – все, на это у нее смелости не хватает?

– Марина здесь не при чем! – Оля чувствует, как щеки ее

разгораются алым.

Вера Степановна хмыкает:

– Конечно, ни при чем, как же...

– Все! – отрезает Оля. – Закрыли тему, я к нему сегодня после работы схожу.

Мать снова вздыхает, отмахивается от Олиных слов, тяжело шаркая ногами, идет к кладовке – за пылесосом.

– Говорила тебе, в суд надо подавать, а так ждать, ничего не дождешься!

– Я уберу, ты садись, мам, отдохни.

– Да что уберу, тебе вон на работу пора, иди уж, мы как-нибудь сами. К ироду, главное, сходить не забудь. Я б ему в лицо его наглое Кирюшину фотокарточку ткнула!

– Он вообще знает, сколько лекарства-то стоят? – все не понимает мама.

– Знает, – терпеливо отвечает Оля.

– Знает! Так я ему чеки снесу, покажу, и Маринке его этой, пусть посмотрят глазами своими бесстыжими, знают они! Много-то они знают!

Оля закрывает дверь в ванную. За дверью снова кричит, надрываясь, Кирюша, ворчит мать, затем все звуки тонут в гуле пылесоса, и только стеклянные осколки звонко кладают по металлический трубке – клац-клац.

Оля спиной опирается о стену, смотрит на кружок мутного света вокруг лампочки на потолке. «Марина не виновата» – говорит сама себе Оля. «Она тоже женщина, такая же,

как все. Как я. Ей просто хотелось счастья».

К «ироду» Оле идти очень не хочется.

Не хочется смотреть в глаза, слушать и, главное, верить в ложь. Видеть шубу Марины в коридоре, чувствовать ее парфюм на надушенном шарфике. У Оли никогда не было шубы.

Слышать, как плачет их дочка...

Так странно и даже смешно: Кирюша и она – та, чужая девочка – брат и сестра, без малого погодки. Они могли бы вместе ходить в школу, дружить, защищать друг друга.

Вот только...

Она – вырастет. Закончит школу, может даже с медалью, будет звонить в колокольчик в белом фартучке, поступит в институт, получит профессию, выйдет замуж.... А Кирюша не вырастет никогда.

Кто будет любить его после Оли?

Оля трясет головой, отгоняет мысли, заводит назойливый рекламный мотивчик, смотрит на себя в зеркало.

Набирает на аппликатор жемчужные тени – деликатные в своей изысканной красоте. Немного румян, чуть-чуть подчеркнуть глаза, сделать поярче брови – все как учила Даша.

Закончив, Оля выходит из ванной, она достает из шкафчика пластмассовую кастрюльку и дает Кирюше – тот тут же натягивает кастрюльку на голову, как каску, и затихает. Это его убежище, в нем темно и гулко, в нем Кирюше спокойно. Оля помогает матери убрать пылесос и, наконец, уходит.

Глава 18 Оля

Даша появляется, едва звенит звонок. Она немного нервно скребет мочку уха и, кривя губы, оглядывает портреты классиков.

Оля ждет.

– Оля, – наконец решается Даша, – мне с тобой поговорить надо, давай ко мне в кабинет пойдём? А то у тебя тут глаз много, – хихикает она, кивая на портреты Толстого и Достоевского.

В кабинете Даше явно спокойнее, и, все же, она не спешит начинать. Дашка ерзает в своем крутящемся стуле, щелкает мышкой по экрану, задумчиво стучит ногтями по клавиатуре.

– Господи, Даш, случилось что? Не томи! – прикрикивает на нее Оля.

Дашка слегка подпрыгивает от неожиданности, но наконец собирается с духом:

– Я, в общем, – Даша тупит глаза, крутит прядку волос на палец, – на счет Никиты твоего... Парфенова.

– Ну, – кивает Оля.

– Нашла я, значит, как он деньги зарабатывает... Он, Оля блогер.

– Кто? – не понимает Оля, и тут же встает со стула и заглядывает Даше через плечо в экран.

Даша молча включает видео.

На экране – Никита, звука нет, но Никите весело, он беззвучно, как рыба открывает и закрывает рот, улыбается, пятерней поправляет густые, модно зачесанные волосы.

В кадре появляется еще один мальчик, и Даша тут же жмет «стоп».

– Блогер Оля, он видео снимает. Ему за это деньги платят. Если вкратце...

– Ясно, – Оле ничего не ясно.

Даша вздыхает и впервые за все время смотрит Оле в глаза.

– Это такое течение молодежное, – поясняет она, – можно снимать видео, о чем угодно, кулинарные, например, или про сериалы и фильмы рассказывать, если людям нравятся – они на тебя подписываются. Чем больше таких подписчиков, тем больше денег.

Даша делает паузу, затем добавляет тихо и почему-то трагично:

– У Никиты очень много подписчиков.

– Ну и отлично, к чему такая секретность-то Даш, я не понимаю?

Даша молча нажимает на «плэй».

Тот, второй мальчик Оле смутно знаком. Звуча все еще нет, но по движениям, по мимике, по тому, как он прячет от камеры лицо: втягивает шею, как черепаха, надеясь спрятать голову в плечи, по странной, дистрофичной худобе, по

неловким скованным движениям, по всему этому Оле ясно – с мальчиком что-то не так.

– Даш, ты звук включи, я не понимаю ничего.

Даша медлит, курсор, чуть дергаясь, все же едет к кнопочке включения звука.

Комната тонет в задорных криках.

– А сейчас Витек нам расскажет, что он любит есть, – Парфенов достает тарелку и ложку. В тарелке гречка. – На Витек, – протягивает ложку, – это что у нас?

– Ка-каша, – неуверенно мычит Витек.

Парфенов ржет:

– Сам ты какаша, ешь, давай, любишь кашу?

Витек кивает и берет ложку, но непослушные, точно вывернутые из суставов пальцы никак не могут ухватить тонкую рукоять. Витек нервничает, ерзает, лицо его кривится от старания и страха.

Ложка, наконец, ложится в его руку, Витек сияет кривой улыбкой, зачерпывает ложкой крупу как черпачком и боком тянет к губам, одновременно вытягивая губы трубочкой, пытаясь слизнуть крупинки, как лошадь берет с рук морковку.

Ложка падает из напряженных, перекрученных рук Витка и звонко прыгает по полу, брызгая гречкой.

Парфенов жалостливо качает головой.

– Эх ты, Витек, не хочешь есть?

– Хо-хочу – понутив голову гундит Витек.

– Хохочешь, значит? Ну ладно, давай помогу.

И Парфенов резко окунает голову Витька в тарелку с кашей.

Дикий хохот Парфенова и кого-то еще, невидимого, за кадром.

– Ну вот вы и узнали о любимом блюде Витька – каше, подписывайтесь, ставьте лайк и смотрите новые приключения Витька на моем канале.

Даша молчит. Оля молчит. Экранчик с видео становится черным, и в его глянцевой поверхности Оля видит их с Дашкой отражения: скорбные, онемевшие лица, будто на их глазах только что уложили кого-то в гроб.

– Это что было? – спрашивает Оля шепотом, точно боясь, что кто-то услышит, кто-то узнает, *что* они только что с Дашкой смотрели.

– Это видео, – говорит Даша ровным спокойным голосом, – приключения Витька называются, их снимает Никита, выкладывает в сеть и за них получает деньги. Этот вот называется «Каша».

Глава19 Оля

Оле мерзко.

Она трет себя мочалкой до скрипа, до алых пятен на лежаках. Оле больно, но нет сил остановиться.

Она выдавливает в руку шампунь, яростно трет голову, запутывая волосы в колтуны. Вода шипит паром, по стенам бегут струйки конденсата.

В дверь робко скребется мать:

– Оля, ты чего там баню устроила? Окна все запотели.

Оля не отвечает, только выкручивает вентиль до упора, чтобы все потонуло в шуме воды. Вода очищает, вода смывает все, даже из памяти, даже из сердца. Оля садиться на дно пузатой ванны, обхватывает колени руками. Эмалированные стенки жгут бока холодом, а неистовый, в бешенстве плюющийся душ, обжигает голову. Вода течет по лицу, заливается в глаза, уши и ноздри.

Оле хочется выть. Оле хочется снять с себя кожу – так ее измарали сегодня.

После просмотра, Оля и Даша еще много минут просидели молча бок о бок, пялясь в черный экран монитора.

Прозвенел звонок, стих шум в коридоре, с хлопаньем позакрывали двери классов.

– Этот, – Оля запинается и с трудом давит слова, – Витек, он из нашей школы?

– Узнала его? Да, он в параллели Парфенова, ты у них не ведешь.

Даша чешет затылок, коротко вздыхает.

– Он ко мне на консультации не ходит, но прикреплен как один из «особых». У него ДЦП и задержки развития как вытекающие.

– А почему он у нас учится? – спрашивает зачем-то Оля, хотя сама прекрасно знает ответ.

– А где ему учиться? Сейчас все так – обычные дети, или необычные, всех в один класс. Школа отказать не может, а родители и рады. Переводить на спец-обучение, знаешь, Оль, дорого.

Оля знает.

– Дорого, – повторяет она эхом.

– Ну, ты чего сидишь? Тебе в класс пора, тебя там твои троглодиты ждут, по Лермонтову тоскуют.

Оля встает, снова садиться.

– Это так оставлять нельзя, – говорит Оля тихо и как-то вопросительно, точно спрашивает у Даши позволения: позволения злиться, негодовать, действовать.

Даша ничего не отвечает.

Тогда Оля идет на урок. Идет как ватная, как во сне.

А перед глазами Кирюша – с алюминиевой ложечкой в непослушной руке – «какаша».

Оля выключает душ, заматывает волосы полотенцем, выходит – распаренная и мягкая, такая чистая, будто по-мла-

денчески голая – коридорный сквозняк обнимает ее холодными пальцами, принимает обратно в привычный поток жизни. Мама качает Кирюшу, как он любит: долго, монотонно. Сам он большими темными глазами, не мигая, смотрит на танец звездочек на потолке. Тени ночника ведут хоровод в побеленных известкой выбоинах и щербинках. Кирюша не спит, это монотонное качание его не усыпляет, ему просто нравится знать, что за одним движением последует другое, и вновь, и вновь, и ничего неожиданного, непредсказуемого, только бег старой, иссушенной возрастом, руки по перекладинам его кровати.

Олю он не ждет, она – замотанная в белые халат и полотенце, горячая, махровая, как раскаленное мокрое солнце в синем холоде квартирному вечера. Он глядит на нее как на далекую звезду, недостижимую и непонятную, но без тепла которой он не может жить. Кирюша и боится ее и тянется к ней. Оля простирает к нему свои лучи-руки, и Кирюша плывет в клубах ее тепла, спокойный и молчаливый, усмиренный танцем звезд и монотонным раскачиванием. В Олиных руках он сворачивается тугим шаром жизни и закрывает глаза.

Оля тихо стоит с Кирюшей возле окна. Сквозь дымку тюля шуряются зубатые огни фонарей. Оле редко удается вот так подержать сына, и она боится шевельнуться, даже дышать, так хрупок и дорог этот момент. Оба они – две песчинки тепла и любви среди лазурных осколков холода зимнего вечера.

Мама тихо расправляет Кирюше кровать, поправляет простынки и одеяло, отгибает уголочек, как бы приглашая Кирюшу в объятия сна. Оля прижимается щекой к его головке. Ей бы стоять так вечно, не отпускать его, не отдавать никому. Холод лижет Оле голые пятки, она подгибает пальцы, мнетя с ноги на ногу.

Мама тянется к Кирюше, уже спящему: «Давай уложу».

Оля закрывает глаза, едва заметно качает головой.

– Ты будешь самым счастливым, – шепчет Оля, – самым счастливым маленьким мальчиком. Мир так прекрасен и велик, а ты так мал. Солнце будет целовать твои щеки, а ласточки качать колыбель. Ты будешь самым счастливым...

Глава 20 Оля

«Ирод» не торопится открывать. За звонком в дверь несется сереной детский плач. Что-то падает и шлепает, голоса переругиваются в нервозности позднего утра. Оля упрямо жмет на звонок.

Андрей распахивает дверь, одной рукой теребя непослушный узел галстука.

– Оля? Ты чего здесь, с утра пораньше?

Андрей даже улыбается ей, чего не случалось уже давно.

Оле неудобно, но выхода у нее нет. Она сконфуженно тупит глаза, перекладывает из руки в руку лямки пакетика с тетрадами.

– Да я это...

– Ты заходи, заходи, – Андрей пятится, и Оля втискивается в коридор, стараясь не касаться Андрея даже полами пуховика.

– Андрей, ну кто там? – Марина качает дочь в халате и бигуди, она зачем-то успела накраситься, хоть Оля знает, что Марина в декрете, но явно в спешке, помада сидит на губах как-то криво. – А, Ольга, это вы, здравствуйте.

Марина не смотрит на Олю. Она стыдливо мечется взглядом, цепляясь то за ступни Андрея, то за Олин пакетик, то за тапочки в прихожей.

Оля украдкой глядит на девочку – красный сверток, зады-

хающийся от натуги. Оля улыбается, и тут же одергивается, серьезнеет.

– Я поговорить пришла, можно? – спрашивает Оля ни у кого конкретного, но всем ясно, что у Марины.

Та кивает и уносит дочь в комнату: «Ну все, все, ну тише, тише».

– Случилось что-то, Оль? – Андрей побеждает галстук и уже мотает вокруг шеи шарф.

– Я про деньги узнать хотела, – мямлит Оля, – те, что ты давал, совсем кончились, да и времени прошло много...

Андрей кивает, нервно, часто. Откидывает кончик шарфа то на одну сторону, то на другую, недовольно кривится, и в конце срывает его совсем, швыряет на полку.

– Оль, ну нет у меня сейчас, видишь, вон Алка вопит, у нее то ли зубы, то ли живот, черт его знает, по врачам мотаемся, все деньги туда уходят. И на работе начальник, с-сука, премии лишил за одно опоздание! Одно, Оль! А я просто Марине помогал, подвозил их с Алкой в поликлинику.

Оля молчит. Андрей тяжело дышит, будто животное, которое долго гнали собаки. Он обувается, надевает пальто и как-то мягко и незаметно, но все же вытесняет Олю на лестничную клетку.

– Оль, вот ей Богу, как только, так сразу, все отдам! Все-все, до копейки, ну потерпи немного, ну, – Андрей сияет улыбкой, целует Олю в лоб, – ты же у меня такая умница!

И бежит вниз по лестнице, на ходу застегивая пуговицы.

– Оля, я побежал, опаздываю, начальник с-сука...

Оля глядит вслед исчезающей в спирали лестницы спине.

Шаги Андрея еще гулким эхом прыгают по стенам, и вслед за ними плывёт шипящее «с-сука...»

– Ольга! – Оля оборачивается, Марина, уже без свертка, высунула рогатую из-за бигуди голову в дверной проем.

– Вы на Андрея не обижайтесь, у него правда сейчас нет, – ее белая тонкая рука змеей ныряет в карман халата и длинная, изящная тянется к Оле, – вот возьмите, все что есть.

Оля машинально берет протянутое – точно застыдившись, красным румянцем в руку ложится пятитысячная купюра.

– Это мое, Андрей не знает. Я на сапоги новые откладывала, но... ребёнок всего важнее.

Оля качает головой, сминая купюру о ладонь Марины.

– Нет, нет, нет, это вы заберите, что это, я у вас не возьму!

Но Марина с неожиданной силой разжимает Олин кулак, и купюра шершаво гладит Олины пальцы.

– Я у вас взяла, и вы у меня возьмите, – твердо говорит Марина.

В комнате снова плачет Алла, но Марина не спешит ее успокоить. Впервые, сколько Оля помнит, Марина гордо смотрит ей в глаза. Мать – матери.

Еще секунда, и Марина молча кивает, закрывает дверь. Оля стоит и глупо смотрит в слепой глазок. Не решается убрать деньги, точно украла их. Но Марина не возвращается,

плачь постепенно стихает за дверью, и Олю окутывает гулкая тишина подъезда.

Пятитысячная греет Олину руку – в этой бумажке Кирюшино здоровье и Олино спокойствие. Ненадолго. На пару недель. Но все же...

Оля улыбается, ей давно уже не было так тепло и радостно, не от денег и не от отсроченной беды, нет, от еще одного человека, которого Оле удалось разглядеть. Словно она на острове посреди океана, и вот, вдруг, Марину тоже прибило к берегу.

Оля не думает о Марине как о «той самой женщине». Она не верит в женское коварство, в непобедимую силу секса. То, что легко забрать, твоим и не было.

Оля оборачивается, ищет глазами окно Андрея среди десятков таких же темных и неживых. Бледный силуэт – рогатая голова, тонкие руки, острые плечи, сверток наперевес. Оля машет рукой, и Марина машет в ответ.

Глава 21 Оля

Снег хрустит под Олиными сапогами: вперед-назад бежит качель. Оля покачивается неспешно, размышляя о своем. Кирюша красными varezhkami лепит колобки из снега.

Во дворе кто-то воткнул тощую лысоватую елку, налепил мишуры и старых, советских шаров с облупившейся эмалью. В окнах тут и там весело перемигиваются гирлянды, хотя до праздника еще почти месяц.

«Надо тоже бы поставить елку,» – думает Оля, – «но без шаров – Крюша разобьет. А вот гирлянд побольше».

Белые колобки – одинаково ровные – ложатся бок о бок, как снаряды, готовые к бою. Кирюша лепит их пристрастно, идеально, насколько позволяет ему детская рука. Оля думает, что из него может выйти хороший скульптор, однажды. Он любит монотонную работу. Нужно купить ему книг про искусство. Оля очень надеется, что из Кирюши выйдет скульптор.

– Вы позволите покачаться?

Оля вздрагивает, Кирюша по крабьи отползает за елку – чужие.

Оля оборачивается и смотрит глаза в глаза – такие знакомые и, в то же время, совсем неузнаваемые. Россыпь лучиков морщин от частых улыбок, родинка над правой бровью, кожа смуглая, будто и не зима, а самое жаркое лето, карие

глаза смеются, по-доброму, дружески.

Сердце падает.

Оля молча встает с качели, и за железный пруттик тут же цепляется детская рука – девочки погодки в разноцветных гамашах уже елозят по снегу ботинками, толкаясь и сопя, уже ощущая холод и предвкушая восторг полета.

Оля спохватывается, ищет Кирюшу взглядом. Он сидит за елкой притянув колени к груди. Красная шапочка торчит, как буюк над водой, а лицо во мраке коленей и рук.

Оля улыбается, кратко и виновато. Кирюша не желает разлепляться, так Оля и берет его на руки – свернутого в клубок. Она неуклюже тащит Кирюшу к подъезду как метатель ядро.

– Спасибо! – вдруг прилетает в спину. – Меня, кстати, Леня зовут!

– Оля! – кричит Оля с крыльца.

Леня улыбается и кивает:

– Будем знакомы.

Глава 22 Оля

– За что пьем? – Дашка сияет как новогодняя елка. В руке у нее стакан с красным вином. Пахнет вино спиртом и немного кислятиной, но Даша с Олей делают вид, что это самое вкусное, самое изысканное вино во всем мире. Потому что на другое у Оли нет денег.

– Кирюша первое слово сказал!

Дзинь – стаканы из школьной столовой сталкиваются гранеными боками.

– До дна! – говорит Дашка и, зажмурившись, одним глотком втягивает в себя алкоголь.

Это действительно первое слово Кирюши, самое первое в жизни, и велик шанс, что последнее. Оля не питает надежд. За эти почти два года Кирюшиной жизни, Оля слишком много надеялась, и больше уже нет сил обманывать себя, даже по пустякам. Кирюша не говорит. И не заговорит никогда. Случайно слепленное из букв слово «киса», так небрежно слетевшее с его губ, возможно, было и вовсе не словом «киса», а просто набором звуков.

И все же Оля празднует эту маленькую победу посреди череды неудач. И придя домой, Оля снова достанет карточки с рисунками животных и кубики с буквами, и будет час за часом ловить Кирюшин ускользающий взгляд и, держа кубик как флаг, как знамя веры, твердить «Б», буква «Б», «Бобер».

Даша снова наполняет стаканы. Бумажная коробка больше похожа на коробку сока, чем на вино. Даша поднимает стакан, все еще сияя и улыбаясь, искренне радуясь маленькой Олиной победе. Оля стакан не поднимает, она знает – то, что она хочет сказать дальше, Даше не понравится.

– Даш, я приняла решение.

Стеклянное доньшко звонко ударяется о стол.

– Ну, давай, говори, – Даша понимает все по Олиному лицу, виноватому, розовому от вина и сожалений.

– Я буду поднимать вопрос на счет Вити, Никиты Парфенова и видео.

Даша молча скребет щеку пальцами, смотрит в стену, куда-то за Олину спину.

– Понимаешь, я как представлю, что это Кирюша на Витином месте, так все, ничего не хочу, ни спать не могу, ни есть. Не должно так быть в мире, не должно!

Даша кивает, все так же, не моргая, глядя в одну точку. У Даши нехорошее чувство внутри – будто вынули кирпичик из фундамента дома. Дом-то еще стоит, но стены уже начинают крениться и пошатываться.

– Я-то понимаю, конечно, Оля, очень хорошо понимаю.

У Оли один ребенок, а у Даши их много. Не таких, как все – не таких как нужно, сломанных, недоукомплектованных – поначалу от каждого у Даши болело сердце. Даша лучше Оли чувствовала эту тупую ноющую боль несправедливости, непоправимости мира. Но ничего ты с ней не поделаешь.

– Ну раз решила, значит так тому и быть, – заключает Даша тихо, без эмоций, – что делать будешь?

– Как что, опять к Валерию Ренатовичу пойду, видео ему включу, раньше ведь он не знал об этом, а теперь у него и выбора не будет, кроме как собрать родителей и ставить вопрос ребром, – уверенно говорит Оля, – здесь ведь уже не об отдельно взятых учениках речь – здесь речь о чести и имени школы.

Даша задумчиво болтает вином в стакане, и оно лижет граненые бока красными языками.

– Ты только аккуратно, Оль, не лезь, куда не надо, – просит Дашка.

Глава 23 Оля

– А ты, Ольга Дмитриевна, по-хорошему не понимаешь...

Валерий Ренатович не хватается за сердце, не расплывается бесформенной тушей по креслу. Он все такой же уставший с мутными желтыми белками глаз, но в этот раз Оля чувствует в нем силу и решимость. Он стучит своим толстым со сгрызенным ногтем пальцем по столу, грозно супит кустистые брови.

– Но это же травля, над ребенком издеваются, как вы не понимаете!?! – у Оли надрывается голос. – Ему же жить с этим, да и Парфенову тоже, это он сейчас не воображает, а потом вырастет...

– А ну цыц! – Валерий Ренатович бьет ладонью по столу. – Никита в школе эти свои ролики снимает, может? Нет? Тогда какого хрена ты меня, Оля, в это впутываешь? – щеки Валерия Ренатовича, багровые от сеточки капилляров, ходят волнами от крика и напряжения.

Оля вздрагивает, съёживается в кресле – на нее раньше никто так не кричал.

– Ты в этом своем мире, – Валерий Ренатович крутит у виска пальцем, – литературном совсем реальности не различаешь? Ты вообще понимаешь, с чем мы имеем дело? Если нас с тобой, нашу школу, примешают к этим вот видео поганым, это будет скандал даже не городского масштаба – это

скандал на всю страну! Мальчика с особенностями, – плюет Валерий Ренатович в Олю, – травит одноклассник и выкладывает в интернет! А куда мы-то с тобой смотрели, Оля Дмитриевна? А я тебе скажу куда! Не туда, куда нужно! Тебя затаскают по сама знаешь, каким инстанциям. А меня уволят к чертовой матери, и жить мне на 12 тыщ гос. пенсии! А у меня Оль тоже, знаешь ли, дети и внуки, их кормить, одевать, учить нужно. А, – машет он рукой, – ни черты ты, Оля, не понимаешь.

На секунду он замолкает, качает лысой, от того кажущейся непропорционально крупной, головой.

– Ты о сыне подумай, – вдруг говорит Валерий Ренатович тихо.

Оля думает... Только о нем и думает, и не может, никак не может отвязаться от этой «какаши»! Вся Кирюшина жизнь, все его будущее в одном этом слове. Оля не может отступить, не имеет права, не имеет столько сил, что бы отвернуться, закрыть глаза и не видеть, не слышать этого «Ка-каша».

– Не вороши кучу, пока не воняет! Мы с тобой, Оля, тут ни при чем, никто нас сюда не приплетает, вот и хорошо, вот так пусть и будет, а дети с родителями пускай сами разбираются, нечего все это в школу тащить! Я могу на тебя рассчитывать, Ольга Дмитриевна? – спрашивает Валерий Ренатович.

Оля торопливо кивает, тупит глаза: – «Да, да, Валерий Ренатович, я поняла вас, все поняла».

Оля хочет уйти, но чужая рука мягко, но прочно обвивает ее запястье.

–Нет, Ольга Дмитриевна, давай-ка мы точно друг друга пойдем: не прекратишь – уволю, даже сына твоего не пожалею. Мне мои дети дороже. Что б не лезла больше в это дело, и не думала даже о нем. Вот Ольга Дмитриевна, теперь я думаю все ясно.

Оля выбегает из кабинета красная, взволнованная – как школьница, которую только что впервые отчитали. Такого Валерия Ренатовича она никогда еще не видела. Это же Валерий Ренатович, всегда такой терпеливый, ласковый! Сколь они с ним беседовали в свое время? Как он за нее радел, когда Оля шла на золотую медаль, как с учителями о ней хлопотал – сам лично, как будто Оля – это его гордость. Сколько добра он для школы сделал – это ведь при нем у школы наступил расцвет – и оборудование новое он каким-то чудом достал, и олимпиадников сколько стало, и призовые места школа брать начала, статус ее повысился – все он!

Оля никак не может поверить, что тот же самый Валерий Ренатович только что отвернулся, наплевал на ужасное горе, творящиеся у него под носом, безразлично отмахнулся, трусливо бежал от него. Кто это сделал с ним, что? Время? Старость? Или, может, он всегда был таким, просто не было у Оли шанса разглядеть эти черты его личности?

Нет, решительно не верит Оля в серьезность его слов. В конце концов, Валерий Ренатович почти уже старик, совсем

немного ему осталось до пенсии – он испугался, решает Оля. Это простимо, это понятно. Но Оля то – Оля не испугалась, она то еще имеет силы, она поборется! Она сама!

Нет, решительно Оля не верит, что Валерий Ренатович, ментор ее и наставник, уволит Олю за благое дело! Он не такой человек. Это все слабость старости. Все слабость.

Глава 24 Оля

Оля кашляет, тут же тушит окурок о стеклянное горлышко банки. Дым, какой-то вязкий и горький, оседает на стенки горла, и не вытравишь его, не выкашляешь. У Оли на глаза выступают слезы, она бьет себя в грудь кулачком, но тщетно – невидимая рука душит, скребет изнутри.

– Не жили богато, нече начинать, – смеется Анастасия Павловна и дает Оле бутылочку воды. Оля пьет жадно, так, что течет по подбородку.

– Ты же не курила никогда, отчего вдруг к гадости пристраститься решила?

Анастасия – трёхпалубник – Павловна прикуривает, закрывая сигарету ладонью от ветра. Трёхпалубником ее прозвали дети за выдающиеся особенности организма – у Анастасии Павловны огромные груди и оттопыренный, точно приклеенный, зад. Ходит она медленно, отдышливо хрипя, и то и дело заходясь кашлем. Это все сигареты конечно – Анастасия Павловна много курит.

Ее отчитывали, ей грозили увольнением – ничего не помогло. «Много у тебя поводов просто взять, постоять вот так у окна, посмотреть, как облака по небу ветер гонит, подышать морозом и ни о чем не думать, не заботиться? Перекур он не просто от работы перекур, он от всей жизни перекур. Пауза, в которую ничто и никто не смеет тебя тронуть. Пе-

рекур – это не привычка, это священное право». Так она говорит.

Кроме Оли никто и не приходит сюда, не то на балкончик, не то на нереализованный запасной выход. Раньше, в Советском союзе, так строили, вот вроде стена, а в ней дверь, и никуда эта дверь не ведет, точно к ней забыли пристроить лестницу.

На облупившейся перилке и в снег, и в дождь стоит мутная банка из-под огурцов. Анастасия Павловна – полная, если не сказать больше – удивительно изящно стряхивает в эту банку пепел и Оля каждый раз думает, какие у нее аккуратные тонкие пальцы. Только по ним Оля и может разглядеть в Анастасии Павловне Настасью, Настьку, румяную, тощую как тростина девчонку, которой она, как и все, когда-то была.

– Так что за повод-то? – снова спрашивает Анастасия Павловна в затянувшейся паузе.

Оля пожимает плечами.

– Отдохнуть хочется, – кратко отвечает Оля.

Анастасия Павловна хмыкает:

— От жизни или от работы?

Оля задумывается, робко крошит пепел о горлышко банки, водит растрепанной сигареткой по ободку.

– От всего сразу, работа разве не жизнь? – наконец отвечает Оля.

Анастасия Павловна снова хмыкает, в этот раз неодобри-

тельно, и качает головой.

– Вот поэтому, Оль, ты и мучаешься, потому что жизнь от работы отделить не можешь. За детей как за своих переживаешь, а уволят тебя – что тебе останется? Ты же вся в детях да в учебниках растворилась. Кто она, Ольга Дмитриевна, учитель? Или в первую очередь все же человек и женщина? О себе надо думать, о себе переживать. На работе, что с тобой случись, о тебе через день и не вспомнят, заменят как винтик и дальше машина пусть себе работает. А для себя ты Оля не должна винтиком быть.

Анастасия Павловна затягивается, с удовольствием выпускает богатую струйку дыма.

– Молодая ты еще, Оль, ох, молодая, – тушит окурок Анастасия Павловна, – чего тебя жизни учить?

Оля стоит одна, и смотрит, как облака, кучные и толстые, постепенно худеют выстраиваются в тонкие стройные ряды, сквозь которые как сквозь решето летит ветер. Облака на глазах покрываются прорехами-дырами, становятся точно бы старыми, как лишайные собаки, тощие и горбатые. А затем совсем растворяются в полуденной лазури неба. Будто и не было никогда. Олю это поражает в самое сердце, ведь всего минуту назад они клубились пышные, золотые и кремовые в лучах солнца. И так быстро исчезли.

Оля тушит недокуренную сигаретку, кидает бычок в серое кладбище его братьев. От курения Оле не стало спокойней, не получила она того удовольствия, которое видно на

лице Анастасии Павловны, когда та делает затяжку. Только першение в горле и непонятная томящая тяжесть в легких – вот и все, что Оля приобрела.

На уроке тихо-тихо. Детские лица закрыты книгами, только вихрастые макушки, точно буйки, покачиваются в такт переворачиваемым страницам. Давно не было так тихо на Олиных уроках. Зима берет свое – дети все более сонные, все меньше хотят говорить, бегать, смеяться. Отложили все свои игры и шалости до весны. Оля украдкой смотрит на Никиту Парфенова. Он закрыл глаза, оперся щекой о кулак и спит, лицом глядя в раскрытую книгу.

Смотря на него Оле трудно поверить, что этот живой мальчик из плоти и крови, такой кроткий, такой нежный в своей юношеской угловатой худобе, и есть тот Никита Парфенов с жестокого холодного экрана, ранивший Олю так глубоко.

У Оли нет к нему ненависти, она верит – искренне-искренне – что Никита и не знает, какое зло творит. Ему весело, ему сыто, ему платят большие, да просто огромные, деньги за эти, казалось бы, глупые, пустые ролики минутки. Откуда ему знать какой-токой посыл все это несет обществу, какое такое разрешение они дают? Смейся над больным и ущербным, трави, делай что вздумается, ты безнаказан, ты в безопасности за пуленепробиваемым, недостижимым экраном монитора. И самое главное – легкие, какие же легкие это деньги. Ни за что, за воздух, просо так, на, бери, разматывай,

покупай жизнь, и делай, делай ещё больше зла, тебе за него заплатят, пусть народ смеется.

Никита чувствует Олин взгляд, выныривает из неглубокого поверхностного сна и, чуть раскрыв глаза, видит Ольгу Дмитриевну Хтонову – Хтонь. Она смотрит на него, как зачарованная, не может отвести взгляд. Никита сонно лениво улыбается и подмигивает Оле своим карим веселым глазом.

Глава 25 Оля

Адрес Вити добыть не так-то просто. Он хранится в личном деле, в подписанных документах и в электронной карте. Олин план прост и бесхитростен, но только он и может, пожалуй, сработать.

Школа – маленький мир, замкнутый сам на себе, вращающийся и циркулирующий по бесконечному одному и тому же кругу. Оля знает его законы и механизмы, и самое главное, Оля хорошо, очень хорошо знает людей. Она знает, например, что по средам Валерий Ренатович уходит пораньше, потому что по средам тренировки волейбольной команды, в которой играет его любимая, единственная внучка Танечка. Он никогда не пропускает, вместо родителей приходит на каждую, а после отвозит Танечку домой.

Так же Оля знает, что секретарша Валерия Ренатовича, Викуля Сергевна пьет для похудения особый чай с мочегонными средствами, из-за чего часто отлучается из кабинета. И поскольку Викуля Сергевна дама чрезвычайно молодая и работает не долго, она хранит пароли от всех школьных электронных кабинетов на приклеенных скотчем бумажках на обороте клавиатуры.

Оля действует быстро, в тишине коридоров она ждет пока в очередной раз сработает чай, и Викуля маленькими шажочками засеменит к туалету. Тогда Оля тут же заходит в пустую

приемную и, перевернув клавиатуру, фотографирует пароль – Дашка научила. И вот уже после, на большой перемене, вместо обеда они с Дашкой сидят и монотонно двигаются вниз по списку учеников под буквой С – Сорокин.

Оля, розовая от удовольствия, следит за курсором мышки. Она никогда не делала ничего «анти». Не перечила родителям, не нарушала правила, не делала плохих поступков. И Оле очень хочется, чтобы Даша это отметила. Сказала что-то вроде: «Ну Оля, ты прям Джеймс Бонд, не иначе», но Даша ничего не говорит. Ей вообще не нравится вся эта затея. Она, вся каменная и сосредоточенная, только молча смотрит в экран да крутит колесико мышки.

– Та-ак, Служкин, Слюсарюк, Смелов... Сорокин Виктор Павлович!

Оля приникает к экрану, тут же тянется к бумажке и ручке, но сразу вспоминает про телефон и делает снимок экрана.

– Когда пойдешь? – вкрадчиво интересуется Дашка.

Оля не знает. Когда станет смелее, когда поймет, что больше нельзя уже ждать, когда будет кормить Кирюшу кашей, потому что самому Кирюшке сложно понять зачем в цепочке каша – рот, нужен еще какой-то посторонний в виде ложки.

– Когда время подходящее будет, тогда и пойду.

– И что скажешь? – не унимается Дашка.

– А ты бы что сказала?

– А я бы, Оля, ничего не сказала, поэтому и не иду.

– Буду импровизировать, – просто что бы что-то ответить

говорит Оля и торопливо берет сумку.

– Спасибо Даш, за помощь, – говорит Оля.

Даша только кивает. На душе не хорошо – она вроде как предает товарища, хоть Оля и рвется в заранее проигранный бой, и все же – предает.

«Ничего, вот уволят тебя, кто денег займет, кто поможет? Я помогу», успокаивает себя Дашка.

Так они и смотрят друг на друга – в тишине, каждая в своих мыслях, в невысказанных диалогах, которые могли бы случиться, но так и застряли где-то в груди, в горле.

– Оля, ты только осторожнее, – не первый раз просит Дашка, и Оля кивает.

– Ну, до завтра, – Оля приоткрывает дверь. Ей неловко.

– До завтра, – кивает Даша, и Оля наконец может уйти.

Дашка не понимает, от чего ей так тягостно. Ну что такого ужасного, может произойти? Ну уволят Олю, да ну и черт с ним, Оля не пропадет, в школах работать некому, ее с руками оторвут. Скандал будет? Так и пусть, когда-то же должен быть скандал, без общественной боли нет изменений, такая массовая боль – единственное топливо, дающее сил системе что бы меняться. И все же, Дашке очень тягостно.

Она запирает дверь на ключ, садится в кресло и покручиваясь из стороны в сторону смотрит в чернильный прямоугольник окна. Там, за стеклом, идет снег и желтым горят фонари. Еще немного подумав, Даша открывает самый нижний ящичек, поднимает какие-то никому не нужные древние

бумаги и под ними находит бутыль. Открутив алюминиевую пробочку, Дашка делает робкий глоток.

Последние ученики вырываются в ночь из теплых распахнутых дверей школы. За спинами у них прямоугольные, не по силам тяжелые ранцы, в руках мешочки со сменкой. Скрип-скрип – скрипят по снегу ботинки и сапоги. Разноцветные шапочки радостно и ярко искрятся снежинками в свете фонарей.

Оля идет неспешно, наслаждаясь морозом, дыша полной грудью, чувствуя, как стынет все внутри от холодного воздуха и вновь отогревается на каждом выдохе. Трамваи оранжевоглазыми призраками плывут в темноте. Оля идет, глядя в небо, в серое крошево пушистых снежинок, возникающих будто из ниоткуда, вываливающихся из черной прорехи неба.

Оля все делает правильно, в этом Оля не сомневается ни на миг. Ведь иначе как правильно Олю не научили.

Глава 26 Витя

После первых в жизни съемок Витя чувствует себя странно. Не то что бы Никита просил сделать на камеру что-то плохое, нет, совершенно обыденные, нормальные даже, для Вити вещи. Но этот смех... То, как смеялись ребята из массовой... Почему им было так смешно?

Витя идет домой – один, только это кажется и не изменилось в его жизни. Всегда один, как Вите не мечталось, не грезились войти, наконец, в эту недостижимую заветную группу ребят – сердце школьной жизни, воплощение того самого подросткового, о чем, наверное, каждый мальчик и девочка думают перед сном.

Но нет. Никита избегает Витю. Он добр и ласков с ним только на съемках. А Никитины друзья так и вовсе... Как бы они не убеждали Витю, смеются они все же над ним, а не вместе.

Этот смех, обезьяний визг и вой, так и стоит у Вити в ушах. Они смеялись до слез, и тогда уже Витя не наиграно, а в самом деле начал заикаться, запинаться о собственные ноги, руки его сжались, скрутились до боли и даже жилы на шее выступили от усердий – так ему было неловко и стыдно.

А им было смешно.

То, что Вите не хватать звезд с неба, было и так понятно всем и каждому, и, конечно, понятнее всех было Вите. Ни-

кто не дружил с ним ни в первом классе, ни в последующих. Никто не звал его в гости, на дни рождения, никто не садился за одну парту, если был выбор. Ни одна девчонка, конечно, не стала бы с ним танцевать, да он и не приглашал – к чему унижаться, так только, смотрел из уголка как другие танцуют и выселяться, а кто-то даже тайком целуется. Это все была не Витина жизнь, чужая, недоступная ему, и он это знал, и не обижался на них – на тех, кому он был не нужен. Но никто никогда не смеялся над ним.

Прохожие стыдливо отводили глаза – Витя никогда не понимал отчего им стыдно на него смотреть, как будто это они его таким создали. Они смущались Вити, не знали, как вести себя – но не смеялись.

Мать злилась на Витю, раздражалась от его неумелости, от пролитой воды, от разбросанных вокруг крошек, которые Витя, как ни старался, все равно ронял. Мать злилась от безденежья, от того, что Вите нужно было долго и монотонно объяснять одно и то же по многу раз, по многу часов – но это все были чувства, Вите ясные. А вот смех – над чем тут смеяться? Это вот Вите было не ясно совсем.

А когда это случилось впервые и на улице, Витя совсем растерялся. Это было после школы, Витя, как всегда, возвращался один – медленно, шаг за шагом вымеряя дорогу, волоча за собой неподъемный ранец, и вдруг почувствовал на себе взгляд – группка людей постарше Вити глядела на него и шепталась.

– Эй, это ж ты Витек? – спросил его один из толпы радостно.

Витя кивнул – ему сделалось приятно, что его узнали.

– А ты че, и в жизни такой что ли?

Витя не понял и только глупо и доверчив глядел на первую в жизни группу своих «фанатов».

– А скажи че нить? – улыбаясь, попросил его второй из этой же группы.

– Чт-то ск-казать? – уточнил Витя и толпа взорвалась хохотом.

– Во дает, и вправду так такой, а че еще можешь? Станцуй, может, а?

Вите стало не по себе. Липкий пот страха пополз струйкой между лопаток. Витя сразу представил, как будет убегать в случае беды – и не убежит. Куда он о них теперь денется?

– Н-не т-танцую, – прохрипел Витя и толпа, подошедшая уже совсем близко, снова завывала, заблеяла от хохота. Кто-то достал телефон.

– М-мне идт-ти н-надо, – жалобно, с трудом выговаривая слова от волнения, прошептал Витя.

– Да че ты ломаешься, давай, сделай че нить прикольное и пойдешь.

Витя в ужасе отступил на шаг, непослушная ступня подернулась, и Витя упал на свой собственный ранец, как жук на спинку. Витя барахтался, пытаясь скатиться с ранца на бок и поднять свое тело непослушными, выкрученными мышеч-

ным спазмом руками, а толпа в полном восторге свистела и улюлюкала, как будто это не Витя, в стыде и унижении копошится в дорожной пыли, а артист дает свое представление.

Никто не подал Вите руки, никто не помог подняться. Задыхаясь от волнения, цепляясь за бордюр и ограждение палисадника, Витя наконец встает – брюки сизые от грязи, куртка вся в бурых пятнах, одна штанина порвана – что ж теперь будет? Как он вернётся домой, к матери?

Слезы сами собой катятся по чумазому Витиному лицу, и он растирает их в грязную жижу черными кулаками.

– От-тст-таньте, от-т-т... – отчаянно мычит Витя, уже не в силах выговорит хоть бы одно слово полностью.

–Ну дает, ревет как девка, пошли отсюда, ну его к черту! – толпа уходит, шумно гогоча, обсуждая увиденное и отснятое, и наконец Витя остается один.

Дома долго стоит перед дверью не решаясь звонить. Что сказать матери? Она ведь убьет его.

Надавив наконец на кнопку звонка, Витя снова начинает плакать – от страха перед материным гневом. Ведь он же не виноват ни в чем, и все равно ему достанется.

Мать открывает дверь и замирает в проходе – лицо ее застыло, заострилось, слова застряли в горле. Витя стоит, опустив голову, сжавшись всем телом, как котенок, загнанный в угол хулиганами.

– Это еще что? – спрашивает мать тихо, и Витя не может, не в силах просто ответить.

Мать втаскивает его в квартиру за капюшон, с грохотом закрывает дверь. Витя уже заходится плачем, а мать орет, сдирая с Вити грязные, порванные и потертые вещи.

– Ты это что, скотина, вытворил? Я тебе где брюки новые возьму? Будешь весь год в штопанном ходить, а мне краснеть за тебя на собраниях? Ах ты сволочь неблагодарная, ты под ноги то смотреть не научишься никак? А куртка, куртка-то новая совсем, чем я ее теперь отстираю? – сокрушается мать в отчаянии, а Витя только ревет, не желая уже ничего, даже жить, лишь бы только все это кончилось, и никогда, никогда не повторялось.

«Я к нему не вернусь!» – думает Витя. – «Никогда не снимусь больше и в одном видео, никогда!»

Глава 27 Оля

– Ну что, Ольга Дмитриевна, все у нас по плану: уже не молодой доктор с усталым, осунувшимся лицом на котором, как нарисованная, кривенько сидит доброжелательная улыбка, перебирает кипу бумажек с бесконечными Кирюшиными анализами и тестами.

По какому такому плану все идет, Оля никогда не понимала. Кто этот план придумал? Какая конечная цель у этого плана? Кому он нужен, вообще, этот план? Доктор все листает и листает бумажки, испещрённые громоздкими непонятными терминами, описаниями, словами, от которых Оля бросает в дрожь.

– Вес в норме, Кирилл Андреевич у нас растёт не по дням, очень крепкий мальчик. Рефлексы тоже в норме... – доктор делает паузу, выдыхает медленно, долистывает бумажную кипу до конца. – Можно сказать, здоров парень, полностью здоров.

– Мы дозу уменьшали временно, – смущенно говорит Оля, – это ничего?

Доктор на нее не смотрит, только в анализы – столбцы цифр и букв.

– Ничего, на показателях не сказалось, но впредь от предписаний не отступайте.

– Конечно, это у нас вынужденно получилось, не специ-

ально.

Доктор кивает, все листая и листая пальцами страницы, даже кажется уже не глядя, не улавливая сути.

– Ну что могу вам сказать, продолжаем все по прежней схеме, рецептик сейчас вам выпишу, через месяц придете за новым, а в остальном все у нас, Ольга Дмитриевна, хорошо.

Оля выходит из тусклых больничных коридоров в чистый сверкающий светом снежный день. Она прячет заветный рецептик в кошелек, пару секунд вдыхает и выдыхает морозный воздух, вытравливая из себя запах больницы, такой въедливый, ни на что больше не похожий.

Кирилл Андреевич здоров, это официальный вердикт врачей, Олю он всегда смешит. Кирилл Андреевич – это здоровая оболочка, без содержимого. Так подумала Оля однажды, когда-то давно, когда Кирюшин диагноз еще был чем-то новым, непонятным – врагом из дыма, с которым Оле всю жизнь предстоит сражаться и никогда не победить. Поздравляю, Ольга Дмитриевна, вы родили здоровую, крепкую оболочку!

А где же Кирюша? Где мой Кирюша?

Оля идет, зарываясь каблуками в рыхлый снег, дыхание облачком пара застилает обзор, как мутное от взвеси окно. Оля торопится в аптеку, затем домой, а потом... А потом Олю ждет важное дело.

Оля не знает о Дашкином дурном предчувствии, понятия не имеет, что Дашка тоже неизвестно отчего боится и мает-

ся. Но Оля не может отступить. Уже произошел тот самый слом, после которого не пугают никакие последствия, ничто не пугает. Есть только путь, по которому нужно пройти и только Оля, которой этот путь уготован.

Трамвай везет ее по Ленинскому проспекту. Тудух-тудух, Саратов, Волга. Самое чудное лето в жизни. Оля тогда еще была худенькой, стройной как тростинка. Светлые, выгоревшие до бела на солнце, волосы заплетены в косички. Оля сидит на берегу, болтает ногами загребая ступнями Волговскую холодную воду, и та катится по ее загорелым, длинным ногам, рассыпается сотнями золотых бриллиантов. Оля помнит Волгу, а Волга, конечно же, а как иначе, всегда будет помнить Олю.

Проспект Ленина, длинный и прямой, тянется сквозь года Олиной жизни. Есть ли в России город, в котором этого проспекта нет? А может, это и вовсе один и тот же проспект, один единственный, и находится он вне времени и пространства, в вечном СССР, и не важно совсем в каком городе – если едешь по Ленинскому проспекту, всегда едешь по одной и той же дороге, в одном и том же времени и месте.

Может быть, Оля как раз в Саратове? И стоит выйти, пройти знакомыми дворами, свернуть на набережную и снова случится то далекое лето, и снова Оле будет 9, и снова самые вкусные арбузы, пахнувшая на всю станцию рыба, бескрайнее небо и чистое счастье впереди.

Как бы Оле хотелось.

– Женщина, вы выходите?

Ленин глядит сурово в окна трамвайчика. Оля моргает и морок растворяется в людской толчее.

– Нет, нет, не выхожу, – Оля с трудом протискивается прочь от дверей.

Какая-то незнакомка качает головой: «Встанут в дверях, и обходи как хочешь».

Оля поглубже зарывается лицом в шарф, а лбом утыкается в нагретый сотней рук поручень. Ленин, насупив брови, провожает Олю взглядом. В каком он городе сейчас? Какой проспект он видит?

Зима только вот-вот едва тронулась, а снегу намело целые горы. Ларечки грустно ссутулились под тяжестью снежных шапок. Как горбатые прощелыги с сигареткой, стоят они себе рядком у дороги, провожают недобрый взглядом. Оля всегда удивлялась, ну как это снег не тает – в руку возьмешь – вода. Иллюзия, морок. Мираж, сверкающий на солнце. Оля помнит зиму, в которую снега намело целые коридоры, и шла она в школу сквозь них как меж стен. Белый плен дороги – не свернуть. Чудная это была зима.

А вспомнит ли Кирюша однажды хоть одну свою зиму?

Мама встречает Олю протянутыми руками:

– Ну, принесла таблетки-то? Давай, давай помогу, сразу Кирюшке дам, а то он весь день... – мама запинается, хорошенько выбирает слово.

– Что весь день, мам? – спрашивает Оля.

– Неспокойный!

Мама уходит, шурша аптечным пакетиком. Оля бросает сапоги вязнуть в серой луже натаявшего снега и идет в комнату.

Кирюша кричит и плачет, бьется о прутья кровати. Он что-то мычит до боли похожее на «ма-ма».

Оля, не думая, хватает его, прижимает к груди – свое родное, горячее, молотящее руками. Целует макушку, пахнущую чистотой, как ничто в мире. Эта чистота – подлинная чистота жизни, когда еще не перевернуто ни одной страницы. Кирюша шумно дышит ей в шею, как загнанных в силки зверь. Оля чувствует его горячие слезы, они катятся по ее ключицам. Кирюша дышит ею, вдыхает ее запах – запах безопасности и спасения – и утихает.

– Он сегодня стену гомном своим измазал, ой, сил моих нет, Оля!

Оля качает Кирюшу, глядя как кружатся за окном снежинки. Ну как не тают? Кристаллы льда, все-все разны, уникаль-ны-е, ни одного повторения. Неужели это возможно?

– Помнишь, врач-то молодой такой, с усиками – сразу мне не понравился! Говорил, не повториться этого, мол пройдет эта фаза, пройдет... – мама машет рукой. – Все врут, заразы.

Может ли быть так, что Кирюша – это тоже своего рода снежинка, уникальная. Такой у него набор неповторимых качеств, и если бы хоть что-то поменять, то уже был бы не Кирюша. Уже не было бы неповторимого оригиналы, а только

дубликат. Дубликат какого-то другого ребёнка.

– Надо к врачу опять идти Оль, я тут почитала, есть один хороший, он методики новые предлагает, как раз наши проблемы описывает, интересно очень, Оль, тебе б тоже почитать, я там брошюрку на столе оставила...

– Я почитаю мам.

– Да, хороший врач, не как эти, наши, в поликлинике...

– Мам, – задумчиво говорит Оля, – мне уйти надо, ненадолго.

– Куда опять уйти, ты же только зашла, ль! Ты б хоть поела, чаю выпила что ли.

– У меня дело срочное.

– Срочное у нее, – говорит мама, сердито сверля Оле спину, – я а что? Сижу тут, как прикованная, гомно оттираю!

Оля не отвечает. Кирюша уснул в монотонном покачивании Олиных рук. «Такой он красивый!» – думает Оля.

Его нельзя не любить. Невозможно, совсем немислимо не любить Кирюшу. Оля с величайшей осторожностью кладет сына в кроватку, прикрывает его пухлые ручки одеялом.

«Как забавно», – думает Оля, – «иногда я забываю, что он совсем младенец, только и думаю о его будущем, каким он будет взрослым... а он вот он – спит в кроватке прижавшись щекой к матрасу, так неповторимо по младенчески... И ресницы у него такие длинные, трепещут во сне, и рот приоткрыт смешно – вот он, мой Кирюша, совсем маленький».

Оля хочет убрать тонкие рыжеватые волосики с Кирюши-

ного лба, но не решается, боится разбудить. Она поворачивается к маме, улыбается таинственно, прижимает палец к губам – «ш-ш...», подмигивает и уходит.

Глава 28 Оля

– Я Ольга! Ольга Дмитриевна Хтонова, я в Витиной школе преподаю, откройте пожалуйста!

За дверью уже минуту мнется некто.

– Я, я вас зн-на-ю, но вп-пустить н-не могу.

– А, Витя, – узнает Оля, – ты один сейчас?

Витя радостно бормочет: «Да, д-да!».

– Ну хорошо, молодец что не открываешь, а родители скоро вернуться?

Пауза – Оле кажется, что Витя пожимает худенькими, вывернутыми немного плечиками.

– Д-должны скоро, он-ни в магазин ушли.

– Я тогда подожду у подъезда, как мне их узнать?

– Н-на маме шап-пка красная, смешная, с п-п-помп-п-ном!

Оля улыбается:

– Спасибо Витя, хорошо, я подожду.

Оля дышит на ладошки, трет их друг о друга. Пальцы слегка занемели. Она глядит одним глазом в щелочку подъездной двери. Семья Сорокиных проживает в старом, маленьком домике – всего 3 этажа. Такие дома редкость, даже сохранились деревянные лестницы и перекрытия. Оля топчется, постукивая каблуками по льдистому полу, дверь хлопает на ветру и в щель белым облаком задувает снег.

– А ну пошла отсюда! Ишь, повадились, думаешь коль замка нет, то все можно? А ну пшла, кому говорю, щас милицию вызову!

Оля вздрагивает и вжимается спиной в стену от испуга. Сгорбленный низенький дедок ковыляет к ней с первого этажа, грозно помахивая палкой.

– Ишь, наглая! Стоит, не шелохнется! А я тебя как палкой...!

– Да успокойтесь вы, я учитель, пришла к родителям, а их дома нет.

Оля хихикает, пока подслеповатые глаза изучают ее фигуру: приличное пальто, сапоги кожаные, хоть и старые, на Оле фетровый беретик и дамская сумочка.

– Тьфу ты, – машет дед рукой, – а я думал писюха какая, они тут табунами ходют, курят, бычки свои кидают, а дом то вон, – дед стучит палкой по деревянной перилле, – дерево! Вспыхнет, и все! То пьют бывает, орут дурниной, то вон в двери ломаются, выясняют что-то. Одним словом, пропащие!

Оля смеется, но кивает, грозный дед смотрит на нее добрыми глазами.

– А ты дочка замерзла уже поди, хочешь, я тебе чаю налью? Детей учить дело хорошее, это ты молодец, правильную профессию выбрала.

– Нет, спасибо, мне бы людей не пропустить.

Дед кивает.

– А ты наверно в 108?

– Да, – удивляется Оля, – к Сорокиным.

Дед снова кивает, отводит мутный взгляд.

– Ну и правильно, вот к ним-то вся шалупонь и ломится вечно, к Витьке к ихнему. Ты с ними поостроже!

Дед грозно взмахивает клюкой на прощание. Оля кивает, пытается вникнуть в суть дедовых слов: к Вите Сорокину ходит местная шпана. Зачем?

– Я говорила тебе, подорожает все, надо было раньше брать!

Входная дверь открывается, впуская в подъезд тусклый зимний свет и облака мелкого колючего снега. Женщина в красной шапке с помпоном несет, прижав к груди, большой пакет. Мужчина входит следом с еще одним пакетом и сеточкой с мандаринами. Новый год близко, закупились к празднику.

Женщина подозрительно оглядывает Олю: «Здрасьте,» – оттирает ее плечом к стенке и протискивается вверх по лестнице.

– Виктория Ильинична?

Женщина останавливается, оборачивается, медленно, нехотя, как будто ждет плохого.

– Меня зовут Ольга Дмитриевна, я преподаю в Витиной школе, могу я с вами поговорить?

Оля видит замешательство Виктории Ильиничны и добавляет:

– Это касается Вити, очень важно.

Чай в растрескавшейся фарфоровой чашечке обжигает Олины губы. Он горячий и оттого безвкусный, а может просо безвкусный – пакетная шелуха с красителем. Оля вежливо делает глоточек и отставляет чашечку. Розовые наивные цветочки потускнели от времени и отсутствия хорошей чистки.

– Вы у Вити не ведете, – констатирует Виктория Ильинична.

Оля кивает:

– Не веду. Я не про учебу поговорить хотела.

Виктория Ильинична разом обмякает и успокаивается – округляются строгие прямые плечи, спокойно ложатся руки.

– О чем тогда? Что мы, на шторы не сдали, или как?

Оля подбирает слова. О старинный плафон лампы в неистовстве бьется одинокая зимняя муха. Все вокруг тоже строе и потертое – пожелтевшие обои времен Советского союза, фанерный стол, деревянные дореволюционные полы. От этого вида Оле становится совсем тоскливо. Еще и надо как-то подобрать эти правильные слова, которых нет, таких слов никогда нет.

– Я боюсь, над Витей издеваются одноклассники, – наконец решается Оля, – из-за его особенностей. Директор не желает брать ответственность, но я считаю вы должны знать.

– Как это, издеваются? А учителя-то куда смотрят? Как издеваются? – Виктория Ильинична круглыми от возмущения глазами смотрит на Олю и ждет ответов.

Отчим Вити – Артур – тихо сидит на кухне за стенкой.

– Над Витей происходит травля, но вне школы. Учителя этого не видят, но есть доказательства... есть видео...

Виктория Ильинична громко клацает чашкой о блюдец.

– Стоп. Я поняла, спасибо за беспокойство, мы с эти сами разберемся.

Оля внезапно понимает:

– Вы знаете?

– Ольга Дмитриевна, спасибо за визит, я думаю вам пора.

Артур! Проводи Ольгу Дмитриевну!

Артур, мужчина средних лет с осунувшимся, усталым лицом молча выходит из кухни. Его крупная фигура встает мрачной тенью на фоне желтого света лампы.

– Я вас провожу, пойдете.

Оля не верит своим ушам.

– Вы не понимаете, Вите наносят непоправимый психологический вред! Все эти видео калечат его психику!

– Хватит, я сказала! – старенькая кружка дзынькает и разбивается на осколки о деревянный пол. Белые фарфоровые брызги зарываются в серую грязь в половых щелях.

– Вы понятия не имеете о психологических травмах! – кричит Виктория Ильинична. – У меня ребенок инвалид! Мне его тащить не на что! Вы знаете сколько лекарства стоят!? Да ни черта вы не знаете! А эти видео нас кормят и одевают!

– Вам за это платят? Вы что же это, Витю... – доходит наконец до Оли.

– Пошла вон отсюда! И что бы молчала, поняла? Артур, выведи ее!

Понурый молчаливый Артур мягко берет Олю под локоть.

– Пойдемте, – говорит он мягко и тихо, – вам пора.

Оля наспех наматывает шарф, наполовину застегивает сапоги, Артур закрывает за Олей дверь, и в самую щель уже говорит на прощание:

– Она хорошая мать, ей просто тяжело очень.

– Шум такой, разбилось чаго? – высунул в щель любопытный нос дед.

– Разбилось, все разбилось! – зло отвечает Оля. – В дребезги!

Она вырывается из подъезда в злой морозный день. Холод тут же щиплет Олю за щеки, забирается под наспех накинутый шарф.

Оля чувствует жаркую злобу и обиду, точно ее предали, дали под дых.

– Что я знаю? – бормочет она под нос. – Ребенок инвалид, да все я знаю! – выкрикивает Оля громче. – Мать она, как же, таких бы матерей...

Оля секунду растерянно стоит на месте, затем берет телефон и набирает Дашкин номер.

– Даш, ты дома сейчас? Я приду? Я вино принесу, сыру порежь, или чего там.

Глава 29 Оля

– Ой, хорошо... – Дашка залпом опрокидывает рюмку коньяка.

Уже в магазине Оля поставила пакет с вином на полку и взяла, что покрепче, коньяк – три звезды, армянский.

– Нет, ну ты себе представить можешь? – возмущается Оля. – Они же знают, обо всем, Даш, знают!

Оля замолкает, подбирая слова – ее доброе наивное лицо покраснелось, волосы под шапкой сваялись вихрами. Дашка тянет ей дольку лимона, и Оля машинально сует ее в рот, морщится, запивает.

– Спасибо, Даш, она же ребёнка продает, словно сутенер! Дашка смеется, усевшись по турецкий на маленьком пуфике.

– Ну, скажешь тоже, сутенер!

– А как еще сказать? Она ведь продает его, Даш, за деньги!

Дашка философски пожимает плечами:

– Морализатор ты, Оль, страшный.

– Ты ее что сейчас оправдываешь?

Дашка машет руками:

– Не, не, ни в коем случае! Психологическая травма у ребёнка, все такое, Витя еще и знает, к тому же, что мама родная его не защитит. А может и не понимает ничего, – Даша пожимает плечами, опрокидывает рюмку, – а и хорошо, если

не понимает.

– Он не маленький, Даш, все он понимает, – уверена Оля.

– Ну что Оля, теперь-то все? – Спрашивает Даша, подставляя рюмку для тоста. – Все испробовала? Конец истории?

Оля мрачно кивает, чокается, выпивает.

– Ты мне скажи, почему тебе так хочется, чтобы все закончилось поскорее? Ну неужели ты, Даш, ребёнку помочь не хочешь?

– Хочу, Оля, очень хочу! Просто предчувствие у меня, – признается Даша, – нехорошее. Знаешь, кучу вонючую лучше палкой не ворошить, вонять меньше будет, и сам не запачкаешься.

Оля машет рукой:

– Не понимаешь ты ничего, Даш. Я как подумаю, что это Кирюша, что моего Кирюшу... Что это над ним смеются всей страной малолетних дебилов, так я бы, Даша, их всех бы...

Оля плачет от бессилия и страха ха сына, плачет тихо, давясь всхлипами и медленно сжимает кулак. Дашка тут же вскакивает и обнимает Олю за плечи, наливает ей скорей коньяка, подставляет поближе блюдечко с лимоном.

– Ну что ты, тише, ну все, на вот выпей, давай, вот так... Залпом, залпом!

Оля лежит в кругу Дашкины рук.

– Никто твоего Кирюшку не тронет, ты не дашь, ты вон какая... А про блогера этого своего недоделанного забудь. Ты ему ничего не объяснишь и не докажешь, а если у него

деньги водятся сама знаешь – он всегда невиновен будет. Не трожь его, целее будешь.

– Не понимаю я, Даш, как люди так умеют, пройти мимо чужой беды? – Оля говори тихо, глядя на дергающийся от сквозняка язычок свечи.

Даша пожимает плечами, гладит Олю по мокрой щеке.

– Жизнь учит.

– Не должна жизнь учить такому, – упрямо говорит Оля.

Дашка только молча вздыхает, лучше Оли наученная, что слово «должно» к жизни мало применимо. Она подливает Оле еще коньяка, и Оля утихает, успокаивается, горе ее топится в алкогольной расслабленной неге, и вот они уже как будто забыли про Витю, про Никиту... Нет, не забыли конечно, Даша знает, что Оли никак о таком не забыть, и все же надеется, что на этом история и закончится, и все они – и Даша, и Оля, и вся их школа, заживут как раньше – мирно и спокойно.

Домой Оля приходит уже за полночь: пьяная, пустая, все выплакавшая, легкая-легкая, точно все внутри перебрали, разложили на места, вычистили. Дашка права, все кончилось, история завершилась.

Мама спит на диване, не раздевшись – ждала. Кирюша сонно ворочается, разбуженный Олиным приходом. Оля приседает на корточки смотрит на силуэт Кирюшиного тельца.

– Я тебя никому не дам, слышишь? – шепчет Оля. – Я тебя

от всех защищу.

– Оль, ты что ли? Час то какой? – мама трет глаза и моргает во мрак комнаты.

– Поздно, мам, – отвечает Оля, – спи, утром поругаешься.

Глава 30 Никита

Витина мать открывает Никите сразу. Такая она недовольная его видом – сразу ясно: щас включит сирену и будет орать, пока Никита от ее ора не стечет в кросы.

Никита улыбается самой своей обаятельной улыбкой – той, за которую в школе ему прощают любые проступки, той, из-за которой у фанаток рвет крышу, той, на которую однажды клюнула Юлька и до сих пор клюет и клюет, как ненормальная.

Витькина мать тоже немного осаживается, и тогда Никита сразу достает из-за спины букетик и тортик – к чаю.

Никита еще не знает, чем ее взять, как убедить и сломать, поэтому действует по всем фронтам сразу: прежде чем идти Никита прикинул на что лучше давить и решил, что тут не сильно много стратегий. Может она одинока и ей будет приятно внимание – так ведут себя училки если с ними немного пококетничать. Толстые старые тетki с пробивающейся из-под капрона щетиной тут же тают и перестают трясти брылями, как бульдоги. Этот прием помогал Никите выжить много лет подряд – то, что с женщиной всегда нужно флиртовать, Никита усвоил четко.

Вторая вещь – это, понятно, деньги. Никита не жадный – он делится. И Витьку за ролик он заплатит, только в нужный момент. Вряд ли родители Витька очень уж богатые, в

Никитиной школе сильно богатых не учится. Скорее наоборот – вот и посмотрим, какие у Витькиной матери моральные принципы

Никита вручает ей букетик и тортик и с ходу выдает козыри:

– Чудесно выглядите, Виктория Ильинична, добрый день, я Никита Парфенов, друг Вити. Можно?

Конечно можно – Никиту сразу пускают, комплимент, улыбка и презент всегда открывают дверь.

– Друг говоришь? Ну проходи, Никита Парфенов, только на счет дружбы вашей я сомневаюсь. Витя мне ничего доброго о тебе не рассказывал.

– Ну, так это пока, он еще нашу дружбу не оценил просто, но ничего, скоро оценит.

Мать Вити встает на кухне возле стола – не садиться, Никите тоже не предлагает, руки скрещены, брови нахмурены Никита улыбается как ни в чем не бывало, сам берет кружку – первую что видит, наливает себе воды из графинчика.

– Я, знаете, что думаю? Витя просто капризничает, ему же работать еще не приходилось, а тут действительно стараться надо, пахать, вот ему с начала идея понравилась, но как понял, что это все реальная работа, а не кривляние на камеру, так сразу сдал назад.

Мать Витьки смотрит на Никиту как ну дурака. Никита этот взгляд ненавидит – так любой взрослый смотрит на тебя, если посмеешь открыть рот и заговорить о «делах», день-

гах», бизнесе», «политике», да о чем угодно, как будто эти темы присвоены одной возрастной категорией. Как в кино – тема экономики 18+. Но все это только до тех пор, пока не появляется обезоруживающий аргумент. Он обнуляет все доводы, сбивает спесь и самодовольные мины, стирает ластиком уверенность с рож. И этот аргумент Никита бережно запаковал в конверт и положил в нагрудный карман куртки.

– Значит так, Никита, за цветочки спасибо конечно, очень красивые, но ты их лучше матери своей отнеси, у который ты деньги на них, наверняка, взял, не спросив. А Витю моего больше не трогай, не надо ему звонить писать, вот это вот все, иначе я уже не с тобой, а с папой твоим поговорю.

«Экая строгая», – хмыкает про себя Никита.

– Я все понял, понял, – Никита поднимает руки вверх, как будто сдается, – нет так нет, тогда вот – Витина зарплата за первое видео. Все честно – мне заплатил канал, я Вите процент. Вот возьмите, – Никита достает и протягивает конверт, – он все спрашивал когда-когда, вот перечисли. Ну спасибо за воду, цветы не возьму и торт тоже. До свидания.

Никита разворачивается и неспешно идет к выходу и слышит, ясно слышит, Витькина мать за ним не идет. Нет шестиста бумаги – раскрыть конверт стыдно, но она ощупывает его пальцами – белый бумажный бог мягко топорщится, как сугробик из свежего снега.

– Никита, – зовет она его, и в голосе нет уже ни издевки, ни недовольства, только растерянность, а еще, и это Ники-

тино любимое, – надежда, – Никита, постой, ты чего это, нам чужого не надо, ты забери!

Витькина мать протягивает конверт обратно дрожащей рукой.

– Так и мне не надо! Я свою часть забрал, это Витино. Все честно, – снова повторяет Никита.

– Да как же это, так ведь не бывает, – почти шепчет Витькина мать, – за какое-то видео, такие деньги! За такие месяцы работать можно, – говорит она и краснеет, потому что проговорила – и в том, что примерно прикинула сумму, и в том, что зарплата у нее очень маленькая.

– Ну и работайте – улыбается Никита, – а я не буду, мне столько за одно видео платят.

Дверь Никита за собой захлопывает сам, разговор продолжать нет смысла, теперь Никита просто ждет.

Ждет день до вечера и следующий. В школе Витька его избегает, странно поглядывает, покрывается красными пятнами, но молчит, сука, как рыба.

Никита ждет.

На третий день раздается звонок – домашний Витька.

– Ало? – бодро и деловито отзывается Никита.

– Никита? Здравствуй, это Виктория Ильинична, мама Вити, я звоню на счет видео.

– Ой, а я Витю не трогал, все как вы просили, и слова ему не сказал!

– Да, да, я знаю, я не поэтому... – Витькина мать замол-

кает, то ли подбирая слова, то ли торгуясь сама с собой в последний раз. – Мы с Витей еще раз поговорили, в общем, он с удовольствием у тебя снимается.

Глава 31 Оля

Кирюша плачет, Оля стоит мрачной тенью у его кровати. Она все испробовала, даже новогодние гирлянды достала раньше времени, и хрустальные шарики на свет вертела, и зеркалом солнечных зайчиков ловила – ни-че-го. Кирюшины таблетки, купленные на сунутую Мариной пятитысячную, стремительно кончаются. Оля снова уменьшает дозу, но Кирюшин организм второго отхождения от норм не прощает. Ему хуже. С каждым днем хуже.

Ее тихий пугливый малыш превратился в напуганного глухого и слепого зверя. Кирюша воеет и ломает игрушки, бьет руками прутья кровати до синяков. Размазывает и кидает фекалии. Оля не плачет, и почти уже не чувствует, только думает – где взять деньги. Андрей молчит, сбрасывает звонки, шлет дурацкие пустячные смс: на совещании, Алка спит, говорить не могу, за рулем... И никогда у него не минуты поговорить о сыне. А Андрей знает, что о сыне – по другим поводам Оля никогда не звонит.

Пойти к нему? Снова? А что делать?

Оля ходит кругами. Кирюша, глядя на ее метания, распаляется еще больше. Мама с ледяным компрессом на голове причитает перед иконкой богоматери. Ее бубнеж очень бесит Олю, как в советском человеке, который коммунизм голыми трудовыми руками строил, уживаются такая глупая

набожность и жестокий, холодный, как ушата воды, прагматизм?

– Да прекрати ты, – не выдерживает Оля, – дай подумать, не бубни.

– Это я бубню? – мама прижимает к груди ладонь. – Это ты сыну своему так говори, совсем скоро голова от его криков взорвется.

– Мама! Ну ты же взрослый человек, ну подумай, что говоришь такое! Устала – иди в туалете запишись, воду пусти, там не слышно ничего.

– Ай! – тут же машет рукой Оля и сама удаляется в ванную, опускает крышку стульчака, открывает кран, затыкает уши.

Соседи стучали уже дважды за утро. Оля все понимает, они устали. И мама устала. И Оля тоже очень, очень устала.

А Андрей не берет трубку.

Оля мнетя минуту, кусает обветренные на морозе губы, морщит лоб, стучит пальцем по кончику носа. Затем решается и, зажмурившись, нажимает кнопку вызова на телефоне.

Марина берет с третьего гудка.

– Ало, кто это? – голос у нее настороженный, невеселый.

– Марина? Это Ольга, здравствуйте.

Марина отвечает не сразу, не ожидала от Оли, что она на такое решится:

– А, Ольга, здравствуйте.

– Я на самом деле с Андреем поговорить хотела, но он

вторую неделю трубку не берет.

Секунду висит пауза. Затем Марина нехотя, смущенно и как-то виновато говорит:

– Ольга, он работу потерял, временно, потому и на звонки не отвечает.

И снова пауза.

– Ольга, вы меня слышите?

– Да, да, я просто...

– Да, мы тоже не ожидали. Оптимизация на предприятии, сокращают персонал. Но Андрей уже нашел пару мест, скоро должно все решиться.

Оля молчит.

– Вы простите нас, Ольга, я понимаю, вам деньги нужны, мы задержали сильно...

Это Маринино «мы» бесит Олю невероятно, какие еще такие «мы»? Это ребенок Оли и Андрея, и должен Кирюше только Андрей. А она разделила этим мы ответственность, словно они с Андреем двуглавое чудище, единое целое. Нет никаких «мы» есть только он. Только Андрей.

– Мы вам все вернем, как только, так сразу, честное слово, Оля, честное материнское.

Оля кладет трубку, не выдерживает. Ей невыносимо жалко – Кирюшу, себя и Марину.

Оля прижимает молчащий мобильник к подбородку. Что же делать?

Андрею перед Олей стыдно – это Олю очень забавляет.

Так стыдно, что даже трубку не берет. Прячется как трус – от нее, не от Кирюши, перед ним Андрею не стыдно. Андрею все равно. Оля бы на его месте продала – машину продала, велосипед, все бы продала ради сына.

Оля смотрит на телефон в своих руках. «Все бы продала».

Глава 32 Оля

– Слушай, ну это модель старьей, стекло битый, батарея плохой, больше пятихатки не дам, понял, да? – молодой узбек чешет грязное ухо. Его смуглые ладони укрыты дырявыми перчатками без пальцев.

– Ну как пятихатка, я в магазине видела, такой десять стоит!

– О-о, – тянет узбек и смеется, – так то новый, хороший, у того и батарея хороший, и стекло целый, и царапина нету, понял, да?

Оля мотает головой.

– Слушай, хочешь – бери, не хочешь – иди, я тебя не обманывай, понял, да?

Оля выходит из будки без денег, но с телефоном. На пятьсот рублей она едва купит одну пачку таблеток. А Кирюше нужно три разных препарата в комплексе.

Узбек гогочет Оле в спину:

– Все равно вернешься, понял да?

Хмурое низкое небо мрачно глядит на Олю, спрашивает, как бы, ну и что теперь?

А ничего! Оле в школу пора, Оля на работу опаздывает, вот что. Но о работе Оле совсем не думается.

Уже у самых ворот на секунду вынырнув из своих мыслей Оля замечает Витю Сорокина, робко жмущегося к заборно-

му столбику, кутающегося в пуховичок. Одно плечо у Вити выше другого и вывернуто назад, как расправленное крыло, от этого ворот пуховика прилегает неплотно, и Вите явно холодно даже с шарфом. Витя смотрит на Олю чуть искоса – незаметно, смаргивает с ресниц снежинки и боязливо опускает голову. Оля секунду стоит, не зная, что делать: подойти к нему, пройти мимо? Но Витя первым отлепляется от столбика и сливается с общим потоком учеников. Звонок уже летит над утренней тишиной школьного двора, и Оля, опомнившись, торопится внутрь, в тепло, в бурную реку толкающихся, вспревших под шапками и куртками ученичьих тел.

Активное обсуждение смолкает, как только Оля входит в класс. Никита Парфенов медленно и вальяжно отворачивается от Юлечки – отличницы в короткой клетчатой юбочке с двумя толстыми косичками до пояса. Он смотрит на Олю весело, будто задумал пакость. Оля идет не в силах оторвать от Никиты взгляд, и тот подмигивает ей и вдруг улыбается, так, точно они вдвоем, только Никита и Оля, знают какой-то секрет.

Оля отворачивается, листает страницы учебника, собирается с мыслями. Класс необычайно тих этим утром – может зима берет свое, и недостаток солнца и витаминов сделал учеников сонными и вялыми, но Олю нервирует это спокойствие. Точно что-то готовится, назревает, вот-вот случится.

– Итак, дети, сегодня мы начинаем знакомиться с творчеством великого, не побоюсь этого слова, писателя Владими-

ра Владимировича Набокова...

– О-о, – разносится по классу, не давая Оле договорить.

Парфенов, поправив шапку волос пятерней, гаденько ухмыляется:

– Это что, будем читать, как мужик девку насилует? Ну это вы Ольга Дмитриевна удружили, – хохочет он, и весь класс подхватывает вместе с ним.

– Нет, – отвечает Оля, – Лолиту читать не будем, это вы сами, если захотите, прочитаете, в рамках программы мы прочтем несколько рассказов.

– Жаль, я б почитал, – снова хохот.

Оля молча открывает книгу, диктует страницы. Внутри Оли все замерло, сжалось – неужели сейчас начнётся? Вот сейчас грянет?

Но нет, попохотав еще немного, посмаковав где-то кем-то слышанное, класс утихает.

После урока Парфенов покидает класс, не глядя на Олю. Он весело болтает с Юлечкой, галантно подставляет ей локоть, берет ее сумку и перекидывает через плечо. Внутреннее напряжение отпускает Олю, только когда закрывается дверь, и Оля остается одна. Она и сама не знает, откуда этот животный ужас предчувствия что вот-вот... Как будто ждешь грозу.

На большой перемене Оля заходит к Даше на чай, рассказывает про узбека и пятихатку. Дашка смеется над Олиной наивной глупостью:

– Ну а чего ты ждала, что он тебе десять тысяч предложит?

– Хотя бы пять, – смущенно признается Оля.

– За пять он его перепродает, а купит не дороже тысячи, ты что, кто ж дороже перекупать старенький самсунг будет?

Оля пожимает плечами, – «Телефон то хороший, работает, все как надо».

– Кому надо? – садится Дашка на своего конька, – если как тебе надо, то да, а если как надо кому-то другому, то твой Самсунг и пятихатки, прости, Господи, не стоит.

Оля сначала хочет обидеться, но прыскает, и вот они уже с Дашкой смеются на пару, повторяя и передразнивая: «Пятихатка слюшай, понял да?»

Глава 33 Никита

Витек залетел. Это Никита понял сразу, еще и просмотрев то толком не было а в коментах уже такой срач подняли – мамки воют о бедном ребенке, пацаны ржут и тролят – одним словом война миров. Ну а для Никиты просто наслаждение. Он откидывается на спинку стула – чуть покачивается на его пружинной упругой конструкции – таких стульев у Никиты никогда не было. Дома табуретка и старый весь протертый и продавленный воняющий старостью и тухлятиной ссровский стул. В школе есть конечно компьютерные стулья но они все изломанные измазанные жвачкой втихушку прожженные сигаретами. С приходом в Никитину жизнь блогерства и денег Никита стал обращать внимание на такие детали как стулья на которых он сидит, кросовки в которых он носит, сигареты которые курит. Теперь Никита курит вэйп со сливочно-ананасовым вкусом, а не в тихушку таскает горькие зубодробильные отцовские сигареты без фильтра. И даже шапка к которой раньше Никита относился как к некоему неотемлемому зимнему атрибуту в принципе все равно какому – теперь стала иметь значение. Оказалось шапки бывают красивыми и удобными и старая дедова еще лыжная шапка – это дичь и убогость и как только Никита ходил в ней- сейчас бы он скорей удавился. И все эти мелкие детальки которые Никита в своей жизни складывал как пазл постепенно подсве-

тили общую убогость мира в котором Никита жил так долго. Теперь этот мир уже не ограничивался квартирой родителей и ими самими но вообще все вокруг стало казаться Никите мерзким и недостойным. Этот паршивый городишко. Его вечными нескончаемыми зимами, ссаным снегом, ледяными глыбами которыми пацанф обстреливают друг друга после школы или бьют на стрелке – эта вонючая река в которую сливают всю на свете какая есть гадость в которой даже рыбы не живут а если живут то не дай Бог съесть такую. А эта весна мерзкая в которую из под снега вылазят не романтичные Юлькины подснежники а кучи говна и мусора, свежая земля ершится пачками шприцов и бутылочных осколков, реки черной воды стоят месяцами как болото потому что нет сливов и воде нкуда течь. Одним словом вот бы уехать куда-то подальше от всей этой дичи и срани, куда что где лето песок и пальмы, которые Никита до сих пор не видел, и что б под боком лежала зачетная телочка, а не худая заторможенная Юлька.

И когда Витек залетел – залетл так как ни одни Никитин ролик не залетал Никита решает что он едет. Во что бы то ни стало как только стукнут заветные восемнадцать он уедет и не оглянется и не вспомнит ни разу ни мать ни отца ни Юльку ни название этого проклятого города. А пока Никита ждет и копит – злость, знания и деньги.

Витьку сниматься не очень то нравится это Никите ясно, но по большому о счету плевать Никите на Витька. Родители

Витька – вот где может быть проблема. Сам то Витек только бляеть и реветь умеет, но родители дело другое. Надо к ним подход найти умаслить как то. Витек уже грозился матери сткануть если никита от него не отвяжется, но Никите нельзя отвязаться – куда ж он отвяжется? Как же Никита уедет и будет покупать себе модные шапки, крутые кросовки, свою жижу для вэйпа анонасовую если Витька не будет на его канале?

Нет назад сейчас нельзя, только вперед и желательно кем то еще кроме Витька разжиться. Что б уж наверняка.

Глава 34 Оля

Дома Олю ждет уставшая, вымотанная безнадегой и Кирюшей мать. И Кирюша, для которого у Оли ничего нет. Ни-че-го-шень-ки.

Оля бредет неспеша, некуда ей спешить. Она то и дело поддевает мыском комок льдистого снега и пинает его как мячик, совсем как в детстве, и это она, Ольг Дмитриевна! Взрослая женщина! Учитель!

Оля усмехается, сама не знает чему. Фонари перемигиваются с крупными, будто полярными, звездами – вокруг так красиво. У Оли мерзнут щеки и руки, кончик носа уже и не чувствуется, но Оля не торопится на трамвай – там тепло, и сидения с подогревом, но Оли охота идти... Идти.... Бесконечно.

Дойдя до дома, Оля смотрит в разноцветные глазки окон – такие они уютные. Кто-то готовит ужин, и из форточки пахнет чужой жизнью и вкусной едой, кто-то смотрит телевизор, и стены мерцают странным голубоватым свечением. Где-то кошка ведет ушами и мысленно ловит снежинки на подоконнике. Оля садится на качель и слегка покачивается, что бы совсем не замерзнуть, смотрит, наблюдает за чужой жизнью. Такое все разное – разные потолки, люстры, свет от ламп, разные обои, мебель, люди...

– Ольга?

Оля вздрагивает, сердце пропускает удар. Оле очень знаком этот голос. Сзади уже несется крик двух девчонок, они наперегонки лезут на ледяную горку, громогласно и с визгом делят ледянку.

– Девочки, а ну-ка тихо, сказал же – будете ругаться домой пойдем!

Девчонки, обиженно сопя, стихают.

– Ольга, – снова он обращается к ней, – я Леня, вы уже, наверное, забыли, мы встречались тут, во дворе.

Леня садится рядом, тоже перебирает ногами, покачивается на скрипучей качели.

– А где же ваш сынок? Не видно его, прячется?

Оля смущенно качает головой, смотри вниз на свои руки.

– Нет, он дома, болеет слегка, – говорит Оля, – ему не до гуляний.

И вправду, на Кирюшу и так смотрят косо, к нему и так не подпускают других детей, как к заразному, Оля и думать не хочет, что бы было, если б Кирюшу вывести сейчас – когда он почти и не ведет себя тихо и спокойно, не ведет себя, как положено детям.

Секунду они молчат, только скрип, резкий и пронзительный, нарушает тишину синего зимнего вечера.

– Я тоже люблю подглядывать, – говорит вдруг Леня, и у Оли холодеет в груди: он видел ее! Видел! Он знает! Знает, что она за ним с биноклем из темноты...

Но Леня с детской добродушной улыбкой глядит на она.

– Такая у всех разная жизнь, – говорит он, – а ведь дом это словно душа человека. По дому сразу видно, что у человека внутри. Если мало вещей и все по полочкам – человек холодного ума, собранный, пунктуальный, но скрытный. А если хлам везде, бардак то у хозяина душа нараспашку.

– Или он просто свинья, – замечает Оля и Леня смеется.

– Ну да, тоже верно.

– Я часто вас с сыном вижу, как вы гуляете, – продолжает Леня.

Оля только молча кивает, не знает, что сказать.

– Он у вас особенный?

Особенный? Оле странно слышать это слово. Какое-то оно неподходящее для Кирюшиной жизни – особенная...

– Я вас обидел? Да, конечно, зря спросил, это было бес тактно.

– Нет, нет, что вы, – Оля вдруг понимает, как долго молчит, – я просто не привыкла, что кто-то интересуется... Да, у Кирюши особенности развития.

Ну вот Оля и сказала. Странно, но каждый раз Оля чувствует, будто раскрыли ее великую тайну, вытащили скелет из шкафа. Оля не стесняется Кирюши, Оля его любит, всем сердцем, но говоря это вслух – «особенный, развитие» – Оля словно делает эти вещи реальными, признает их весомость и существование.

Леня кивает.

– Я так и понял, видел, как другие родители его сторонят-

ся, детей к нему не пускают, люди порядочные иногда сво-
лои, конечно.

Оля изумляется – впервые ей такое говорит незнакомый человек, вот так запросто – точно душу как карман перед Олей вывернул, и такая она красивая оказалась – его душа. Даже Андрей бы такого не сказал, не то что какой-то там Леня.

– Это от незнания, – робко отвечает Оля.

– Да от глупости это все, и малодушия. А сынок ваш хороший мальчик, добрый, вон как за елку шмыгнул – точно зайчишка, – Леня смеется, – такие дети не бывают злыми, это в наши дни редкость.

Оля улыбается заиндевелой улыбкой, так ей приятно. Леня сладко вздыхает морозным облачком пара.

– У моего брата двоюродного синдром был – в детстве мне немного боязно было по первости, я его понять не мог, а как дошло, что он всего то играть хочет и даже жулить не умеет, так полюбил его больше всех остальных братьев и сестер. А сейчас он уже взрослый конечно работает, семьи правда нет, но живет счастливо, ни в чем не обделен. Я ему звоню часто – он в другом городе теперь находится.

Оля глядит на Леню и в сердце ее робким подснежником пробивается надежда сквозь заиндевелую корку боли и смирения.

– Нам говорят, с Кирюшей так не будет.

Леня добродушно пожимает плечами, улыбается:

– Да мало ли что говорят, сколько случаев, когда все получается наперекор врачам, судьбе и всем мыслимым преградам. Вы, Ольга, святая, и мальчик у вас какой замечательный – никогда никакого зла не сделает – тоже, своего рода чудо, – говорит Леня искренне.

– Папа, папа, я замерзла, ну когда мы уже пойдем?

Детские ручки обвивают Леню, теребят прутьики его качели.

– Что ж, до свидания Ольга, был рад встретиться, – протягивает Леня Оле руку.

Оля кивает чувствуя, как краснеют щеки, жмет руку едва касаясь, но заледенелая кожа не ощущает касания, слово Оля сжимает воздух.

– До свидания.

Глава 35 Оля

– Ты представляешь? Сам ко мне подошел, заговорил, имя мое запомнил! – У Оли горит лицо, а глаза блестят как в лихорадке, Оля захлебывается словами, не дает Дашке даже пискнуть, захлебывается своим счастьем.

– Ты влюбилась в него что ли? – констатирует Дашка.

Оля смолкает, как будто Дашка ее задела.

– Брось ты, – отвечает она, – какая влюбленность, что, дети что ли?

– А что, взрослые не влюбляются? – ехидничает Дашка.

Оля отвыкла от возможности кого-то любить и что бы ее любили. Поэтому в Ольном мире взрослые не влюбляются, это удел подростков, им можно, а у взрослых сердце умирает, не выдерживает.

– Оль, а про жену его ты помнишь?

– Я не влюбилась, – чеканит Оля, – и много ты знаешь о его жене? У них может не все гладко.

Дашка смотрит на Олю усталым замученным взглядом. Ничего не отвечает.

– Он про Кириюшу спрашивал, сам догадался о его...особенности, и ничего, представляешь, спокойно так говорил об этом – не стеснялся, не смущался, просто, как о чем-то обыденном!

– Ну и молодец, хороший человек.

– Вот именно, Даш, часто тебе мужики хорошие попадают?

– Мне? – удивляется Дашка. – Ни разу.

– А он, представь себе, всегда сам с дочерьми гуляет, и спать их укладывает, и уроки делает, вот это я понимаю – мужчина.

– А ты откуда такие подробности знаешь? – спрашивает Дашка. – Неужели он тебе там под грибком на детской площадке всю жизнь рассказал?

Оля осекается, щеки ее краснеют, Оля тупит взгляд.

– Да я так, фантазирую.

Дашка смотрит с прищуром.

– Ну ладно, засиделась я, мне Кирюшу кормить пора, – Оля берет сумку, накручивает шарф: сбегает.

– Оля, – подходит к ней Дашка, – вот только ради бога, я тебя прошу, не заигрывайся. Потом будет очень больно.

Больно! Оля идет сквозь метель к остановке, распиная мелкие льдинки и снежки. Марине больно почему-то не было, когда она сначала на женатом мужике скакала, а потом замуж за него выскочила, их семью разрушив!

Оля злится, то ли на Дашку, то ли на себя, то ли на Марину. Она никогда раньше не позволяла себе так о Марине думать. В конце концов, Андрей не теленок, его просто так не уведешь. Но отчего-то сейчас, именно сейчас, когда все прошло и давно отболело Оля вдруг обозлилась на Марину, точно все было только вчера.

Как будто Марине заведомо разрешили то, что нельзя Оле – быть счастливой. Пусть и такой ценой.

Мысли Оли пресекает громкий автомобильный гудок. Оля вздрагивает, хватается за сердце.

Красный мерседес крадетсЯ за Олей, освещая фарами снежную мельтешащую стену.

– Парфенов, ну как так можно, напугал!

– А вы чего Ольга Дмитриевна, пешком? Такая погода собачья, вы садитесь, я вас подброшу.

Оля качает головой, упрямо идет вперед, а мерседес, точно кошка, бесшумно крадетсЯ следом.

– Я, Никита, к несовершеннолетнему в машину не сяду.

– А чего так? Нас поймают – меня заметут, а к вам вопросов нет, Ольга Дмитриевна. Да садитесь, чего вы, я медленно поеду.

Оля колеблетсЯ, но погода и правда собачья. Липкий крупный снег забиваетсЯ в глаза и ноздри, сыпетсЯ за шиворот, тяжелым сугробом липнет на печи и шапку.

Парфенов тормозит, приглашающе приоткрывает пассажирскую дверь.

– Только медленно едем, по всем правилам! – строго говорит Оля.

Никита весело кивает, трясет шапкой густых волос.

– НравитсЯ машина? – спрашивает он.

Оля угрюмо кивает.

– Красивая.

– А чего ж вы, Ольга Дмитриевна, тогда так ее невзлюбили? – Никита выруливает с обочины и встраивается в плотный поток.

– Почему невзлюбила? – не понимает Оля.

– Ну, – пожимает плечами Никита, – к директору ходите, к родителям моим. Даже к Витьку сходили, не поленились.

Напряжение, точно тиски сковывает Олины плечи.

– Так ты за этим меня караулил?

Никита смеется:

– Чего вас караулить-то, Ольга Дмитриевна, вы ж всегда одной дорогой идете, а тут погода такая, дай, думаю, подвезу любимого учителя.

Оле хочется выйти, открыть дверь и выпрыгнуть прямо в бурный поток, в ночь, в метель. Оле очень хочется выйти из этой проклятой машины.

– Так что, Ольга Дмитриевна, что вам во мне не нравится? Я вот к вам со всей душой. И контрольные всегда на пять пишу, и уроки ваши не прогуливаю.

– Видео ты, Никита, плохие снимаешь.

– Почему плохие? – искренне удивляется Никита.

– Потому что они жестокие.

– К кому жестокие? К Витьку, что ли? Так он звезда, ходит важный, радуется, его даже пару раз на улице узнавали. Ему все нравится, Ольга Дмитриевна!

Оля молчит. Снег белым месивом застилает окна. Дворники, скрипя, без остановки размазывают по стеклу слякот-

ную кашу.

– Ольга Дмитриевна, Витя, благодаря этим роликам, побольше вас зарабатывает. А вот вы как на свою зарплату живете, мне даже думать страшно.

– А ведь у вас сын, я слышал тоже того... – Никита делает странный жест плечами, дергает ими, точно не определился, что конкретно хочет изобразить.

– Того? – повторяет Оля.

– Ну, как Витек, – поясняет Никита.

– Нет, не как Витек, – отвечает Оля четко и холодно, – у них разные диагнозы.

– Ну вы меня поняли, Ольга Дмитриевна.

Оля поняла.

– И ему, наверное, тоже лекарства дорогие нужны, да?

Оле не нравится этот разговор. Оле не нравится этот огромный, кожаный, вылизанный салон мерседеса. Оле не нравится Никита.

Машина тормозит возле Олиного подъезда, Оля тут же дергает ручку, но дверь заперта.

– Никита, открой дверь, – Оля старается говорить спокойно.

– Да вы посидите минутку, погрейтесь. Я это вот к чему спросил, Ольга Дмитриевна, – продолжает Никита, – мне бы новая рубрика на канал не помешала, а вам, я думаю, деньги. Особо делать ничего не надо, коротенькое видео на пару минут, и все. Вы подумайте.

Блокировка на двери щелкает, и Оля вылетает из машины, не глядя бежит к подъезду, и плачет, плачет навзрыд.

Глава 36 Оля

– Пистолет не трожь! И Ордена положи! – мать вырывает из Олиных рук заветный чемоданчик. – Это же реликвия, с войны память! Дед жизнью жертвовал, а ты продать все решила? Не позволю никогда!

Оля садится, прячет лицо в ладони, моргает в бордовую темноту рук. Ресницы щекотят кожу.

Что же делать?

Оля вздыхает устало, откидывается на спинку дивана. Рядом лежит тощий мешочек. Оля достает из замшевого нутра обручальные кольца. Они с Андреем не носили их никогда – не удобно. Ну, Оле было неудобно, а Андрей Бог его знает по какой причине. Так и оставил свое лежать на полке, даже не вспомнил. Вместе с кольцами в мешочке Олины золотые сережки и браслетик – подарок Андрея, они тогда еще встречались.

Ну сколько за это дадут? Тысячу? Две?

Оля крутит мешочек на пальце, задумчиво смотрит в стену.

– На вот, – мать появляется из коридора, идет медленно неуверенно, лицо пустое, осунувшееся.

– Тут камни настоящие, рубины, и золото еще из СССР – чистое и граммов много. Дорого возьмут.

Оля берет мешочек, не глядя на мать:

– Спасибо.

– Но пистолет дедов не трожь! Это мне дороже жизни – память!

– Не буду, мам, не бойся.

«Дороже жизни», – думает Оля, – «своей или Кирюшиной?»

В ломбарде Олю жалеют, девушка оценщик смотрит жалостливо, видно, понимает. Оля прилично одета, алкоголем не пахнет, лицо не опухшее. Сразу понятно – беда. И все же, денег за украшения предлагает очень мало. Оля берет. У Оли нет выхода. Только напоследок долго и грустно смотрит на кольца и браслетик. И на мамин перстень с рубином. Хочется сказать, как это принято: «Вы только придержите, я обратно выкуплю», но Оля не говорит. Девушка отсчитывает деньги, не глядя Оле в глаза, кладет в ящик под стеклянным окошком и задвигает молча, что бы Оля могла забрать. Сразу отворачиваете и принимается рыться в бумажках.

– Спасибо, – говорит Оля и девушка кивает, так и не повернувшись.

По дороге Оля заходит в антикварную лавку.

– За боевой пистолет времен Великой Отечественной и ордена сколько даете?

– А пистолет в каком состоянии, модель какая?

Оля пожимает плечами:

– Чистим раз в месяц, стрелять должен, а модель не знаю, не разбираюсь.

– Надо посмотреть, конечно, но вообще выйти может очень прилично. Смотря марка какая и калибр. Одних видов много осталось, других мало. Вы, девушка, приносите, а там посмотрим.

Чистое высокое небо словно стеклянная крышечка над городом – будто весь город лежит на блюдечке, а небо его закрывает. Оля заходит в продуктовый, сует кассиру купюру:

– Мне сигарет, пожалуйста.

– Каких? – грустная тетка с сожжёнными рыжими как парик волосами смотрит на Олю пустыми глазами.

– Все равно каких, не крепких.

Кассирша припечатывает пачку к прилавку: «Следующий».

Оля прячется от ветра, встает за углом дома, там, где подвальчик и козырек – не видно. Чиркает спичкой, это она потом уже вспомнила, что нужны еще и спички, вернулась, купила, кассирша только хмыкнула.

Хиленький огонек теплится на обугленном кончике, лежит сигарету. Оля неуверенно прикладывает фильтр к губам – никогда не курила в жизни Оля всерьез не курила. Был разок в юности, так – баловство, Андрей давал разок затянуться. Оля тогда только раскашлялась, а Андрей посмеялся.

Оля втягивает в рот струйку горького дыма, и тут же выпускает. Дышит пару секунд, слушает ощущения – во рту неприятный привкус, а больше и ничего. Снова втягивает, уже смелее.

– Ольга, тоже курите?

Ол вздрагивает, оборачивается, зачем-то прячет сигарету в ладонь, точно школьница за гаражами.

Леня достает пачку, выуживает сигаретку:

– Прикурите?

Оля кивает, подносит свою сигаретку к его. Леня затягивается, долго, сладостно, закрыв глаза выдыхает струю дыма.

– Хорошее тут место, я сюда часто хожу.

– Вы не подумайте, я не курю, это я так, не знаю, что нашло... – лепечет смущенно Оля.

Леня усмехается.

– Да я понимаю, курить не от радости начинают. Это же все от чего поло? Сигареты, мол, успокаивают – врут все, от них только изжога, но иногда так хочется от детей, от жены, от работы хоть на минутку вырваться. Вот ради этого к гадости и пристращаешься.

Оля кивает, Леня понимает ее как никто, чувствует. Тот смотрит на нее своими умными улыбчивыми глазами.

– Как у сына здоровье?

Оля пожимает плечами.

– А как оно может быть?

Леня кивает.

– С моим братом тоже родители горя хлебнули. Простым людям не понять.

Оля курит молча. Не хочется говорить – Оле нравится вот так стоять с Леной без слов. Давно так не было – что бы мол-

чать с кем-то, а ощущения как от самого откровенного разговора.

– Мне с вами очень спокойно, – говорит Оля, – хорошо, что вы меня заметили и подошли.

Леня улыбается:

– Давайте встречаться чаще, можем кофе попить?

Оля смеется и кивает, докуривает сигарету – теперь и от нее есть Оле прок и удовольствия. Теперь у Оли есть повод встречаться с Леной – хоть изредка.

Глава 37 Оля

Оля находит Никиту не сразу. Долго вспомнит, что там Дашка вводила, что нажимала. Да еще на телефоне все другое, на ноутбуке и поиск другой и расположено все иначе. Но вот, наконец, Оля видит знакомую расслабленную улыбку, шапку волос, надменный взгляд: Никитино лицо, втиснутое в маленький кружок аватара.

На Никитином канале много рубрик. Оля мало что понимает в таких вещах, но терпеливо смотрит, оценивает – пытается понять, за что же люди платят такие деньги. В большинстве своем в видео Никита ничего не делает, только много бегаёт по улицам города. Людей, что ли, разыгрывает? Толстой тетке из-за спины надел на голову ведро, и сразу пулей за стол кофейни. Тетка крутит головой, ищет обидчика – никого вокруг нет. Камера трясется – тот, кто снимает, ржет.

В следующем ролике Никита и другой парень – смутно Оле знакомый – бьют в ладоши, и тот, второй, выхватывает у женщины сумку. Никита бежит за ним, картинно догоняет, и возвращает сумку владелице. Женщина плачет, причитает что-то про печать бухгалтерии, за которую ее под суд могли, если б потеряла, отслонявливает Никите тысячу рублей и благодарит его, размазывая по щекам тушь. А затем Никита и этот второй «воришка» кривляются, смеются, изображают ревущую женщину и крупно показывают тысячу, доставшу-

юся «на халяву».

Разные видео объединены в подборки, и вот одна из них называется «Какаша».

Оля нехотя кликает по папке, и перед ней раскрываются десятки роликов. Оля задумчиво вертит их туда-сюда, гадая, какая мерзость скрывается под обложкой, на которой Никита так широко, так весело улыбается.

Перебрав все видео один за другим и так ни на что и не решившись, Оля тыкает пальцем в самое первое.

«Ну что, с вами Ник, и сегодня я вас познакомлю с единственным человеком в мире, которого нельзя купить ни за какие деньги. Не верите? Я тоже не верил!»

В кадре появляется Витя. Его окружает группка парней и девушек, Витя робко сутулится, тупит взгляд, переваливается с ноги на ногу, точно очень хочет уйти, но ему не дают. Вывернутое плечо неуклюже и остро торчит вверх, и Витя жмётся к нему щекой, как птица, баюкающая сломанное крыло.

– Это Витек, и он обожает делать все не так, как все люди, да, Витек?

Никита улыбается веселой и злой улыбкой, группа ребят вокруг Вити прыскает, с трудом сдерживая хохот. Витя пожимает плечами и краснеет.

– Короче, Витек у нас особенный и ни за что не поступается своими принципами. Сегодня я предлагаю ему пять тысяч, – Никита достает из кармана купюру и показывает в ка-

меру, – на полном серьезе, отдам в руки при вас, если Витек сделает одну вещь, всего одну маленькую вещь – шаг вперед!

Витя нервно топчется на месте, услышав, наконец, что от него требуется, чтобы все это закончилось, и вот уже шагает вперед...

– Но! – Никита останавливает его на полушаге. – Это должен быть нормальный шаг, как у всех нормальных людей, вот как мой, – и Никита легко и плавно шагает вперед своими сильными здоровыми ногами.

Витя еще сильнее горбится.

– Ну что, Витек, давай!

И Витя делает осторожный медленный шаг, но его слабые, подвернутые внутрь, ступни не дают шагнуть широко и уверенно, шаг выходит короткий, запинаящийся, пришаркивающий по полу подошвой кроссовка.

Никита качает головой:

– Ну вот, о чем я говорил, не отступает парень от своих принципов, да, Витек?

И вся компания разражается диким хохотом.

– Ну, давай, Витек, – издевается Никита, – вот как я, раз! Один шаг! Тебе что, пять тысяч лишние?

Витя пытается снова и снова, и с каждым разом все больше краснеет. На груди расплывается потное пятно, Витя пыхтит и оступает, хватается тонкими неловкими руками за стены. Компания ржет до слез, Никита смотрит в камеру чистыми невинными глазами, снова показывает пятитысяч-

ную.

– Ну, вы сами все видели, самый неподкупный человек в мире, – Никита пожимает плечами и прячет деньги в карман.

– Не переживай, Витек, – говорит Никита запыхавшемуся, не поднимающему головы от стыда и унижения Вите, – я тебя на чем-нибудь другом подкуплю.

И под гогот видео замирает.

Оля молча закрывает видео, кладет телефон на стол, от себя подальше, зажигает сигарету, открывает окно. Морозный зимний воздух подхватывает Олино дыхание, красный кончик сигареты горит светлячком в синей безлунной ночи. Тикают часы на полке, гулко трещат фонари под Олиным окном.

Неужели люди и правда над этим смеются? Неужели им от себя не мерзко? И Никита... Эти грязные деньги... За что, спрашивается? Дашка объясняла, что за рекламу. «Много людей смотрит – кому-то нравится, кто-то в ужасе, но смотрят, резонансное видео, вся страна гуди! Как же тут какой-нибудь корпорации свое барахло на Никитку не нацепить, баночку с газировкой на стол не поставить?»

И вот за это... За эту пакость, за эту грязь... Такие деньги...

«У меня в жизни таких денег не было», – говорит Оля тихо черному небу, – «мне, чтобы такие в руках подержать, квартиру продать надо, или почку...»

Оля мусолит сигарету в озябших пальцах.

И Витя... Бедный Витя. Оля и представить не может, какого это – одному, против целого мира безмозглых клоунов, богатых бездушных выроdkов, когда даже родная мать не хочет протянуть руку и прикрыть Витю от жадных, алчущих слез и крови, глаз.

В доме напротив горит одиноко окошко. Девочки погодки никак не хотят засыпать. Муж и жена устало маются с книжками, читают по ролям, потирают глаза, зевают.

Когда свет наконец гаснет Леня, так же как Оля, подходит к форточке и зажигает сигарету. Она красным светлячком одиноко парит в темноте.

Оля машет рукой, точно зная, что Леня ее не видит. И точно зная, что он тоже смотрит, как и она, на красного светлячка.

О чем он думает там, в темноте и одиночестве, пока его жена спит, пока тихо бормочет соседский телевизор за стенкой, пока его детям, девчонкам погодкам, снятся разные сны. Может о работе, о том, как он устал, как хочется из этой проклятой серости на море... А может, чем черт не шутит, и об Оле...

Когда Оля была моложе, она нравилась себе больше. И все не от красоты и молодости, просто Оля была честнее, и наивнее, и верила в хорошее. А сейчас Олю мало что удивляет и понимает. Вот Андрей, например, удивило разве Олю, когда она поняла, что у него есть другая? Нет. Оля и так это знала – чувствовала. Удивило ли Олю, что Витины родители

и знать не хотят, что творится с их сыном? Возмутило, конечно, ранило, оскорбило, но не удивило...

А сама Оля, она себя еще удивляет? На что сама Оля способна?

Оля тушит сигарету о подоконник, закрывает окно, трет озябшие плечи.

Смотрят ли на нее чьи-то глаза из темноты?

Оле бы очень хотелось, что бы смотрели. Нет, даже не так, чтобы Олю видели. Хоть кто-то видел бы Олю, настоящую, такую, какая она есть – видел бы ее проблемы, ее боль, ее горе, ее мысли... Некому рассказать о Кирыше, о деньгах, о Вите, о Никите Парфенове и его мерседесе, о том, над чем смеются и радуются люди, и за что они платят... Оля привыкла молчать, и это молчание сделало Олю невидимкой. Так она себя и чувствует – там, в темноте, в пустой кухне, где ее, возможно, безуспешно высматривают чужие глаза, но не могут увидеть, ведь Оля давно привыкла быть невидимкой.

– Я больше так не хочу, – шепчет Оля в темноту, тикающим часам на полке, – не могу так больше, я устала, Господи, как я устала, слышишь? Не могу так больше, я хочу, что бы ты слышал. Но ведь так не должно быть! Не должно быть так, слышишь? Не должно быть так! – Оля и сама не заметила, как начала кричать. – Не должно быть так!

– Оля, Оля, что случилось? Оля, Оленька! Ну чего ты, чего ты?

Мама ничего не понимает спросонья, только чувствует за-

пах гари и дыма, мимолетно думает про пожар, но огня нет. Оля корчится на полу, хватается руками голову, и кричит, задыхаясь слезами.

– Оля, я скорую вызову, ну! – угрожает мать.

Но Оля только ревет, и как будто смеётся, странным булькающим смехом, какой бывает, когда в горле еще стоит ком.

– Мама, – завет она, завывая и тут же хохочет, глядя на мать блестящими полными слез глазами, – как глупо все мама, ты понимаешь?

Глава 38 Оля

– Ну ничего, это все стресс, – мама гладит Олю по голове, по волосам, по плечам и шее. Оля лежит тихо, голова на материнских коленях, ресницы щекочут ворсистый халат.

Жесткие худые колени – когда Оля в последний раз вот так лежала, они были другими. «Мама совсем постарела», – думает Оля, и словно пелена спадает с глаз. Оля точно впервые видит морщины в уголках глаз, потерявшее четкие формы лицо, кожу на руках, тонкую и нежную, как пергамент, через которую видно все-все венки.

– Это стресс, – монотонно твердит мать в такт своей руке, – мы со всем справимся, да Оль? Да-а...

– Как рано ты постарела, – говорит Оля тихо.

Мама хмыкает.

– Чего это рано? Как все, как положено. Дочь у меня вон какая взрослая, внук уже. Пора стареть, Оль. Да и вообще, в жизни все быстро случается, опомниться не успеешь, а уже все, и помирать пора.

– Ты что говоришь такое?

Мать смеется:

– Так это ж, Оль, не я придумала. Как уж есть, так и говорю.

– Ты это брось, – грозит Оля маме пальцем, – мы еще с тобой на моря поедем, кокосы с пальмы есть будем, и Ки-

рюшка вырастет, в школу пойдет, поняла?

Мать снова смеётся, машет на Олю рукой:

– Скажешь тоже, кокосы! Мы на этих морях твоих никогда не были, значит и не надо, и так хорошо жили, и без кокосов. Ты лучше деньги на хорошее трать, на Кирюшку вон, на здоровье.

Оля придвигается к матери, прижимается к ее теплому боку, кладет голову на ее худое, высушенное возрастом плечо.

– А ты представь, что нам не надо выбирать. Что нам на все хватит, и на море, и на здоровье, и на все, что захотим.

– Вот ты сказочница, Оля, разбогатела что ли? Ой! – мать вскидывает руки. – В лотерею выиграла! А я говорила, это правда все, надо только верить, я вот каждый билетик крестила и водой поливала святой, пару капель, так мы с отцом два раза выиграли! По чуть-чуть, но все же.

Оля улыбается, вытирает последние слезы.

– Нет мам, это все обман. А я заработаю.

– Где это ты заработать собралась? В школе-то твоей не больно платят.

Оля пожимает плечами, встает, диван протяжно скрипит старыми пружинами.

– Видно будет.

– Ой, – вздыхает мать, – видно ей будет... Корюшка хоть не кричит, и на том спасибо, а мечты ты эти свои брось. Вот билет лотерейный другое дело, давай я завтра схожу, куплю?

Оля молча качает головой.

– Мы их кормить не будем, ясно?

– Кого, Оль?

Оля оборачивается и молча смотрит.

– Тьфу, – мать ложится на диван, укрывается одеялом, закрывает глаза.

Кирюша тихо гукает в темноте, только свет из кухни едва трогает предметы, обрисовывая их очертания, золотит Кирюшкины рыжеватые волосы.

– Давай спать ложись, завтра не встанешь.

– Ага, – Оля кивает, и снова уходит в кухню, гасит свет, и долго еще стоит у окна, глядя на черные окна Лени.

Глава 39 Оля

– Привет, а я тебя ждал.

– Привет, – глупо отвечает Оля и стоит молча, улыбается.

– Будешь? – Леня протягивает Оле сигарету и предлагает прикурить.

– Буду, – Оля берет сигаретку в руки, прикрывает ладонями от ветра, Леня наклоняется к ней близко-близко, и касается кончиком своей сигареты ее. Смотрит на нее карими глазами из-под ресниц, так рядом, что радужки расплываются.

– А чего ждал?

Леня пожимает печами:

– Да так, ждал. Поговорить хотел, наверное. Это ж ты вчера ночью в кухне дымила?

– Я, – смущается Оля.

– А потом что?

– А что потом?

– Ну не знаю, свет зажгли, маму твою видел, а ты кажется, плакала...

Оля краснеет и специально отворачивается, что бы Лёня не увидел.

– Я смеялась сильно. До слез. Видео смешное увидела, маму разбудила, – Оле очень хочется рассказать все, все-все с самого начала, если б знать еще где оно, это начало, но

Оля боится. Боится, что испугает Леню, отвадит от себя бедой, что он побоится измазаться в Олином черном как мазут горьком бремени, в Олином невезении.

– М-м, вот значит, как, ясно, – кажется, Леня Оле не верит, – а ты сейчас домой?

– Домой.

– И я домой. А может, ты ко мне зайдешь ненадолго? У меня кофемашина есть, финская. Я тебя кофеем напою, а?

– А жена твоя как же, а девочки? – Оля глядит сквозь сигаретный дым на Ленины окна.

– А чего жена? Мы же кофе пить идем, – смеется Леня, – к тому же, они уехали, на балет детский. Их не будет до вечера. Пойдем?

Оля мнется, ей отчего-то кажется все это не правильным, но в то же время очень хочется сказать да. Это ведь так просто, такое слово короткое – да...

– Да, – говорит, наконец, Оля, и Леня радостно кивает.

– Ну, пошли тогда.

Дома у Лени пахнет женщиной: с утра тут пекли печенье, брызгалась духами. Пахнет женским шампунем, лаком для волос, пахнет Лениной женой.

Оля стоит в прихожей очарованная и разбитая одновременно. Сколько раз она представляла себя в этом доме, рядом с Леной, но все в ее мечтах было не так. У Оли дома никогда так не пахло – не пахло женщиной. Как будто Оля не женщина овсе: все смеси детские, лекарства матери, све-

жие чернила на тетрадных листах, какой там парфюм с печеньем?

Леня ставит перед Олей пушистые тапочки.

– Ну чего ты, шапку-то снимай, – и он сдергивает с Оли шапку, потянув за помпон. Светлые Олины волосы прыгают следом и опадают на плечи, – давай-давай куртку повешу.

Оля боязливо озирается по сторонам, ей неловко, ей стыдно, точно она делает что-то неприличное. Точно Олю не пригласили, а она сама пробралась в чужую квартиру, пока дома нет хозяев. Как будто Оля пришла что-то украсть.

Дома у Лени хорошо – деревянный пол, уютная мебель. Стол – идеальный для кухонных ночных разговоров, пока спят девчонки. Тихо жужжит и булькает кофемашина.

Леня ходит по кухне, напевая себе под нос, Оля сидит на том самом месте, где обычно сидит Ленина жена, закинув голые ноги ему на колени. Оля смотрит на свои собственные окна, и так это странно, точно она попала в зазеркалье. Ей кажется, что кто-то следит за ней из темноты ее кухни. Может, там стоит еще одна Оля с биноклем и жадно изучает ее во всех подробностях, мечтая на один хоть бы вечер оказать ею, и сидеть на ее месте и пить с Леной кофе.

– На вот, держи, – Леня ставит перед Олей кружку. От кофе поднимается густой и влажный парок, – ты с молоком? С сахаром?

– Нет, нет, спасибо.

– Печенье?

Оля не хочет есть печенье, которое еще утром испекла для Лени его жена. Оля качает головой, морщится:

– Сладкое не ем.

– Да ну, вот жаль, они жуть какие вкусные.

– Верю, – улыбается Оля. Сама она пекла один раз в жизни. Сожгла все к чертям, дым валил, гарью пахло – тогда Андрей сказал, что лучше уж будет покупать чужое будет, чем Олины угольки есть.

Леня молчит, смотрит на нее своими добрыми, смеющимися глазами, и Оля понимает, что они почти не знакомы. Виделись пару раз в жизни, покурили вместе, парой фраз перебросились и все, кто он, что за человек? Оля понятия не имеет. Но Леня глядит на нее, и Оле нестерпимо знаком этот взгляд, как будто так на нее смотрели всю жизнь. Под Лениным взглядом Оля чувствует себя на своем месте, хорошей и правильной, такой, как надо.

– Расскажи мне что-нибудь, – просит Оля.

– Что, например?

– Не знаю, – пожимает Оля плечами, – все.

Работает Леня менеджером в компании – такой, не слишком крупной, такие называют среднее звено. Женат уже 11 лет, женился еще в институте, на первой своей любви – Ирочке. Так они и живут вместе, он уже и не помнит, как жил без нее, и есть ли вообще другая жизнь – вне брака. Леня очень любит футбол и детективы, а вот детские спектакли совсем не любит, и поэтому отсиживается во время всех

этих елочек, утренняя и прочего, дома, один. А Олю Леня сразу заметил, сам не знает почему. Увидел однажды в окне поздним вечером. И тогда на детской площадке сразу узнал. Как будто видел до этого тысячу раз.

Оля пьет кофе медленно не спеша, только бы не кончался, вдруг Леня не нальет ей вторую кружку и придется уходить – в свою квартиру, прочь из этих уютных тапочек и разговоров, прочь от Лени.

– Ты любишь свою работу? – спрашивает у нее Леня. Какой по-детски простой и наивный вопрос, думает Оля, и все же крепко задумывается, любит ли?

– Люблю, – отвечает она осторожно, – сложно сказать, это тяжелая любовь, через муку. Вот как знаешь бывает, и любить не можешь, и разлюбить невозможно.

Леня хмыкает, кивает, делает долгий глоток:

– Да как все в жизни, – говорит он, – вся любовь у нас через силу. И разлюбить нельзя, и любить невозможно.

– Я так Андрея любила, – сама не зная зачем говорит Оля, – бывшего мужа. Когда он ушел так любила, не смогла разлюбить.

– А сейчас, разлюбила?

Оля кивает:

– Разлюбила, – говорит она тихо.

Леня смотрит Оле в глаза, понимающе, как никто в жизни еще не смотрел и до Оли доходит – и он разлюбил.

Оля встает медленно, не сопротивляясь внезапному сво-

ему порыву, и Леня как будто ждет ее, словно все уже давно решено. Оля целует Леню, закрыв глаза, вся превратившись в этот момент в ощущение – что бы не упустить ни единой секунды, ни одной детали. Его дыхание на Олиных губах пахнет кофе. Леня целует ее, плотно сжав губы, вмяв их в челюсть, так, что уже даже больно. Оля пьет эту боль жадно, царапает Ленину шею, мнет пальцами ворот свитера. Мир дрожит под ее ресницами, рассыпается кухня, пляшут пятнами Ленино лицо, Ленины руки, Ленины губы. Оля всхлипывает, и Леня сжимает ее еще крепче, так тесно жмет к себе, точно ждал всю жизнь и поверить не может, что дождался. Оля разрывает их болезненный поцелуй, смотрит Лене в глаза, пьяные и огромные.

– Скажи, я красивая? – едва слышно шепчет в Ленины губы.

– Очень.

Глава 40 Оля

– А давай код придумаем секретный? – говорит Леня, лежа прямо там, в кухне, на полу, на наспех брошенном свитере и стянутом со стула халате.

– Код? – глупо смеется Оля, как девчонка малолетняя, хихикает и пальцем трет Ленину щеку с отпечатком своей помады.

– Ну да, я тебе в окно мигать буду что бы ты знала, что это я. Можем так перемигиваться, как шпионы, – хохочет Леня, – давай три коротких сигнала подряд – значит, я на тебя смотрю.

Оля улыбается и кивает:

– Хорошо.

– Только ты, – смущенно добавляет Леня, – включай свет, а я буду любоваться.

– Ладно, – говорит Оля тихо и сладостно, – буду включать.

Оба они замолкают, долго глядят каждый в свою сторону, думая о своем, но на душе легко, не тягостно и не тоскливо. Оля теребит пальцами пуговку Ирочкиного халата. Она лежит на нем голым тело, прижимается грудью, а вечером Ле-на наденет его и будет готовить в нем ужин.

Когда-то так же Марина лежала на Олиных простынях, на Олином полу, на Олином столе, за которым Оля затем пила кофе утром из смешной Андреевой чашки с пингвином.

– Лень, а ты почему жену разлюбил? – спрашивает Оля тихо.

Леня садится, накидывает на плечи брошенный свитер, точно озяб, молчит недолго, а затем в сердцах признается:

– Да потому, что я сволочь, Оля.

Снова молчит, Оля его не торопит, не спрашивает, не помогает.

– Мы столько лет вместе прожили, а я вот смотрю на нее – и ничего! Ничего в душе не колыхнётся, понимаешь? Как будто пустое место передо мной. И упрекнуть мне ее не чем, мать она хорошая, готовит очень вкусно, за собой следит, одевается, красится, а я не люблю. Не чувствую ничего, вот нисколько! А вокруг столько всего интересного, хорошего, радостного, а мне ничего нельзя, жить нельзя – точно меня цепью к камню приковали, и никуда я от этого камня!

Оля теребит пуговку на халате – разноцветную, переливающуюся, как маленькое солнышко, подмигивающее у нее в руках.

– Девчонок люблю, хотел развестись, но девчонок жалко. Вот и мыкаюсь, ни живой, ни мертвый, сериалы эти дурацкие смотрю тоннами, лишь бы забыться хоть немного и не думать ни о чем.

– А она знает? – спрашивает Оля.

– Нет, конечно, зачем? Она ведь не уйдет, девок поднять надо, так и будем жить – в ненависти и желчи, смотреть друг на друга волками и терпеть. Вот он – ад. Вот это, Оля, ад и

есть!

Оля никому не говорит про Леню. Ни Дашке, которая было спросила, виделись ли они с Леной снова, ни тем более кому-то другому. Дома Оля уже перед входной дверью нацепила обратно свое обычное лицо: нахмурила брови, потупила взгляд, постояла немного, заставляя себя думать о плохом, тяжелеть, набухать горем и печалью, и только после этого зашла в квартиру. Мать только взглянула на нее мельком и продолжила о своем: цены растут, лекарства Кирюшкины кончаются, Андрей – ирод, Маринка – шлюха, стены гомном измазаны, никак не оттереть.

Оля кивает, стягивает поскорее одежду, украдкой нюхает – пахнет Леной. Запихивает все в шкаф, поглубже, чтобы там законсервировать. Переодевается в домашнее – то, которое пахнет маминым корвалолом, Кирюшкиной кашей и чем-то кислым и больным, убегает на кухню и прикрывает за собой дверь.

– Мне работать надо, тетради проверять, ты мама не трогай меня до вечера, ладно?

Мать, как всегда, вспыхивает:

– Не трогай, на одном пяточке живем, Оль, не захочу, так потрогаю! И вообще, Кирюшку опять мне развлекать? Я передачу смотреть хотела, думала, придешь как раз к началу.

– Ладно тебе, мама, пропусти один раз, там все равно одно и то же каждый вечер. Возьми лучше, с Кирюшей погуляй, там на улице так хорошо, людей нет, двор пустой, с горки

покатается.

– Как это одно и то же? Там люди разные! Вчера один, сегодня другой, жизнь будут обсуждать! – возмущается мама, а Оля теряет терпение.

– Да какая разница, если люди одинаково тупые и жизни у них одинаково неинтересные? Что там, великие люди, что ли приходят? Певички и актеришки, которые в жизни своей ничего полезного не сделали! Все, иди мама, меня работа ждет, иди!

Мать трясет головой, зло дергает руками, что-то причитает бессвязное, но сказать особенно нечего, потому что Оля, по существу, права.

Мама месяцами не выходит из дома, годами ни с кем не общается. Сначала Олино горе и нужда в помощи призвали ее вынужденно приковать себя к Кирюше и, потерявшей почву, дочери, но потом... Потом Оля поняла, что маме так жить нравится. Отец давно умер, все подруги юности либо разъехались по миру, либо так же посвятили себя внукам и детям, либо тоже успели заболеть, умереть. Все жизнь проработав с книгами, мать совсем перестала читать. Ей не хотелось ни с кем общаться, она мусолила одни и те же темы и самым любимым ее занятием было наблюдать за чужой жизнью – слушать пустоголовых молодых певичек, которых почему-то, Оля никогда не понимала почему, почитали всей страной безусловно и безоговорочно, считали лидерами мнений, которых обязательно нужно слушать и при-

слушиваться.

Олю все это, конечно, бесило и раздражало, но выхода, по сути своей, никакого не было. Оле было нужно, чтобы мать сидела с Кирюшей, Оле было удобно, что она не жалуется, что ее насильно приковали к внуку. И Оля молча позволяла матери глупеть, расслабляться, сужать кругозор, стареть, в конце концов.

Оля закрывает дверь, не слушая материны возражения, и обвинения. Оля прижимается спиной к двери и медленно выдыхает, чувствуя, как за ее спиной осталось все ужасное в этом мире, а впереди Олю ждет только хорошее. Оля поправляет одежду, немного лохматит волосы, чтобы лежали живее и интереснее, и зажигает свет.

Глава 41 Оля

Рабочий день почти окончен, ученики один за другим расходятся по домам. Оля смотрит как они кричащей, смеющейся вереницей стягиваются к остановке, и как тонкие струйки отделяются от них и сворачивают во дворы, к машинам родителей, в магазин, перекурить за гаражи – кто куда.

Оля счастлива. Даже не вспомнить уже, когда в последний раз Оля ощущала счастье – полноценное, налитое до краев, щедрой рукой ей отмеренное счастье. Леня целовал Олю, любил Олю, считал ее красивой. С ним они говорят часами о пустяках и о важном, и даже самые мелкие пустячные вещи в разговоре с Леной становятся важными, а самые важные – пустяками.

Леня смотрит на Олю, как будто никого кроме Оли в мире нет. Как будто солнце спустилось с неба и стало женщиной, и такой Оля и была – солнцем, жарким, топким, расплавленным негой огнем, лавой, текущей вниз по Лениным плечам, рукам груди. Такой она была нужной, такой величественной в своей наготе, такой, несомненно, желанной. И самое то главное – самое важное – кто то, хоть кто-то в этом мире не отмахнулся от Олиных проблем, а захотел их решить, помочь хоть немного, забрать часть Олиного груза и понести вместе с ней. И дороже этого ничего не было для Оли. Казалось, в жизни наступила белая полоса – волна го-

рестей и беспросветной безысходности откатила от берега, обнажив окатанный янтарь и выброшенный штормом жемчуг.

Оля щурится от фонарного света – в кабинете свет не горит, темно и прохладно, по ночному свежо и покойно. Далекий детский смех искриться, точно пузырьки шампанского, так же толкаясь и пересверкивая на все лады, летит он вверх и растворяется где-то под низко нахлобученными снежными крышами.

Оля счастлива. Ручка ее лежит на бумаге, одной из десятков, которые Оле еще нужно заполнить – конец четверти, нужно выставить всем оценки перед каникулами, но Оля не торопится – не сегодня, Оля мечтает задержать этот вечер чуточку дольше, вечер, в который у Оли наконец-то все хорошо.

Вот бы сейчас рассказать все Дашке, так хочется поделиться, но Оля нарочно избегает Дашку, как ей такое сказать? Оля, с женатым мужчиной, у которого дети, да еще и счастлива. Как в таком кому-то признаться?

В дверь тихо заглядывают. Оля молча смотрит на растущую на полу пронзительную полосу света. В щель протискивается тело, и тут же дверь запирает, точно боясь выпустить весь прохладный покой. Так же молча, как и Оля, Никита Парфенов проходит в класс и садиться на свое место за первой партой. По учению складывает на парте руки и замирает, будто вот-вот должен начаться урок.

Оля плохо различает черты вторженца, но точно знает, что это Никита. С его приходом что-то враждебное пробралось в класс, уселось, нависло над Олей выжидающе. В тусклом фонарном свете так и сидят они, глядя друг на друга, выцепляя случайно выхваченные встречными фарами черты.

– Чего вы здесь, Ольга Дмитриевна, в темноте сидите? – первым спрашивает Никита, шепотом, то ли из почтения к тишине, то ли по ученичьей привычке.

Оля дышит, и только это напряжённое дыхание и тиканье часов наполняют класс. Оля не хочет отвечать Никите. Оле вообще противно, от того, что он здесь, и все же – это всего лишь мальчик. Ее ученик, глупый парень, который пришел к ней, к своему учителю.

– Бумаги заполняю, – так же шепотом отвечает Оля.

– В темноте-то? – хмыкает Никита.

– А ты почему домой не идешь?

– Юльку жду, она какую-то работу переписывает. Ей трояк вlepили, а она в слезы, она же отличница, говорит у-у, несправедливо, у-у, меня мать с отцом убьют, у-у, – передразнивает Никита ревущую Юлечку.

– Юля не по годам ответственная и целеустремленная девушка, – подмечает Оля.

– А, по-моему, бред это. Ну, поставили тебе тройбан, ну и что? Что случилось-то, мир что ли рухнет?

– Мир, может, не рухнет, но с таким подходом вообще ни за что можно не браться. Стремиться всегда нужно сделать

больше, чем можешь и лучше, а не кое-как, лишь бы отстали.

Никита смеется.

– Во-во, и Юлька такая же. Потому вы и несчастны, Ольга Дмитриевна, а вы несчастны – я вижу, и Юлька тоже такой вырастет.

– Почему же несчастна? Очень даже счастлива, – защищается Оля, но Никита только хихикает в ответ из темноты.

– Да потому, что вы радоваться не умеете, Ольга Дмитриевна. Я знаете, что заметил? Есть такая порода баб, ой простите, женщин, которые только несчастными быть умеют, их как будто радоваться не научили, или им стыдно радоваться. Они себе и хахаля выбирают победовее, и работу грустную и тяжелую, и все время собой во имя чего-то жертвуют. Зачем, спрашивается? И вот вроде выход им предлагаешь – на, бери, радуйся, они тут же начинают искать, как бы себе снова жизнь испортить. Я таких знаю, у меня мать такая, и Юлька тоже, она еще не выросла, но я уже в ней это вижу. Вот хотя бы потому, что она из-за тройки вскрыться готова, но если ей поставят пять – она не порадуется. Это знаете, Ольга Дмитриевна, как черная дыра в душе – она поглощает весь свет и только ест, ест, ест все, что не кинь в нее, и растет.

Оле становится жутко. Нечто враждебное, пришедшее за Никитой точно разбухает от удовольствия, заполняет собой весь класс. Оно почти осязаемо, и Оля чувствует «это» у себя перед лицом, но не видит – темно.

– Ты такой еще молодой, а такие серьезные вещи заявля-

ешь, – осаждают Оля Никитин пыл, но Парфенов, кажется, и не слушает. Смотрит на Олю, посверкивая в темноте своими веселыми глазами.

– Ну вот скажи, а в чем твоё счастье? В игры поиграть, над людьми поиздеваться, да Юлечку за ногу незаметно под партой потрогать? – распалается Оля. – А дальше что?

Никита ржет:

– Эко вы про Юлькину ляжку завернули, Ольга Дмитриевна.

– Ты ведь ни к чему не стремишься, разве нет? – продолжает Оля. – Учеба тебе легко дается, но ты и не стараешься, мог бы с золотой медалью окончить, но ленишься. На тесте по профориентации чушь написал, и сам же над своим результатом смеялся. Вечно клоуничаешь, обезьянничаешь, как шут себя ведешь. Ты думаешь, в жизни все так же легко будет? Счастье оно на то и счастье, чтобы редко появляться и тем самым западать в душу. Счастье, это, Никита, цель, а жизнь – это путь к цели. Но если для тебя счастье это твои глупости, и с тебя этого довольно, тогда конечно, весь год счастливым ходить будешь.

Никита с тихим шорохом подается вперед, упирается локтями в парту, смотрит на Олю пристально. То ли прислушивается к ней, то ли опять с обезьяньим своим любопытством ждет, что еще Оля эдакого в пылу вылепит. Как бы дразнит Олю, как собаку на привязи – знает, что не достанет, только зря сорвет глотку лаем.

– Берись за ум, Никита, пока не поздно, – пытается достучаться Оля, – ты мальчик умный, у тебя хорошее будущее может быть, нормальное, здоровое! Еще не поздно все свернуть – видео эти твои, иначе в будущем будет так стыдно... Столько прекрасных примеров в классике описано, когда через тяготы лишений, через важный, пусть и тяжелый, труд человек приходит к счастью, ну вспомни, Раскольников, он ужасные вещи делал, но жить с этим не смог, совесть замучила, и он отдал себя правосудию, но разве не счастлив он был в конце? Счастлив, потому что сумел поступить по совести – правильно.

– А я, Ольга Дмитриевна, знаете, что думаю? Что в этом вся суть и кроется, мы вот классику эту вашу читаем, а там страдания так описаны, будто что-то хорошее, типа это благо такое, и тебе это где-то кем-то зачтется. Но не зачтется, Ольга Дмитриевна, ты просто проживешь, как дурак нищий, и сдохнешь, и на этом все, – Никита встает, с тихим скрипом отодвигается стул, – а медаль золотую я себе куплю, если захочется.

Никита потягивается:

– Ладно, за Юлькой идти пора, до свидания, Ольга Дмитриевна.

Он выходит, и Оле кажется, что с улыбкой. Луч света вспышкой вспарывает тьму, и Оля снова остается в одиночестве. Детский смех давно уже стих, и только рев моторов редких машин нарушает тишину класса.

А что, если Никита прав? Что если Оля просто не умеет быть счастливой и в этот раз тоже умудриться все разрушить. Как-нибудь исхитрится, и сама этого не заметит?

Оля нервно стучит кончиком ручки о стол.

Ну нет, сейчас ведь Оля счастлива? Ведь счастлива?

У Оли есть Леня, впереди, совсем уже близко Новый Год, новая страница жизни, каникулы – они с Кирюшкой салют смотреть будут, и заниматься, и гулять, и с Леной, сколько же Олю ждет дней, проведенных с Леной, столько всего будет! Нет, Оля просто не может не быть счастливой.

Глава 42 Никита

Никите тоскливо. Вот же дура эта Хтонь, даром что училка. Он ведь ей, по-существу все – все по правде: и про деньги, и про жизнь, и про несчастье ее. Никита ведь не глупый, пусть и не дорос еще, но в жизни уже кое-что видел. Видел, например мать свою – она ведь умная женщина была, красивая – это ясно по старым ее фотографиям, молодым, счастливым, и училась она хорошо, институт с красным дипломом окончила, – но нет, выбрала отца Никитинового, с ним и запила, с ним и продолжает.

Сколько бил он ее под белкой, сколько имущества продал, денег никогда в дом не доносил, сколько Никиту лупил за дело и без – нет, все как пыль в глазах, ничто Никитину мать уйти не заставило. Может нравится ей это – жить битой, пропитой, одной лишь мыслью – как опохмелиться.

И сколько таких женщин кругом? Тьма. Вот и Хтонь, разве не такая? Никита же ей прямо предлагает – на, бери деньги, легкие деньги, но нет. Хтони не нужно, что б хорошо и легко было, Хтони нужно что б побольнее, нашла она ранку, и нет что бы оставить, она ее ковыряет, все глубже и глубже. Зачем?

Ничего в этой ране нет, кроме крови.

Говорит, плохой он, так и в чем он плохой? Он что, ворует у кого-то? Обманывает?

У Никиты все дела честно делаются.

Никита задумчиво пинает льдинку, и та вязнет в свежем влажном снегу. Холодно, но Никита не спешит садиться в машину, вокруг нее всегда трутся подростки. Никита стоит в стороне и наблюдает за их ужимками: как они фоткаются на фоне его мерса, как будто это их тачка, даже руки на капот кладут грязные свои. Никита смотрит, как они восхищенно оглядывают машину со всех сторон, как девку, как эскортницу, которую никогда им не завалить. Никита усмехается – смотрите, смотрите, все равно это он на ней уедет, потому что это его вещь, и вообще, все в этой жизни – его. А другие, те кто не додумался, кто не был достаточно упорен и хитер, пускай смотрят себе. Пускай жалуются на него, пускай злятся – это же все от зависти.

Да, все друзья ему завидуют, Никита знает. Он видит по их глазам, и по улыбкам, по тому, как они теперь с ним говорят: раньше могли сказать что угодно, даже очень обидное, а сейчас не могут. Сейчас они, хоть и скалятся на показ, но слова очень тщательно выбирают. Не смеются, если Никита не смеется, не делают ничего, если Никита это не одобряет. А смотрят зло – без любви как раньше. Как будто убьют при удобном случае.

Но Никите это даже нравится. Все завидуют. Юлька только не завидует – она боится. Боится, что Никита теперь найдет кого получше, послаще. Нервяки теперь с Юлькой вечные – всем она не довольна, все ей внимания мало, везде

с ним таскается, вечно надутая, скучная, только настроение портит.

Все завидуют.

Вот и Хтонь завидует, просто сама не знает об этом. Завидует и потому нападает на него, ищет, как бы Никиту скинуть, где б его подковырнуть, как корочку на ссадине. Если б только она умела счастливой быть, то взяла бы она деньги у Никиты, взяла бы его руку протянутую и зажила счастливо, и все бы на этом кончилось, но нет...

Что ж люди все такие упертые и мелкие душонкой? Если самому плохо, то и всем должно. И ведь никто наверх ползти не хочет, только вниз скинуть ближнего, чтобы еще ниже был, чтобы ногами его топтать.

Отчего так? Он ведь делится. Никита со всеми делится, но всем всегда этого мало.

Юльке мало внимания, жрет она его как черная дыра. Пацанам мало Никитиной щедрости, всегда им хочется еще немножко отщипнуть, еще немножко пожировать на халяву.

А Хтони мало горя вокруг – она, как чумная, всех хочет заразить своим несчастьем. Далеко раскинула свои щупальца, уже и до Никиты добралась вплотную. Что она дальше, дура, сделает? К ментам пойдет? Тачку его сливать? Петиции против видео его писать? Что она сделает?

Нет, хватит с нее и личного ее болота, а Никита туда не полезет. Никите этого недостаточно, Никита к солнышку хочет поближе, туда, где сыто и тепло. И никакие щупальца его

обратно, в беспросветный мрак нищеты, не затянут.

Нужно делать что-то с Хтонью, причем срочно. Тут уж либо она его, либо он...

Глава 43 Оля

Каникулы начинаются очень славно. Олю, как обычно, отпускают с работой домой, к сыну, и в школе Оля появляется не больше, чем на 2-3 часа несколько раз в неделю. Зима злеет, и Оля впервые за всю жизнь надеется, что стукнут такие морозы, что школу не откроют и после каникул. Будучи ученицей Оля, в отличии от своих сверстников, о таком не мечтала. А став учителем тем более поняла, что простой это нарушение программы, отчетность и прочие проблемы.

Но этой зимой Оля мечтает, мечтает всей силой своей души, что бы морозы ударили. Ударили со всей силы.

Новый год Оля справляет одна, Леня, конечно же, будет махать ей из своего окна, держа в руке бенгальский огонь. Или наряжая с девчонками во дворе снеговика, или запуская хлопушку в полночь. Оля будет смотреть на него, одна, дома. Не одна, конечно, с Кирюшкой и мамой, но все же, одна...

Леня очень хороший человек. Оля даже не верит, какой хороший. Каждый раз удивляется и украдкой ищет подвох, как любая наученная жизнью женщина, но не находит.

Леня отдал Оле припрятанные от Ирочки сбережения – Оле якобы на подарок на Новый год, но, конечно, это Леня Кирюшку пожалел, Оля долго упиралась, отнекивалась, горя стыдом, но нужда взяла верх, и Оля сдалась. А Лёне это только как будто бы в радость. Оле очень непривычно от того, что

кто-то дает ей деньги просто так. Как будто ее покупают, но разве Оля, итак, не отдала Лене все, что могла, добровольно, без всяких подачек? Что ему покупать у Оли, в сущности? И Оля взяла деньги, и купила Кирюшке лекарств и подарочек. И маме тоже купила – ее кольцо с рубином. Все остальное мамино комплекта уже разобрали, но кольцо, самое дорогое, да и на вид уже давно не модное, не взяли.

Мама спросила было, откуда деньги:

– Неужто, ирод наконец прислал? Совесть видать совсем замучила!

Но ирод ничего не присылал, Андрей молчит, Оля давно уже не звонит – потеряла надежду.

– Премию на работе дали, новогоднюю, – говорит Оля и не врет, действительно дали, но на нее Оля накроет стол и позволит себе наконец-то отдохнуть по-человечески.

Перед самым праздником Оля покупает продукты – мандарины, само собой, стандартный набор на салаты, но в этот раз Оля расщедривается и гордо, с чувством достоинства, кладет на ленту на кассе ананас и баночку икры. Кирюшка никогда не пробовал икру – этот год будет у него первым.

Уже под вечер вдруг звонит Дашка:

– Оль, – говорит Дашка осторожно и печально, – Оль, у меня поездка к родственникам сорвалась, и встречать мне не с кем, одной не охота, можно я к вам приду?

Оля оглядывает свой в этом году богатый стол и радостно соглашается:

– Конечно можно, приезжай скорее.

Самые лучшие праздники у Оли были с Андреем. Он каждый год шел на рынок, выбирал пушистую, большую – Оле такую не дотащить – елку, пахнущую смолой, снегом и ночным лесом. Оля украшала ее игрушками, антикварными, еще из СССР, вешала гирлянду, Андрей декорировал гардины мишурой. Под самый праздник всегда приносил несколько бутылок шампанского, икру, конечно, разные фрукты – экзотичные, Оля таких до Андрее не ела, и что бы Оля весь день не готовила заказывал заранее доставку. Оле оставалось сидеть и радоваться.

Ничего, думает Оля, открывая дверь Дашке, мы и сами справимся, без елки, но зато веточки есть и икра.

Дашка приносит шампанское – розовое, замороженную клубнику, пакет мандаринов с листиками и тортик. Кладет все это на пол и своими морозными губами целует Олю в щеки. меховой воротничок Дашкиной дубленки пахнет непередаваемо по-зимнему: инеем, снегом, мускусом, застывшими, закристаллизовавшимися духами.

– Ой, Оль, спасибо тебе, вот ты выручила, сидела бы я сейчас одна перед телеком, с Путиным чокалась.

– Да ты брось, могла бы и без звонка, а почему поездка-то сорвалась?

– Да там, – хихикает Дашка, – представляешь, автобус встал, из-за мороза видимо, а праздник, сама понимаешь, в каком состоянии механики, – Дашка щелкает себя по шее и

смеется, тут же достает из пакета шампанское, – ну ничего, мы с тобой скоро тоже такие будем.

На Дашке короткое, блестящее платье, ярко красное, как помада. В вечернем желтоватом свете ламп Дашка сама искриться как снег, как лед, как все новогоднее и счастливое.

Оля зачаровано глядит на нее, сама Оля в обычной одежде, и не подумала нарядиться. Дашка с удовольствием замечает Олин взгляд.

– Вот, видишь, эффект произведен, а теперь давай, Оль, я салатами займусь, а ты иди переодевайся. Новый год нужно встречать красивой, это ведь психология – понимаешь, мы новую страницу в жизни открываем, ты какой хочешь на этой странице быть, красивой завитушкой, или кляксой от протекшей ручки?

– Да мы же тут все свои, семьей, перед кем мне...

Но Дашка Олю не слушает.

– Да мало ли перед кем, передо мной, да хоть перед собой, себя, Оля, любить надо!

И пока Оля грустно вспоминает, что у нее в гардеробе есть красивого, нет, даже не красивого, праздничного, Дашка уже вовсю целует в щеки маму и гугукает с Кирюшей.

– Ой, Дашенька, сладу с ним нет, он видишь какой большой стал? Дерется! – заводит мама свою песню. – Вы нам, Дашенька, подскажите может чего-то по воспитанию, вы ведь тоже детками особенными занимаетесь?

Дашка, наученная многогодичным общением с родителя-

ми, автоматически кивает и обещает:

– Подскажу-подскажу, обязательно!

А сама садится напротив Кирюши, в глаза не смотрит, отворачивается: дает рассмотреть себя хорошенько, услышать запах. Дашка терпеливо ждет пока Кирюша с ней смириться, а тот зачарованно смотрит, как переливается Дашкино платье.

– Ну что, Кирюша, ты меня не помнишь уже? – говорит Дашка тихо-тихо и ласково, – я тебя еще совсем маленьким на руках держала.

Дашка достает из сумки шарик, – хрустальный, тяжеленький, такой, чтобы и не разбить и в рот не поместился, подносит к лампочке и вертит, от шарика по стенам и полу расцветают радуги, Кирюшка радостно мычит и тянет ручки.

– На, держи, тебе подарок.

Кирюша очень рад, таким счастливым Оля его дано не видела – радуги скользят по его смеющемуся лицу.

Оля выходит в комнату в синем платье с шифоновыми рукавами и юбкой – красивое платье, Оля лет сто как его не надевала, уже и забыла о нем. Оля глядит на свое отражение в зеркале, Дашка прижимает ладони ко рту, сладостно и восхищенно вздыхает:

– Ну, Оля, такую красоту прятала, и это я не про платье.

– Прямо уж, красота, перед кем красоваться-то? – машет рукой мама, но ни Оля, ни Даша не отвечают ей.

Оля и сама не знает, почему не носила это платье? Хоть

бы раз на школьный кооператив, да хоть куда-нибудь... Нет, Оля и не ходит никуда. Но сегодня! Сегодня Оле есть кому показаться.

– Оль, вот это правильное начало года, чувствуешь? Вот, с такой уверенностью и надо начинать.

– Ну давайте уже за стол, сейчас куранты будут, – торопит мама.

– А вы чего, Вера Степановна, не нарядились?

– Ой, – смеется мама, – куда мне.

– Женщине всегда есть куда, – важно замечает Дашка, философски прикрыв глаза.

Ухает пробка от шампанского, пузыри шипящей лавиной ползут по горлышку и Олиным пальцам, Дашка с писком подставляет бокалы. Клубничка плюхается в шампанское – ш-ш, вздымается рой пузырьков. Кирюшка смотрит, открыв рот на все это розовое бриллиантовое великолепие. Оле хорошо – как никогда еще не было.

Владимир Владимирович начинает речь про сложный минувший год, и Оля встает с бокалом.

– Чего это ты? – хихикает Дашка с набитым ртом.

– Неудобно как-то сидеть перед президентом, – краснеет Оля. Ей и правда неважно сидеть – так ее переполняет торжество.

– И правильно, – Даша тоже встает, за ней и мама с кряхтением поднимает свой бокал, Кирюша вертит радужный шарик, и все сверкает и светится как Олина душа.

Бьют куранты и Оля, закрыв глаза, впервые загадывает не здоровье Кирюше, не хороший учебный год и даже не мир во всем мире – а счастье. Что бы был рядом Леня, и было весело, и много смеха – и это все, чего Оле хочется.

– Ура! – звенят бокалы. – До дна, а то не сбудется! – командует Дашка.

Пузырьки щекочут горло, вкус икры жутко соленый, непривычный и, тем не менее, для Оли самый сладостный.

А дальше танцы, Дашка берет на руки Кирюшку, и тот даже не плачет и не вырывается, Дашка кружится с ним, и Оля вслед за ними, а мама затягивает какую-то старую пеню.

Когда взывают салюты, Дашка несет Кирюшку к окну, везде выключают свет, и все они вчетвером молча глядят на вспыхивающее, раскалывающееся искрами небо. Кирюша корчит гримасу, так это красиво и жутко одновременно. Оля глядит в окна, напротив, точно в зеркале четыре, человека тоже стоят и смотрят на небо. Трое смотрят на небо, а один – на нее. Оля робко машет ему рукой, слегка, едва заметно, и Леня кивает ей и, кажется, улыбается.

Глава 44 Витя

Витя не любит праздники. Так хоть в школу можно уйти, или сказать, что в школу, а самому на чердак, или еще куда-нибудь спрятаться.

А в каникулы некуда Вите идти, с ним никто не гуляет, и мать, конечно, знает про это, а потому предлогов сбежать от нее у Вити практически нет.

А на сам праздник Витю ждет еще один, дополнительный кошмар.

Со всего города съедутся к ним родственники, и будут тыкать Витю пальцами, вертеть и рассматривать, как новогоднюю игрушку на елке, и конечно комментировать, притворно ласково, как он вырос, и что невесту пора, и чем Витя увлекается, и куда думает поступать и кем работать. Ничего нет мучительней и сложнее чем сидеть и улыбаться в ответ, и отвечать вежливо, и краснеть, краснеть, потому что всем и без того понятно, что нет у Вити никакой невесты, и никогда не будет. И кем он может работать? Витя хотел бы быть баскетболистом, играть в команде. А если не баскетболистом, то может пилотом. Да, вот эта профессия – один на один с небом много часов подряд, и никто не донимает, тишина и бескрайний простор вокруг, свобода!

Каникулы тянутся бесконечной серой чередой ватных снежных дней. Витя жметя носом к окну и смотрит на бес-

просветную серую хмарь мельтешащих снежинок. Даже Никита не звонит и не пишет ему, не зовет в студию – слава Богу не зовет!

Витя думает, как там Юля. Будут ли они в новогоднюю ночь вместе с Никитой? Что она загадает под бой курант?

Витя ничего не загадывает. То, что он хочет неисполнимо, а в чудеса и сказки Витя с детства не верит, с тех пор как понял, что никакие его желания не сбываются.

В день Нового года мать подряжает Витю резать салаты – еще одна персональная Витина пытка. Он берет в руки нож и режет медленно, так медленно, что и не режет практически вовсе. Нож идет плохо в слабых негнущихся Витиных пальцах, вязнет в колбасе и огурцах, Витя боится порезаться и оттого не придерживает продукты во время резки, и ломти выходят кривыми и слишком крупными. Мать, конечно, это злит и бесит, и она покрикивает на Витю, тесно топчась с ним на кухонном пяточке все долгие невыносимые часы готовки.

Артур заканчивает с елкой и украшениями, и тогда освобождает Вию из его плена, тихо пихнув того локтем в бок: «Иди, иди, я займусь». Витя уходит в спасительное одиночество комнаты, что б просидеть там последние часы до приезда гостей.

А когда дом набивается тетушками, дядьками, племянниками, сестрами и братьями Витя стоит посреди комнаты, точно это он новогодняя елка, и мыслями утекает, ускольза-

ет из дома, представляет себе Юлечку и баскетбол, и стоит молча, улыбаясь заученной улыбкой, и кивает периодически – а сам он далеко.

Пьяный смех, крики, танцы потных тучных тел – все это проходит мимо Вити. Один из дядек настойчиво сует Вите под нос рюмку водки: «Вон какой большой, пора уже, давай, как мужик!». Витя отнекивается, лепечет про таблетки, и дядька отстает, разочарованно махнув рукой. Вите хочется уйти, но нельзя, мать заметит, что его нет и придет выпрашивать, почему это он сбегает. И Витя сидит притиснутый к толстому боку тетки, насквозь провонявший резкими забористыми духами и алкоголем.

И подарков ему не надо, понятно и так, что ему подарят – очередные новые аппараты для реабилитации – другого Вите не дарят никогда. Это ведь нужнее, на важные вещи деньги тратить надо.

Витя ждет только одного момента – боя курантов и салюта, вот тогда-то и можно будет наконец вздохнуть – все они оденутся, Вию, конечно, забудут в спешке, родственники гудящей толпой вывалят во двор жечь бенгальские огни и бахать хлопушками, а Витя встанет у окна и будет молча наблюдать как расцветает огнями небо.

Как бы хотел он быть там, высоко-высоко, вместе с салютами загореться, сгореть и погаснуть.

Витя глядит, как оседает на землю пепел, как рыжие языки лижут его в небе, вспыхивают точно маленькие звезды и

тут же тонут в черноте.

Вот и закончился год. И начался следующий. И ничего не изменилось.

Глава 45 Оля

Оля лежит, растопленная негой. Белый потолок висит над ней как облако, и сама она как на облаке – в Лениной постели. Хорошо невероятно! Леня приносит Оле кофе с мягкой пенкой, ложечкой рисует в этой пенке сердечко. Оля никогда, наверное, не была так счастлива, так любима. Ведь если вспомнить Андрея, в его любви никогда не было нежности, близости душевной, все только тело, быт, жизнь. А Оле так хотелось, что б ее любили, ее именно, а не грудь ее, не ноги, не лицо, а внутреннее что-то, щемящее, рвущееся наружу из Олиного сердца.

Так мало любви в Олиной жизни...

А тут Леня – Леня, который пылинки с Оли сдувает, как с самого драгоценного, Леня, который ее слушает, которой в глаза ей глядит и искреннее интересуется, как дела, как она чувствует, чего хочет. Никогда такого не бывало в Олиной жизни, ни разочка!

Оля лежит, сбивая пальцами простыни, чужой постели, главное, не думать, что постель это Ирина, и простыни Ирины. Вот если не думать, тогда все легко, главное претвориться, что ничего неправильного Оля не делает. Ну в конечном-то счете, что, Леня мальчик, что ли? Он так решил, он ее выбрал, сердцу же не прикажешь. Так бывает: прошло, разлюбил, а девчонки уже есть, куда деваться, помереть те-

перь что ли с тоски, удавить в себе все-все чувства? Разве это жизнь?

Нет, они с Ленией решительно ничего плохого не делают, просто такая любовь у них – запоздалая. Как бутоны цветов, распускающиеся перед первым снегом. А Ира и не узнает, Леня ведь не уйдет от нее, не бросит...

Да, не уйдет... И никогда не будет по-настоящему, взаправду Олиным. Никогда не приведет его Оля домой знакомить с мамой, не расскажет Дашке. Никогда не заснет с ним и не проснется, и на своих простынях тоже никогда с ним не будет.

Оля нехотя вылезает из постели, идет в ванную. Там на полочке стоят четыре зубных щетки – и ни одной ее. На крючке висят полотенца, которые повесила не Оля, мыло, которое Оля не выбирала, ароматизаторы, которые Оле не приятны. Все в этой ванной к Оле враждебно: пушистый халат ждет не дождется, как бы укутать не ее, не Олины, плечи. Тапочки ей велики, корзиночки, баночки, тюбики ершатся неприветливо при виде Оли: нельзя их трогать, Ира заметит, Ира поймет, что не так стоят, Оля по себе знает – поймет обязательно.

Оля моется аккуратно, стараясь не касаться лишней раз стен, мочалок, раковины. Тщательно проверяет, нет ли на полу ее упавших волос, хочет было расчесаться, но Ириной щеткой чесать волосы словно грех – кощунство. Оля выходит из ванной, и приветливая уютная квартира превращает-

ся вдруг в холодный грот: со стен на Олю смотрит Ирино лицо, на фотографиях Оле улыбаются Ирины дети. В прихожей пахнет Ириными духами – это ее шарфики и пальто. Оля нюхает свой шарф, лежащий рядом с Ириными, не почувствует ли Ира чужой запах? На всякий случай отодвигает свой шарфик в сторонку, решает не душиться больше перед приходом к Лене.

Оле хочется пить, но она не знает какую взять кружку – какая из них Ирина любимая, личная ее?

Оля возвращается в спальню, к ждущему ее Лене, и ложится в постель, вновь на чужие простыни. На которых затем Ира и Леня тоже будут заниматься любовью – законной своей. И на этих же простынях, возможно, будут однажды скакать и играть девчонки, или дремать вместе с родителями после кошмарного сна, и никто не узнает, не подумает даже, что на этих же простынях лежала Оля, любила Оля, кричала Оля...

Оля неуютно ежится, жмётся к горячему Лениному боку. Эйфория влюбленности схлынула с Оли, обнажив подлинные руины Олиной любви. А дальше будет больше? Ведь дальше Оля только сильнее Леню полюбит, только больше к нему привяжется, только чаще станет кричать и любить на чужих простынях... Насколько ей будет больно потом, в самом конце? Ведь не могут такие истории длиться вечно, или что же, десять лет Оле быть Лениной любовницей, пока девчонки не вырастут окончательно, а затем что? Оставит Иру,

стареющую, жизнь отдавшую Лене, единственному своему мужу, одну? Доживать на осколках разбитого сердца? И после этого сможет Оля любить этого человека, поступившего с Ирой, ни в чем перед Олей и Леной невиновной, как с Олей однажды поступил Андрей? Сможет ли Оля любить после этого Леню? Смотреть на него каждый день, просыпаться с ним, готовить ему завтрак, гладить его рубашки, с щемящим сердцем отпускать его ведется с дочерьми, и знать, каким ядом пропитаны их сердца, какой болью и ненавистью, какую рану она им нанесла вместе с Леной.

Оля лежит, свернувшись клубком, обхватив руками прижатые к груди колени, и даже Ленин жар не может ее согреть, так Оле холодно и зябко.

Одна история обязана закончиться, что б продолжалась другая, и видимо это должна быть ее, Олина история, так было бы правильно. Оля соберет свои вещи, половые тряпки и швабры смоят Олины волосы, воздух выветрит Олин запах, вода смоев Олин пот с простыней, и не было будто Оли. Ира вернется в не попрунное свое жилище и заживет по-старому. И Оля тоже.

Глава 46 Леня

Есть что-то в Оле, что Лене нравится. Что-то неуловимо женское, мягкое, слабое. Такое, что хочется оградить, спасти, помочь чем-то. И чувствуешь ведь, что осилишь. Вот с теми же деньгами – другой Леня может и не дал бы, пожадничал, хотя сумма там, честно сказать, смешная, Ира и не заметила бы, а вот Оля – взяла, да чуть не плакала от радости, а как благодарила – ах как благодарила, сразу чувствуется, когда женщина по любви и ласке изголодалась. Лене только в радость – ему в своей жизни еще не удавалось быть героем. Единственное его семейное достижение – 2 дочери, и то рожал не он, считай, не участвовал.

Нет, с Олей все решительно по-другому, не так как с Ирой. Иру он, по праву сказать, давно не любит. Может и вовсе он ее не любил?

«О-о, ну понятно, девочка из богатой семьи», – такое он слышал каждый раз, рассказывая друзьям и родственникам о помолвке. Не из такой уж и богатой, но зарабатывает Ира прилично: квартиру она купила, моря отпуска – всегда ее деньги, девчонкам все новое, лучшее, дорогое, у каждой по мобильнику и планшету, и компьютер один на двоих есть – мечта, а не детство, и все это Ира. Леня такого никогда не видел – что бы все было. Ленино детство было другим – как и Олино. В ней он чувствовал что-то щемяще родное: бед-

ное пришибленное жизнью, сплюснутое, раздавленное, даже жалкое что ли...

Да, Оля была жалкой для него – и от того еще более желанной, ведь именно на ее фоне Леня чувствует себя великаном. Таковую-то женщину ему и нужно было выбрать, а не все способную осилить Иру, которой Леня нужен в качестве аксессуара, что б на встречах выпускников гордо говорить: да, я замужем, да, счастливый брак.

Едва отгремели праздничные салюты, Ира схватила детей в охапку и собралась на море, а Леня очень быстро претворился смертельно больным и, клятвенно заверяя, что справится сам, остался дома – один. Свободный.

Чудесные каникулы! Оля, как молодая козочка, прискакивала к нему по первому зову – всегда горячая, на все готовая, невозможно благодарная – мечта!

И вот, под конец этих чудесных каникул, когда до Ириноного возвращения считанные дни, и настроение и так неумолимо портится, Оля выдает ему такое:

– Леня, я очень долго думала и все же решила, что не могу больше продолжать нашу с тобой... связь.

– Что значит не можешь? Тебе врач что ли запретил? – смеется Леня, но Оля краснеет, тупит взгляд, уворачивается от Лениных пытливых глаз.

– Подожди ты это сейчас серьезно, что ли?

Оля кивает, и из горячечных алых ее щеки становятся совсем белыми. Наверное, Оля думает о деньгах, и что он, Ле-

ня, потребует их вернуть.

Леня садится на кровать, ногой отпихивая смятые простыни.

– Тебе может не нравится что-то, или беспокоит? Ты скажи, я же открыт к диалогу, ты знаешь.

– Нет, нет, – смущенно качает головой Оля, – все нравится, очень!

– Тогда в чем дело? Ты переезжаешь куда-то? Муж вернулся? А-а... с Кирюшкой, наверное, беда, и тебе неловко просить помощи?

– Нет, нет, – машет Оля руками, – нет! Это все не при чем, дело вообще не в этом, я просто так не могу!

– Как так?

– Как любовница, – стыдливо шепчет Оля, как будто боится, что ее кто-то кроме Лени услышит.

– Ну не можешь как любовница, давай иначе, как женщина моей жизни, как истинная любовь, которую я по молодой глупости не дождался. Ну не могу же я сейчас развестись, и девчонок бросить, ты что, хочешь, чтобы как с Кирюшкой было?

– Нет, в том и дело, что н хочу. Я была женщиной, которой изменяют, я так ее ненавидела, Марину, больше, чем Андрея, а теперь я сама... Понимаешь? Делая зло, мы только его множим, причиняя боль, умножаем боль.

– Оля, – Леня садится напротив, близко придвигает лицо, берет Олины руки в свои большие и горячие, – Оля, послу-

шай меня, Ира ничего не узнает. Никакой боли ты не умножаешь, наоборот, – Леня чмокает Олю в лоб и шепчет, – ты спасаешь. Ты спасаешь меня от зла и несправедливости мира. Ты несешь добро и счастье, понимаешь? Ты делаешь меня счастливым, неужели ты не видишь?

Оля замирает, задумывается, беспокойно вертит руки в больших Лениных ладонях – так ей в них хорошо. И все же... И все же...

– Одно счастье против троих получается, – заключает Оля печально и тихо.

«И что, и все? Просто уйдешь вот так, и все на этом?» – спрашивает Лёня, стоя в не завязанном халате, наблюдая, как Оля натягивает разбросанные вокруг кровати вещи. Особенно неловко надевать лифчик, и Оля просто кладет его в сумку.

– Я никогда ни от кого вот так не уходила, поэтому не знаю. Наверное да, все.

– И что, вот это вот все, – Леня неопределенно разводит руками, – ничего для тебя не значило?

– Значило. Очень много значило, – отвечает Оля. Волосы ее встрепаны и в лучах солнца золотой короной лежат на голове. Леню это очень влечет, и хочется опять Олю уложить в кровать и забыть все эти ее глупости, ну куда она уйдет? Ну к кому?

– Наверное если бы так много не значило, я бы и смогла дальше... А может и нет. Не знаю.

Оля оглядывается – ничего не забыла? Идет к выходу, тербя потертые ручки сумки. Долго еще будет болеть этот день у Оли в груди.

– Ну что ж, раз ты все решила, – вздыхает Леня, все еще не особо веря, что Оля это всерьез и навсегда. Все они бабы такие – любят громкие слова и точки, а потом сами первые трескаются, не выдерживают и приходят обратно, как ничего и не было. Драмы может им не хватает? Не могут, когда все хорошо, нужно обязательно что б было плохо и гаденько.

– Раз ты все решила – иди.

Леня размашисто даже театрально распахивает перед Олей дверь. В зимней шапке и пуховике она очень смешная. Даже трудно смотреть на нее печальную и серьезную и так по-дурацки выглядящую.

– Леня... – Начинает Оля и замолкает. Так и стоит в дверях смотрит в пол.

– Чего?

– Спасибо за все, – говорит наконец Оля и выходит за дверь, тихо и нежно прикрывает ее за собой, как будто гладит в последний раз, но Леня перехватывает ручку и запирает дверь с громким хлопком.

– Пожалуйста, обращайтесь! – орет он уже закрытой двери.

Затем еще минуту стоит, не понимая, что дальше делать, ему даже кажется, что Оля вот-вот вернется, но Оля е возвращаается.

– Пф, вот же бабы дуры, – усмехается Леня, машет рукой и идет приводить квартиру в порядок перед Ириным возвращением.

Глава 47 Никита

Никита качает ногой в новеньком кожаном кроссовке, белая кожа без единого пятнышка – где уж ему замараться, он и не ходит в них почти по улице, в машине все. В школе пусто и без детского гвалта, без рвущих перепонки звонков, в пустых сонных коридорах как-то не уютно. Никогда раньше Никита не бывал в стенах альма-матер во время каникул.

Никита складывает самолетик из какой-то бумажки. На ней что-то написано – может важное, а может нет, Никите, по большому счету, наплевать – новую напишут. Сложив самолетик, Никита запускает его в воздух, и тот по кривой дуге пикирует в кадку с растением. Трехочковый!

Валерий Ренатович входит в кабинет, пыхтя и отдуваясь – по лестнице поднимался, значит. Никита про себя хмыкает, но тут же широко и радостно улыбается, подает директору руку. Смешно все это – вот сидит он в кабинете как дома, с директором за руку здоровается, а Валерий Ренатович и слова ему не скажет.

– А, Никита, что тебя привело, случилось что-то?

Никита кивает, пятерней зачерпывает густые волосы, убирает назад.

– Да, один вопросик обсудить хочу, Валерий Ренатович. На счет Ольги Дмитриевны нашей.

Валерий Ренатович разом краснеет, наливаясь, как по-

мидор.

– Что там опять с ней? – спрашивает он раздраженно и немного сконфужено.

– К Витьку она ходила, это вы уже знаете?

Валерий Ренатович кивает, толстые его пальцы перебирают на столе бумажки, не находят одной, и тут же начинают шарить по столу, по ящикам.

– Знаю, как же не знать. Мне уж и звонили, и спрашивали, чего это мои учителя по домам расхаивают и не в свое дело лезут.

– Вот и мне, Валерий Ренатович, интересно – почему? Вы же, вроде, поговорили уже с ней. А она все не уймется, а если она в полицию пойдет?

– Не пойдет, – тут же отрезает Валерий Ренатович, – Оля, конечно, настырная, но она не пойдет, не такой человек, она скромная, людей просто так беспокоить не станет.

– Ну, Витькину мать же побеспокоила! И мою тоже, – смеется Никита.

Валерий Ренатович тяжело вздыхает.

– Ну даже если и пойдет, ну и что? Пусть себе ходит, развлекается, одинокая женщина – чем ей еще заняться?

– А машина моя? Я и дальше кататься хочу, да и вам не надо, что б кому-то стало интересно, как это вы несовершеннолетнего ученика за рулем не заметили. Да еще и про ролики вопрос могут поднять...

– Ну и чего ты хочешь, я не пойму? Я еще раз поговорю

с ней, так сказать, популярно.

Валерий Ренатович наконец замечает самолетик в цветочной кадке, вздыхает, промакивает салфеткой лоб.

– Это важная бумага была, – говорит он, как бы между делом.

– Я не хочу, чтобы вы снова поговорили, вы же видите, Валерий Ренатович, разговорами Ольгу Дмитриевну на верный путь не наставить. Надо решать вопрос кардинально, – отрезает Никита.

Валерий Ренатович вздрагивает.

– Уж как-то это не по-человечески. Я припугнул ее конечно, но что б и вправду... Это ты Никита пока молодой тебе это все весело, а взрослым все это знаешь как страшно?

– А то, что она не унимается, вам не страшно? Эти последствия взрослым ни по чем? Сами же говорили, нам скандал не нужен! Раз уже началось все это, так пусть продолжается, главное тихо. А с Ольгой Дмитриевной тихо как-то не получается.

Валерий Ренатович тяжело наклоняется и достает из кадки самолетик. Края бумаги оплыли черными пятнами.

– Эх, заново печати проставлять.

– Ну, Валерий Ренатович! Ну что, будем что-то решать с вами?

Никита нетерпеливо ерзает на стуле

Валерий Ренатович не глядя машет на него рукой. Его красное потное лицо кривится в гримасе ни то боли, ни то

злости.

– Ладно, прав ты, но после праздников! Вот как четверть новая начнется, тогда и...

Никита сияет широкой веселой улыбкой.

– Вот это правильно, Валерий Ренатович, вот это спасибо!

Никита вскакивает и тут же жмет Валерию Ренатовичу руку, не замечая даже мокрой земляной кашицы, стекающей по толстым его пальцам.

– А за бумагу вы уж простите, я нечаянно.

Глава 48 Витя

– Ну что, Какаша, падают твои охваты, что делать будем?

Услышав это, Витя испытывает облегчение, ведь если просмотры падают, значит он больше никому не интересен, и значит Никита отстанет от него наконец, и скоро все это закончится.

– Надо срочно поднимать, значит нужно добавить настоящей жести, – рассуждает Никита, – о! А может ты обосрешься?

– Я н-не буд-ду, – отказывается Витя.

– Да на него разок замахнуться – он таких кирпичей наложит... – ржет Колька Длинный и отправляет в рот очередную семечку. Шелушки он плюет прямо на пол, и Вите от этого хочется блевать.

– Я н-не буд-ду этого д-делать, – упрямо бормочет Витя.

– Н-не буду – передразнивает его Никита, – это ты мамочке своей скажи когда денежки капать перестанут, что думаешь, пожалеет она тебя? Ой, сыночка стал скучным – хрена лысого! Она уже прикормленная, от денег просто так не откажется, отправит тебя батрачить куда-нибудь на рынок – рыб потрошить.

«Да и пусть отправит, хоть кого потрошить лучше, чем это», – думает Витя.

– Даже и не знаю... – Никита крутится на стуле впра-

во-влево. От этого его челка взлетает, обнажая лоб и шрам у виска, туда, по слухам, отец зарядил ему пряжкой от ремня в раннем детстве. – Может дать от тебя отдохнуть, нового персонажа ввести... А где я его возьму такого же калеку?

– О! – продолжает Никита. – А давай хайп устроим, скажем, что тебя машина сбила, или там, не знаю, пьяный бомж избил, короче, что ты при смерти в реанимации к утке прирастаешь, а? Прикинь как народ подкинется! Правда ненадолго, это все конечно волну даст, но она и схлынет так же, а нам надо что-то на долгую перспективу.

– Может тебе к старому формату вернуться? – аккуратно спрашивает Юлечка.

– Да кому он уже нахрен нужен, все, забыли, прошла мода! – кричит Никита, и Витьку становится страшно и вместе с тем обидно и зло за Юлечку. Она ведь ничего плохого не сказала, что б на нее орать. Она вообще здесь быть не должна, с ним не должна! Ну что она тут делает?

– Извини, – шепчет Юлька, потупив глаза.

– Не можешь ничего умного сказать, так лучше заткнись вообще!

– А эта, как ее, Хтонь ваша, она че, обломалась? – спрашивает Длинный и Никита грустно кивает.

– Такой вариант был, но нет, она пока ни в какую. Посмотрим конечно, что дальше будет, есть у меня мысль.

– Какая? – спрашивает Длинный расщелкивая очередную семечку. Шелушки, как дохлые тараканы, сгрудились у его

ног.

– Да уволят ее походу. Я там Валерию Ренатовичу рассказал, что она нос не в свое дело сует, и ему это сильно не понравилось. Он ее предупреждал уже, что б отстала.

– Нифигасе, – присвистывает Длинный, – она ж вроде ниче, училка хорошая.

– Да хорошая-то хорошая, ну и что теперь? Жалко, конечно, я и сам не ожидал, что так случится, но что поделать, бизнес есть бизнес.

Семечковая вонь заполнила подвал, и Вите кажется некуда уже от нее деться. От вони, а может и от новости у Вити кружится голова. Ольга Дмитриевна ведь единственная за него вступилась, даже с матерью говорила, и к директору ходила! Ей одной во всем мире было не смешно смотреть на Витю, нет, она-то понимает, что это не он, что это все не настоящее, и что у Вити просто нет других вариантов, нет выход...

– И че ты придумал на счет Хтони? – спрашивает Длинный.

– Я ей бабок за видео предложил. Пока отказалась, но, если уволят, всяко может повернуться.

Длинный хмыкает:

– Ништяк...

– А ты не думаешь, – робко подает голос Юлечка, – не думаешь, что это все неправильно? Ты ведь ей жизнь сломать можешь, ну что она тебе сделает? Она же училка просто, ну

лезет она, ну и что? Это же безобидно, а у нее сын маленький...

– Я не понял, – говорит Никита тихо, но от этого голоса Вите становится страшно, – ты ее сейчас защищаешь? Ты че вообще тут делаешь? Че ты сюда ходишь? Таскаешься за мной вечно как собака, иди отсюда! Я тебя вообще сюда не звал, нахрена ты нужна-то, только тупость всякую болтаешь, иди я сказал! – уже орет Никита и Юля, сначала державшаяся, срывается с места и выбегает из подвального, и только и слышно, как прыгают ее шаги по ступенькам.

У Вити кружится голова, Вите плохо.

Он медленно встает, пошатываясь и шаркая идет к двери – к воздуху, подальше от вони семечек, от Никиты, и от тупого смеха Длинного. Подальше из всего этого на волю.

– Мне н-не хорошо, – бросает он мимоходом, но никто, конечно, не бежит его поддержать, открыть дверь. Витя повисает на ручке всем весом, с трудом открывает тяжелую стальную дверь. Свет бьет ему в глаза, и он слепнет на первые мгновения.

Юлечка сидит на крыльце, прямо на голом холодном бетоне и ревет в ладошки. Витя садится с ней рядом, гладит ее плечи. Не его она ждала.

– Ты не плачь, не плачь, – приговаривает Витя тихо, – Никита он, он просто мразь! Вырывается у Вити, и Юля тут же скидывает голову. Ее зареванное лицо – розовое и мокрое, ни чуточку не стало хуже. Большие влажные глаза только еще

больше блестят от слез.

– Не смей так говорить о Никите! – шипит Юля и рывком скидывает Витину руку.

– Н-не сметь? Д-да он же н-на тебя орал, он т-тебя выгнал! – Витя не верит своим ушам. – Т-ты плачешь из-за него!

– Да плачу, и что? Это мое дело, ясно?!

– Д-да как т-ты можешь его защищать он же, он...

– А я люблю его! – кричит Юля с каким-то категоричным отчаяньем, вызовом, криком раненой умирающей птицы, которая, не взирая на боль и смерть, все равно грудью кидается на острые камни.

– Л-любишь? – шепотом переспрашивает Витя и не понимает, как Никиту можно любить, особенно Юлечке, после всего...

– Да, люблю! И пусть он меня выгнал, и что? Да и пусть он меня уже не любит теперь, мне все равно! Любовь – она такая, в ней нет эгоизма. И пусть он даже с другой будет счастлив – если он счастлив, то и я буду счастлива, ясно тебе?

Витя совсем уже не знает, что говорить, что думать, что чувствовать, он только сидит молча и смотрит на Юлечку такую красивую в ее гневе, такую святую в своей жертвенной, совершенно ненужной неуместной любви...

– Д-дура ты, Юля, – наконец заключает Витя.

– Да пошел ты, – отвечает ему Юля и, развернувшись, быстро шагает прочь. Витя только молча смотрит как ее тол-

стые тугие косички хлещут ее по тонкой спине. Как хлысты.

Глава 49 Оля

У Оли трясутся руки. Мелко-мелко дрожат без остановки, так, что можно расплескать чай. Дашка смотрит на нее молча, выражение лица такое странное, непонятное. Грима-са жалости, боли, но совсем нет удивления. Она смотрит на Олю и как будто немного сквозь, словно не в первый раз все это видит, а уже много, много раз поверялась эта сцена – Оля напротив, чай, трясущиеся руки, Дашкин взгляд.

– Я не понимаю, – шепчет Оля, глядя на отпечаток помады на фарфоровом краешке.

– Я не понимаю, – твердит она уперто, – почему?

Оля смотрит на Дашку, и ждет ответа. Дашка вздрагивает, приходит в себя, но ответа никакого не дает. У Оли на лице боль и недоумение, дезориентированность, и Дашка ненароком думает, что она и так всегда была дезориентирована, а тут у Оли просо выбили из-под ног почву.

– Я что-то плохое сделала? – требует ответ Оля, как ребенок.

Дашка знает, что нужно уже сказать что-то, пытается собраться с мыслями, а мыслей нет.

Все так внезапно случилось, Дашка конечно ожидала этого, но все равно ее застали врасплох. Вот только пролетел новогодний праздник, яркой чередой промелькнули каникулы, и вот, новая четверть, самое начало, и такой удар под

дых. Что же ей сказать?

– Даш, ну скажи что-нибудь, ну это же ошибка, я же ничего не сделала? – Оля говорит с отчаяньем, ее глаза – сплошная рана.

Дашка отводит взгляд.

– Он думает, ты опасна, Оль. Поэтому вот так.

– Но середина года же, где они найдут замену? А я? А я? – Оля, кажется, впервые понимает ужасную истину. – А я куда? Середина года? Кому я нужна сейчас? Он что, до лета не мог подождать?

– Сколько тебе должны выплатить? – прерывает Олю Дашка.

– Там немного получается, я больничные часто брала из-за Кирюшки... – Олин голос стирается в шёпот.

– На сколько хватит?

– Не знаю, на месяц, может два.

– А накопления есть какие-то?

Оля смотрит на Дашу испуганно.

– Нет конечно, какие накопления, Даш, ты же знаешь!

И снова пауза и снова этот вопрос:

– Я все не могу понять, ну почему? За что он так? Это Валерий Ренатович, он же меня с школьной доски, вот такой маленькой знает! Да я ж с ним с первых дней работала, единственная работа моя в жизни! Ну как так можно, Даш?

Дашке хочет крикнуть, наорать на Олю: «Да за то Оль, я тебе говорила не лезь куда не просят! Предупреждали тебя,

угрожали открыто, прямым текстом сказано было – уволят! Ты все как дура наивная не веришь ничему, за правду рade-ешь, вот она твоя правда, Оль!»

Но Дашка только качает головой. Кошмар, какой кошмар.

Оля смотрит на отпечаток помады и думает, что скажет маме, как сообщит новость? Оле очень хочется поговорить с Леней, но с ним нельзя, уже не получится. Черное болото сомкнулось над Олиной головой, давно ли она в нем вязнет? А ведь каких-то пару недель назад Оля была по-настоящему счастлива.

– Мне надо маме сказать. И работу найти как-то надо...

– Репетиторство, – подсказывает Даша, – будешь к ЕГЭ готовить.

– Я не готовлю к ЕГЭ, Даш.

– Ну, научишься.

Дашку бесит Олина мнительность, жертвенность и неспособность понимать и видеть причинно-следственные связи в поступках других людей и вообще в мире. Дашка любит Олю за ее доброту, ранимость, искренность, но иногда до зубного скрежета Дашу бесит эта житейская Олина тупость, упертость и праведность.

«Ну что, помогла?» – хочет зло крикнуть Дашка, но, конечно, опять молчит. Достает таблетки валерьянки и дает Оле еще две штучки. Руки ее понемногу успокаиваются, замирают, и на смену Олиному отчаянью, детской обиде приходит заскорузлая стылость, как у памятника – выболело, по-

нимает Дашка. Все внутри разорвалось и наконец-то выболело.

В это день Оля покидает школу в последний раз.

Глава 50 Никита

Хтони больше нет. Никита радуется, как ребенок, получивший на день рождения долгожданный подарок. Ох и досаждала она ему – эта Хтонь. И надо было ей так упорно, так настойчиво лезть не в свое дело? И зачем, спрашивается? Ну что она получила по итогу? Знает Никита этих равнодушных, они каждый день взрывают ему личку и комментарии своими дурацкими, совершенно тупыми и бессмысленными, слезливыми обвинениями Бог знает в чем.

Никита устал от этого. Устал доказывать, что он прав априори, раз то, что он делает – работает и приносит ему деньги. Это просто работа, такая же как у всех. Как у Хтони, в конце концов. Только она выбрала быть учителем и горбатиться за копейки, а он – Никита, свободный человек. Каждому свое.

Ну, теперь-то можно и вздохнуть спокойно. Никите даже по-своему жалко Хтонь, она хоть тетка и унылая, но предмет свой вела хорошо, все по делу. Не отвлекалась, на контрольных не валила, когда надо давала списать по-человечески, да и вообще, по-человечески это то, как бы Никита описал все, что Хтонь делала. Ну кто ж ее просил лезть?

Никита на Хтонь не злился, а чего злиться на таракана зато, что он твой хлеб жрет? Это ж таракан, у него в природе так заложено, он и не знает, что за это его однажды тапоч-

ком размажут по кафелю. Так и Хтонь не знала, что над ней неминуемо занесут тапочек, ран или поздно.

Никита радостно хмыкает и делает картинный хук справа – как он ее. Раз и нет тетки, потому что нечего с ним, с Парфеновым, связываться, он чего-то в этом мире да стоит, не пальцем деланный, он и не таких обломать может.

И все же – жалко ее, эту Хтонь. Надо бы ей повторно протянуть руку помощи, все-таки какой он добрый – никакие деньги Никиту не портят, благороднейшая душа. И Юльку он не бросает, не смотря на все ее загоны, а мог бы – ему вон сколько моделей Директ надрыдают каждый день – еби, не хочу.

Но Никита не такой, он правильный, он себя уважает и низко падать не собирается. Все это продажное, временное, алчное и падкое, грязное и мимолетное. Никите такого не надо. Сегодня же Никита позвонит Хтони и предложит ей снова снять для него сюжет – Хтонь не откажется, не в этот раз. Пусть она сама поймет, что ничего такого Никита не делает – это же кино, все понарошку, никто никого не обижает! Никита только создает иллюзию – мастерски – то, что зрителю и нужно.

Никита давно понял, что чем скандальнее ролик, чем больше людей он затронет – хоть в каком смысле – тем больше резонанса вызовет, а значит и денег принесет. Кто сейчас гнушается черного пиара? Чем больше смотрят, тем лучше, и пусть там хоть коз сношают, лишь бы товар продать. А это

Никита умеет.

Витек ковыляет последним, позади всей толпы, только он, Никита, с ним и общается. Никита воровато оглядывается, точно боясь, что их кто-то увидит, и аккуратно пристраивается к Витьку.

Витек напрягутся всем телом, как пружина, но Никита этого не замечает. Он кладет свою руку Витьку на плечи, притягивает его щуплое изломанное тело к себе и в ухо шепчет:

– Сегодня, как всегда, на нашем месте. Сюжет есть, будем снимать.

Глава 51 Витя

«Я н-не б-буду этого д-делать, я б-больше не б-буду это д-делать!»

Витя рывком просыпается в свое постели, мокрой, неприятно липнувшей к телу – Витя с ужасом отдирает от себя простыни, облепившие его как кокон, водит по матрасу руками – сухо ли? Вроде сухо, Витя без сил валится н голый матрас, переводит дыхание, моргая в серый, как кракелюром покрытый трещинами потолок – вспотел, просто вспотел. Ничего больше.

Ему опять снился этот сон – как он стоит на сцене и не помнит ни слов ни что вообще тут делает. Софиты светят нестерпимо жарко, он слепнет от белого безжалостного электрического солнца прямо над его головой. Он не помнит, ничего н помнит – а зал полон ждущих, жажущих начала действий людей. Он мнетя и блеет у микрофона, и тут слышатся первые смешки. Сначала единичные, затем к ним присоединяются новые и новые – женские голоса, мужские, даже дети, особенно дети, смеются громче всех:

– Смотрите, да он обмочился!

И уже хохот пронзает зал острой надрывной иглой, прокалывает Витино бешено стучащее сердце. Витя хочет убежать, но не знает куда – его слепит этот дурацкий софит – между ног мокро, тяжёлые джинсы повисают вниз на его ху-

дых ногах. Стыдно – Витя хочет умереть от стыда, так ему плохо – лучше смерть, смерть лучше всего!

Витя просыпается всегда на этом моменте, и пробуждение встречает его лавиной чувств: страх, стыд и разочарование – Витя не умер, и долго еще не умрет, а значит этот кошмар повторится снова и снова.

Витя мрачно плетется в ванную, в кране снова ржавая вода, она отдает вкусом крови во рту. Витя не смотрит в зеркало: иногда да, но не сегодня, сегодня ему уже досталась порция разочарования в себе.

Мать уже сидит на кухне – в махровом халате на голое тело. Витя ненавидит этот замазанный розовый халат, который помнит еще, наверное, с рождения, и то, что мать всегда – всегда – надевает его поверх своей наготы. Витя чувствует приступ тошноты и потому, схватив с тарелки успевший подсохнуть бутерброд, приготовленный для него сильно заранее, поспешно скрывается в коридоре.

– Куда пошел? Ешь нормально, я зря что ли тут горбачусь у плиты с утра до ночи?

– Я ем, мне идти н-надо, Н-никита ждет.

После этой волшебной фразы вопросы и упреки прекращаются – способ действует безотказно и в любой ситуации. Никакой Никита Витю не ждет, но стоит упомянуть его имя, мать готова отпустить Витю хоть среди ночи, не уточняя куда и зачем. Зажав в зубах бутерброд, Витя засовывает шнурки в кроссовки, себе под пятки, и вырывается из квартиры в

прохладный, пахнувший сыростью и пустотой подъезд.

Витя вдыхает этот неприветливый бодрящий запах полной грудью и впервые за утро расслабляется. В несвязанных кроссовках не очень то удобно, но завязывает Витя плохо, и потому так поступать проще и быстрее. Он делает несколько шагов вниз по ступеням, слышит пролетевшее в спину материно: «Ты давай старайся там», и щелчок запираемой двери. Выждав пару минут, Витя вынимает бутерброд и идет вверх.

Подъем это долгий, но Витя упрямо перетаскивает ногу за ногой, ступень за ступенью. Лестница на чердак шатается и хрипит, и Витя лезет аккуратно и не спеша, что есть сил цепляясь непослушными пальцами за перилки: страшно, главное вниз не смотреть. Витя чувствует себя скалолазом, покоряющим гору. Люк Витя много раз смазывал маслом, и тот поддается легко и без скрипа. На чердаке пыльно, все уляпано голубиным пометом, но это ничего. Залитые тусклым зимнем светом, заиндевевшие половицы сверкают волшебным бриллиантовым блеском. Утробное урчание голубей успокаивает Витю как ничто в мире.

Он стаскивает с бутерброда масляную тонкую, как пергамент, колбасу и крошит хлеб на мелкие кусочки. Голуби обступают Витю волнующимся серым морем, точно почувствовав что-то в узкое окошечко чердака влетают все новые и новые птицы. Витя кладет в руку пару крошек и притягивает ладонь перед собой, и море тут же взмывает вверх и,

толкаясь, пробивается к его руке – источнику жизни. Витя смеется и морщит нос, вот оно – его счастье. Здесь никто его не ищет, никто не трогает, не донимает. Здесь никто не знает его, и никто не смеется. Здесь все от него зависят, ждут и любят – по-своему, по-птичьи, как могут. Здесь он Бог, свет и сама жизнь. Здесь он корм. Здесь он хочет быть.

После школы – нестерпимо долгих уроков, которые все же кончаются, а Витя бы все отдал что бы они длились и во все вечность – Витю уже ждут. Никита неторопливо крутится вокруг крыльца с другими ребятами. Там и Колька длинный – их оператор, и Денис кувалда – зачем он нужен, Витя не знает, но он лебезит перед Никитой, и тому видимо это очень нравится. Вокруг Никиты толкуются и другие ребята – многих Витя не знает, но на съемки всегда приходит много ребят, они ржут за кадром, а Никита считает, что это добавляет живого контента и хорошо для роликов. Чуть в стороне от всех скромно и молча стоит Юлечка.

– Ну, явился не запылится, ты че там делал так долго?

Кто-то ржет и предполагает:

– Ботинки шнуровал, да Витек, – и тут уже все смеются, все кроме Юли.

– М-меня зад-держали.

– Пф, какой ты важный Витек, всем-то ты нужен.

Никита приобнимет его за плечи – по-свойски, по-дружески, по-хозяйски. Витя ненавидит это.

– Что сегодня?

– О-о, мой друг, сегодня мы снимаем нечто грандиозное!

Никита ведет Витю за собой, как теленка, не ослабляя хватку – вся веселая компания шумно идет сзади. Последней, отрешенно и молчаливо, идет Юлечка.

Витя думает о ней – старается не слышать Никиту, смех за спиной, гогот и галдёж толпы массовки. Витя думает, какая Юля все такие красивая – длинные тонкие ноги робко месят хрусткий снег. Коленки краснеют на морозе, но Юля все равно ходит в юбке и колготках. Ее тугие толстые косички мерно раскачиваются в такт шагам, а карие, как будто чуть влажные, глаза полны печали. Зачем она здесь? Зачем она каждый раз с ним? Выбирает его день за днем, зачем? Что ей в этом? Она ведь всего этого выше, чище, лучше!

Витя думает о Юлином молчаливом присутствии во время его экзекуции. Как она глядит на него своими влажными – всегда влажными – большими глазами без тени улыбки и упрека. Просто смотрит, а он смотрит на нее в ответ, и как будто выскальзывает из своего тела, из всего происходящего в тихий сумрак ее темных радужек, в прохладу ее спокойных, четких и стройных мыслей. Вот где бы он хотел быть – на чердаке, а еще в мыслях Юлечки. О чем она думает в этот момент?

Никита уже устанавливает свет и камеру, предметы готовы, реквизит на местах – Витя не вникает в происходящее, ему все равно. Все равно, что говорить, что делать, что о нем подумают, он проходил это столько раз, что уже смерился и

понял – лучше всего отрешиться, как будто его и нет. Как будто это все не он, а кто-то другой вместо него говорит и делает. Никита ставит задачу, объясняет слова, Витя кивает, как китайский болванчик, не вникая в суть.

– Ты меня вообще слушаешь?

– С-слушаю, – отвечает Витя, и собственный голос звучит откуда-то из далека.

– Ну тогда погнали, все готовы?

Никита в последний раз проверяет свет и включил ли Длинный камеру – бывало, что он забывал, идиот.

– Давай Витек – мотор!

И Витек дает. Читает свой текст, заикается и блеет, краснеет и бледнеет, спотыкается и подворачивает ноги – Витя хорошо знает свою роль, она всегда одна и та же.

Заканчивают быстро, уже через пару часов Никита командует стоп камерам и хлопает в ладоши.

– Все молодцы, мы закончили, Колян, заснял? Молодец, вырубай камеру, я посмотрю, что вышло. Витек, если что, доснимем завтра.

Витя не возражает, не глядит на ребят – в ушах все еще звонкими раскатами стоит их смех. Раньше он смеялся вместе со всеми, когда все кончалось, притворялся, что ему весело, но никто не смеялся с ним, всегда над. Он хорошо помнит недоумение и брезгливость в их глазах. Только Юлечка смотрит без сякого выражения пустыми как у куклы глазами.

Витя выходит из судии первым и как можно быстрее за-

хлопывает дверь, оставляя за ней смех, унижение и стыд. Он идет домой дворами и тайными тропами, чтобы не повстречать знакомых – он давно выучил лазы уличных кошек и, точно одна из них, невидимый пробирается между гаражей и вдоль заборов.

В подъезде долго мнется у собственной двери, не решаясь надавить кнопку звонка. За дверью тихо шуршит жизнь его домашних: мать в своем халате, Артур на работе, но, когда он придет, Витя все равно не заметит. Он тихий и бледный, как тень, какой-то выцветший, как будто его много раз стирали прямо вместе с материным розовым халатом.

Был ли Артур когда-то другим Витя не знает, может до его рождения, до встречи с мамой. Иногда по праздникам, когда родители выпьют, у матери начинают блестеть глаза и она вспоминает какие-то далекие счастливые истории в которых они еще с Витиным отцом веселы и молоды, и все впереди, у них столько планов, мир так и ждет их с распростертыми объятьями. Что случилось с этими людьми? Мама никогда не уточняет, только до и после.

Витя вздыхает, облачко пара размывается по черному неживому дверному глазку. Витя звонит в звонок – резкое и пронзительное щебетание птиц возвещает о его возвращении. Мать распахивает дверь немедленно, как будто все это время стояла за ней в ожидании. В лице ее пластиковая радость и нетерпение. Видя это, Витя вжимает голову в плечи и тупит взгляд, молча разувается, носком стягивая кроссовки

с пятюк, кладет на пол портфель, неуклюже и долго снимает куртку. Мать смотрит на него с неживой, как будто пришитой улыбкой, еле дождавшись пока Витя справится с одеждой начинает подталкивать его к кухне. Пахнет супом.

– Давай, садись, уже вон темно совсем, ты весь день голодный, чего так долго сегодня?

– Так снимали, Никита правил прямо в процессе, – отвечает Витя.

– Вот как, ну, он мальчик умный, знает, что делать, раз правил, значит надо, – в святости Никиты в этом доме не сомневаются.

Витя молча кивает, прихлебывая из ложки суп. Часть конечно же проливается, и Витя знает, как это бесит мать, но она не подает виду – улыбается все так же. Когда Витя наконец почти все съедает, мать аккуратно и вкрадчиво спрашивает:

– Ну, что там наш Никита, деньги заплатил?

Вот оно, то самое ради чего весь этот любезный концерт. Витя холодеет, утыкается в тарелку. Ему каждый раз страшно сказать матери нет, еще не заплатил, как будто он сам лично виноват в этом, как будто плохо старался, плохо работал.

Витя качает головой и, не поднимая глаз, бормочет:

– Нет пока, сказал этот ролик выложит и обналичит выручку с прошлого. Наверное, через пару дней.

Черты матери заостряются, улыбка исчезает мгновенно, но она почему-то молчит. Не кричит, не причитает, как

обычно бывало – просто затихает и как будто черствеет.

Не зная, что еще сказать или сделать в затянувшейся паузе, Витя обещает:

–Я у него спрошу, скажу пусть поторопится.

Глава 52 Оля

Оля сидит в ступоре, в оцепенении и не может двинуть ни одним мускулом. Горячая вода жжет спину уже нестерпимо, от пара и влажности нечем дышать, но Оля не в силах себя заставить подняться. Как сказать маме? У нее сердце... А Кирюшка? Что с Кирюшкой?

Оля глядит, не моргая, на влажную, всю в мелкой мороси плитку ванной, на желтоватые и серые разводы на старой эмали, которые ничем уже не вывести. Легче всего – остаться здесь навсегда. Просто не выходить из ванной, жар в итоге ее убьет, Оля не выдержит в этой парной долго. Тогда и объяснить ничего никому не придется. Вот он – выход. На секунду Оле даже кажется, что это реально. То же самое чувство Оля испытала, когда молодая секретарша Валерия Ренатовича сообщила Оле, что в ее услугах школа более не нуждается. Как будто это шутка такая, розыгрыш.

Всего секунда.

Говорила с Олей, конечно, секретарша, не сам Валерий Ренатович, под началом которого Оля работала так долго. Сам он, якобы, уехал по срочным делам, но Оля знала, что это был побег и предательство.

У него тоже с сердцем плохо, совсем сдал в последнее время, куда ему такие удары вынести – оправдывает его Оля и ей сразу становится легче.

Права была Дашка, он же меня просил, предупреждал... А я все не верила, что он это всерьез. Сама я во всем виновата!

И вот после этой мысли, после спасительно найденного виновника, устраненной несправедливости мира, Оля наконец разрешает себе плакать: сначала молча затем всхлипывая и наконец навзрыд.

В дверь стучит мать:

– Оль, ты чего там воешь? Упала? Оль?

Оля молчит, только рыдает все громче, все яростнее, до головной боли, до хрипоты.

– Ты дверь открыть можешь, Оль? – мать уже трясет хлипкую дверцу, выдирая из дряблой фанерной мякоти щеколду.

– Оля, Оленька, что с тобой? Ну что с тобой? Оль?

Один шуруп, не выдержав, выскакивает из своего гнезда, щепочками крошится на пол дерево, и щеколда повисает вниз, выскочив из затвора.

Мать врывается в ванну, падает рядом с Олей на колени, ощупывает ее, неловко елозит ладонями по голой Олиной спине, Оля стыдливо сворачивается калачиком, прячет красное зарёванное лицо в колени.

– Ну скажи, скажи, Оль, не молчи, плохо тебе? – и тут мать прижимает ладони к щекам и в жуткой догадке вздыхает: – Изнасиловали?

– Нет, нет, – сквозь всхлипы давит Оля, – меня уволили, мам, уволили! Как же мы теперь, как Кирюшка?

И новая волна рыданий душит Олю всхлипами, так ей себя жаль и, в то же время, Оля себя ненавидит, всем сердцем и душой, а потом ненавидит Никиту, и Валерия Ренатовича, затем Витю, будь он неладен, и, наконец, Кирюшку. Это страшные мысли, но Оля их не прерывает, впервые в жизни позволяет себе ненавидеть сына, своего ребенка, Кирюшку, за то, что он такой, за развод с Андреем, за свою жизнь, за просто так. Оля ненавидит и воет, кричит, плачет, а мать молча гладит ее голую спину и волосы.

За стенкой от Олиных воплей заходится криком Кирюшка, но никто не спешит его успокоить. Олины рыдания стихают мягко, как откатившая от берега волна – оставляют за собой оголившиеся обломки Олиной души.

– Прости меня, – шепчет придушенным от рыданий голосом Оля, боясь обернуться и взглянуть на мать, – мама, прости меня, слышишь?

Мать отвечает не сразу – рука ее мягко путается в Олиных мокрых, слипшихся волосах, распутывает их, перебирает, как делала в Олином детстве.

– Ничего Оля, мы справимся. Ирода твоего пережили, Кирюшку, тьфу-тьфу, на ноги поставили и с этим справимся. И не такое видали.

Глава 53 Андрей

Марина уходит, чтобы оставить Андрея и Аллу одних. Конечно, Марина уходит не из-за этого, а по делам, но Андрею иногда кажется, что Марина как может пытается оставлять его с Аллой как можно чаще. Тем более теперь, когда он потерял работу – временно, ненадолго, и все же, так много дома Андрей не находился никогда.

Дома Андрею очень некомфортно. Особенно с Аллой – плачущим немым младенцем, который ни словом, ни жестом не намекнет, что не так, и что ему вообще нужно. Андрей битый час качает кроватку, а Алка все не успокоится, орет, красная, как перезрелый помидор, вот-вот лопнет. Хорошо Марина не видит – она бы расстроилась от того, что Андрей не берет Аллу в руки и не успокаивает так, как положено. Так бы Алла, конечно, быстрее уснула, но Андрей не может, ну никак не может заставить себя ее взять. Если хорошенько вспомнить, с момента ее рождения Андрей брал Аллу от силы раз десять, а может и того меньше. Марине он всегда говорит, что боится – она ведь такая хрупкая, маленькая, а вдруг он сожмет ее слишком сильно, или, не дай Бог, уронит. Как он себя простит после этого? Марина всегда смеется и каждый раз уверяет: «Да ничего сложного, вот смотрит, берешь вот так – под головку и поднимаешь, вот и все, очень просто», – Марина берет Аллу на руки, качает, гукает, вер-

тит ее как куклу, а Алка только смеется. А Андрей смотрит на все это со стороны.

– Хочешь попробовать? На!

Но Андрей тут же трясет головой и поспешно пятится к двери:

– Я опаздываю уже Марин, но я все понял, попробую потом, как вернусь.

Но не пробует.

Андрею действительно страшно – очень страшно, но все же не брать дочь и держать ее, этого у него в жизни было предостаточно: сначала с младшим братом, потом с Кирюшкой... Как много он возился с Кирюшкой – больше Оли. И держал его, и качал, и кормил, и памперсы менял, и по ночам просыпался, и купал даже – все он. Кирюшка по началу тоже был... нормальный. Совсем как Алла.

Это слово «нормальный» даже в собственных мыслях Андрей произносит с опаской, осторожно, хорошо подумав и подготовившись. Нормальный – такое обычное слово, а столько пугающих смыслов. Пока Кирюшка был нормальный, Андрей души в нем не чаял, любил больше жизни, да и сейчас любит, но... боится.

Чего боится? Андрей и сам не знает, но боится сына как огня. Столько раз порывался вот приду сейчас к Оле, с Кирюшкой повожусь, посмотрю, как вырос, и каждый раз Андрей трусил. Сколько он Кирюшку уже не видел? Не стоит даже думать.

И вот Алка, маленькая, красная, – нормальная. Но трогать ее Андрей не смеет. Как будто это сказка такая, и Алла заколдована страшным проклятием, и если он к ней прикоснется – она тут же станет такой же как Кирюшка.

Андрей дотошно выискивает в Алле признаки болезни. Он наблюдает за ней исподтишка, украдкой, пытливо изучает ее движения, реакции, как она познает мир и как к нему приспособливается, и стоит ему заметить, хоть на секунду усомниться, его сердце падает и разбивается на части. Но потом видение пропадает, и Алла снова обычный ребенок без каких-либо отклонений или признаков таковых...

Андрею от себя тошно. Тошно, что он такой трус, что он подлец, что он боится собственного сына, а теперь и дочь. Марина его не поймет, не примет. А если и Алла тоже? Он и от Марины сбежит? И будет так бежать до конца своей жизни, оставляя за собой след из младенцев, которые... Которые... «Которые что?» – спрашивает себя Андрей и не находит ответа. Которые не такие, как он надеялся и мечтал.

И самое главное-то – самое страшное, ведь если и Алла тоже, то получается это все он? Андрей, получается, во всем виноват, ведь это уравнение с одной неизвестной... Это получается он, а не Оля, не слепая случайность, ни рок, ни судьба, ни карма, а Андрей – он, получается, сделал таким Кирюшку? И Аллу, кто знает, может и Аллу тоже.

Андрей смотрит на дочь, как на бомбу с часовым механизмом. Когда она взорвется? Взорвется ли вообще? Андрей не

знает, а потому не трогает, надеясь этим оттянуть, а может и вовсе предотвратить страшное мгновение, разрушение мира – его мира так точно.

Глава 54 Оля

Первые дни без школы даются очень тяжело. Оля по привычке встает в шесть утра, и еще час лежит пытаясь снова уснуть, но больше, конечно, просто смотрит в потолок или на занимающуюся зарю за неплотными шторами, на возню Кирюшки в беспокойном сне. Что ему снится? Радуги и солнечные зайчики? Или что-то Оле совсем неведомое?

В семь Оля сдается и встает, идет на кухню, заторможенно готовит утренний кофе и завтрак на всю семью. Мама тоже не спит, Оля знает – она вообще перестала спать с Олиного увольнения, только тихо лежит ночь напролет, думает о своем. Но мама не приходит раньше половины восьмого, может ей нужно время додумать свои мысли, может не хочет волновать Олю своей бессонницей. Позже всех встает Кирюшка, он может проспать и до девяти, и до десяти, как будто не голодает, и свет из окна тоже не способен ему помешать. Так вместе завтракают – Оля кормит Кирюшку, если он просыпается вовремя, или едят с мамой вдвоем – молча. А о чем говорить?

После Оля ищет работу: звонит по объявлениям, просматривает свое предложение поработать репетитором – никто не откликается. Уже поздно, все, кто хотел, занимаются с начала года, и в штат в начале четвертой четверти никто конечно же не требуется.

– Приходите летом, Ольга Дмитриевна, мы вас тогда с удовольствием возьмем, а сейчас сами знаете – в середине года кого-то встраивать...

Оля знает, но методично и упорно каждый день звонит, пишет, приходит лично.

Бестолку.

— Пойду я, мам, хоть кассиром в магазин, – говорит Оля, и мама молча кивает, глядя в одну точку. Никогда она, конечно, не думала, что у нее, женщины, отдавшей жизнь работе с книгами, образованию людей, повышению уровня грамотности в стране, дочь будет работать кассиром в супермаркете. Но ведь все лучше, чем ничего.

Все пережили, и это переживем.

Но в магазин Оля так и не устраивается, Оля и туда не подходит – опыта нет, а желающих много, Олю еще научить нужно, а тут вот тебе, пожалуйста, молодые девки, быстрые, шустрые, уже всему наученные – готовый сотрудник, садись да работай.

И снова ночь, а затем утро, Оля встает в шесть, ждет до семи, заря, мутная и блеклая, занимается над домами, рассветает в полную силу только к девяти. Оля готовит завтрак, ест молча, и садится искать работу. День за днем, круг за кругом.

Олю выбросили. Выбросили из жизни, стерли ее место, удалили клеточку. Оле некуда приткнуться, Олю не ждут, не ищут.

Оля не знает, что делать.

Когда становится окончательно ясно, что поиск работы затянется надолго, а деньги подходят к концу – от Андрея по-прежнему никаких вестей – и нужно что-то решительно делать, мама подходит к Оле со свёртком в слабых дрожащих руках.

– На вот. Отец в войну все продал и на еду выменял, чтобы нас, детей своих прокормить. От только и осталось от его имущества. Дети дороже, нам есть надо, а память и так сохранилась.

Оля берет из материнских рук сверток и мать уходит, не дожидаясь, когда Оля развернет подарок.

Под тканью, бережно укутанный, свежеччищенный, черный и блестящий, лежит дедов военный пистолет.

Глава 55 Юлечка

– Ты куда так вырядилась? На улице зима скоро, а ты с голыми коленками, хочешь без детей остаться?

Юля молча вздыхает, тупит взгляд, упрямо оправляет юбочку, едва прикрывающую худые коленки в капроновой сетке колготок.

– Мне не холодно.

Мама качает головой, и украдкой улыбается. Юля успева-ет заметить изгиб губ до того, как мама отворачивается.

– Все для Никиты своего стараешься? – Юля не отвечает, но ей и не требуется, мама машет рукой: – Молодость, ничего, и не такие подростковые годы вынести могут, иди, но отец что бы не видел! Замерзнешь – сама будешь виновата.

Юля поправляет тугие косички, придирчиво смотрит в зеркало – все ли в порядке? Юля никогда не бывает собой довольна, особенно теперь, когда Никита...

Юля упрямо трясет головой и косички – черные, масляно блестящие на свету, бьют ее по спине как хлысты. «Не думай об этом», – строго приказывает она себе.

Никита уже ждет ее на лавочке. Смотрит в телефон и смеется: очередной «ржачный видосик». Юля подходит тихо, и он ее еще какое-то время не замечает.

– Привет, – говорит Юля, и Никита, не отрываясь от экрана, бормочет в ответ:

– О, Юльчик, привет-привет, погнали?

Они идут на вечеринку к одному из Никитиных друзей. Вечеринкой эти междусобойчики можно назвать с большой натяжкой, но Юля покорно вторит Никите и его многочисленным приятелям. На «вечеринке» будут много курить, пить вонючее, дешевое пиво и энергетики, слушать странную музыку с матами и обсуждать «телок» и «тачки». Юля ненавидит «вечеринки», но очень любит Никиту, а он каждый раз хвастается ею, точно купил в магазине – последнюю модель, самую лучшую. Юле надо только молчать и изредка улыбаться, а можно даже и не улыбаться, достаточно одного ее присутствия, факта существования для того, чтобы Никита прослыл крутым пацаном и кобелем. В этом и заключается функция Юли – она украшение «вечеринки» в самом буквальном смысле.

Никита идет молча, глядит в экран, изредка прыская и хмыкая.

– Видала этого придурка? Он на камеру ест всякую гадость. Я б никогда так не смог.

Юля молча кивает.

– Прикинь, он жука навозного ел, вот это кринж.

Юля снова кивает – ей не нужно отвечать, ей нужно просто идти рядом.

Юля искоса глядит на телефон – тот самый, который она купила и собственноручно вручила Никите. Не так она представляла эффект от подарка...

Юля оправляет юбочку на заиндедевевших коленках, столько стараний, а Никита даже не взглянул. С тех пор как он узнал, что есть и другие девушки – красивее Юли, худее, те, что смеются громче, с кем тусовки веселее – Юля как будто утратила свою ценность. Исчезла. Поблекла в глазах Никиты. Они это не обсуждали, но Юля чувствовала: он ее больше не видит, не гордится, не восхищается. Из Юлечки – бриллианта, одной единственной на всю школу, район, город, она превратилась в Юлю, одну из сотен если не тысяч. С кем он общается по ночам? Юля видит, когда Никита бывает онлайн. С кем ему интересней чем с ней? Почему он не пишет ей, ведь она тоже в сети, не спит, специально ради него, ждет, что он напишет... Но нет.

Юлечка злится и при этом ей больно. Больно, как будто ранили, больно почти физически. Каждый день она выискивает в зеркале недостатке – что с ней не так? Что Никите не нравится? Слишком толстая? Нос широкий? Ноги кривые? Если бы всю ее взять и стереть, как ластиком, и нарисовать заново: маленький носик, большие глаза, талию тоньше, тогда-то бы он посмотрел наконец на нее снова?

Почему он ее не бросит наконец? Зачем она ему? Безмолвная декорация.

Почему она его не бросит?

Нет, это немислимо, Юлечка скорее заморит себя голодом, чтобы стать как те модели из телефона, чем бросит Никиту, он – единственный. Нет второго такого, она за ним на-

всегда, что бы не случилось, и даже если он однажды попадет в аварию и ему отрежут ногу, и все равно Юля останется, будет любить его еще сильнее. И даже почку ему отдаст, да, несомненно. Юля любит. Самой сильной, самой сладкой первой любовью. Той, которая не повторится. Юля читала – второго такого чувства уже не бывает, в сердце что-то перегорает после такой любви – потеряешь ее и никогда уже такого не почувствуешь.

А как без этого жить? Как жить, если не разрывается сердце? Если не хочется кричать и плакать от боли и радости? Если сердце не бьется, как бешенное, и не потеют ладошки от одного взгляда... Как без этого жить?

И Юля идет молча, и дышит одним с Никитой воздухом, и касается его своим запястьем, а затем ее рука змеей заползает в его карман, в тёплое гнездо его ладони, и Никита сжимает ее холодные пальцы.

Такая жизнь выносима. Такую жизнь Юля может принять.

Глава 56 Оля

Идти с оружием в сумке Оле очень странно. Тяжелый пистолет оттягивает ручки вниз свинцовой тяжестью. На душе у Оли еще тяжелее. Оля идет медленно, то и дело озираясь по сторонам. Оле кажется, что у нее на лбу ярмом написано, что идет она с оружием, и идет совершать преступление... Преступление против памяти и семьи.

За прилавком антикварной лавки все тот же престарелый мужчина, они с Олей мгновенно узнают друг друга.

– О, это вы, вернулись все-таки. Что у вас там было? – антикварщик щурится, припоминая их с Олей первую встречу. – Помнится оружие времен Великой отечественной?

Оля молча кивает и робко выуживает из сумки дедов пистолет. Он пахнет смазкой и холодным металлом – какой-то чужеродной стылостью, пороховой горечью, чьей-то старой смертью.

Оля кладет его на прилавок и молча смотрит на его поскрипывающий под лампами корпус. Антикварщик надевает на нос смешные очки с выпуклыми, толстыми линзами и включает фонарик.

– Посмотрим, пули есть?

Оля кивает, достает из сумки и пули.

– Мы его чистили каждый месяц, но никогда не заряжали, – признается она, – комплект пуль тоже еще с войны.

Антикварщик кивает, задумчиво вертя пистолет, препарировав его взглядом. В его руках, покрытых сеткой морщин, увитых толстыми венами, но по-прежнему сильных и крепких, без дрожи в пальцах, пистолет смотрится на своем месте. Его холодный тяжелый корпус кажется легким и неопасным, как игрушечный пистолет в руках мальчишки. Ловко щелкает курок, пустое тело барабана отправляет в смертельный полет несуществующую пулю. Антикварщик поднимает пистолет и целится в старые часы с золоченым циферблатом безмятежно отсчитывающие мгновения на стене. Затем достает из коробочки одну пулю, и загоняет внутрь – все работает гладко.

– Что ж, механизм рабочий, идет немного туговато, но это легко исправить. Думаю, за него можно смело предложить хорошие деньги. Тысяч 50 будет ценой честной, модель довольно распространенная. За комплект пуль могу добавить еще тысячи 3. Как вам?

Оля стоит, ошеломленная. На эти деньги они с Кирюшкой и мамой худо-бедно протянут несколько месяцев, сейчас эта сумма в прямом смысле может спасти Кирюшкину жизнь, и все же...

И все же Оля не спешит согласиться. Черное отверстие дула глядит Оле с прилавка прямо в сердце – Олино сердце и без пуль разрывается, но этот пистолет... Мать пронесла его, сохранила через все годы перестройки, голодные девяностые, через все беды и кризисы, нищету и дефолты – все-

гда эта память для нее была дороже еды и денег, дороже и превыше всего на свете, и вот, Оля отдаст ее, попрет и уничтожит за один миг, из-за своей же собственной глупости продаст реликвию их семьи.

Оля аккуратно берет пистолет с прилавка и кладет обратно в сумку.

– Вы знаете, я подумаю, хорошо? Все-таки память... – бормочет Оля и пятится к выходу.

– Смотрите, больше никто не даст, цена честная, хоть весь город обойдите. И еще, вы аккуратней, у этой модели нет предохранителя, а там у вас пулька сидит, бережнее с ним, бережнее., и пульку выньте, не забудьте

Оля кивает и выходит из магазина, хватая ртом свежий бодрящий февральский воздух. Пистолет приятно оттягивает Олину сумку, и Оля крепче прижимает ее к своему боку.

Пока Оля еще может что-то сделать, пока у Оли есть силы бороться и барахтаться – пистолет останется здесь. Оля будет сильной, и со всем справится – так она решает. И с тяжелым сердцем, но чистой совестью Оля достает из сумки телефон.

Глава 57 Оля

– Никита? – Оля говорит в трубку тихо, сама не зная, кого боится на улице. – Это Ольга Дмитриевна Хтонова, Никита, ты извини, что я тебя беспокою, я на счет твоего предложения о видео, помнишь, ты предлагал снять для твоего канала?

Никита секунду молчит в трубку – то ли не узнает Олю, то ли не помнит о предложении. При мысли, что Никита пошутил или забыл уже о сказанном, Олино сердце сжимается в страхе.

– Да, Ольга Дмитриевна, помню, если вы опять мне морали читать хотите, то я занят и мне иди надо...

– Нет, нет! – поспешно заверяет его Оля. – Я совсем не поэтому, я... Никита, в общем, я, пожалуй, согласна.

Никита снова молчит, и Оля мучительно ждет его слово – слово мальчишки, которое сейчас определит ее судьбу. И как бы ужасно это ни было, как бы мерзко и унижительно, но Оля отчаянно желает, что бы Никита сказал ей да.

– А вы уверены? – спрашивает Никита и что-то меняется в его тоне. Он как будто предлагает Оле не видео снять, а попробовать наркотики на школьной вечеринке. Такой это серьезный и вместе с тем настороженный голос, в котором Оля все же различает самодовольство и удовольствие.

Поймал ее, заманил в капкан, и вот она, трепыхающаяся в

его руках – знает, что все кончено, и потому не дергается, не убегает. И Никита, и Оля знают, что Оля в отчаянье, и идти ей больше не к кому, иначе бы не звонила.

– Да, Никита, я все обдумала, мне бы только... объяснить, что конкретно от меня требуется?

Оля идет домой медленно, зыбкий мокрый снег как будто тяжестью налипает на Олины сапоги, не давая передвигать ноги. Пистолет оттягивает сумку вниз, и Оля вся чувствует себя какой-то тяжелой, сторбленной, старой, налитой неподвижной отечностью. Ничего особенного снимать Оле не нужно, всего-то какую-нибудь сценку с Кирюшкой – посмешнее. Например, как он пугается телевизора, надевает на голову свою кастрюльку и воет, покачиваясь, как буюк посреди штормового моря.

Посмешнее.

Оле никогда не было смешно глядеть на Кирюшку, ни единого раза Оля не улыбалась, глядя как ее сын страдает ни за что – без провинности, без права на апелляцию, страдает пожизненно и беспочвенно. Оля видела в эти минуты только ребенка, которому хочет, всей душой хочет и никогда не может помочь. Все эти его ужимки, крики, кастрюльки, жесты, солнечные зайчики, которых он упорно пытается поймать, как живых – так же, как ловят кошки – что это, если не горе, не мучение, не агония ее и единственного, ее родного любимого сына. Кто же станет над этим смеяться? Кому это может быть смешно?

Оля не верит, что есть на свете люди, которые будут смеяться над ее мальчиком, которые смеются над Витей, которые смеются над болью и бедой. Но они есть. Никита живое тому доказательство – неопровержимое. Оля думает о Никите как о мальчике, и все больше понимает, что Никита стал для нее чем-то иным: не ребенком, играющим со страшными игрушками, сам того не понимая, не запутавшимся неопытным человеком, не изнеженным возрастом мальчиком, которому еще не известны ни настоящая боль, ни горе, и потому он не может им сострадать и сочувствовать, нет... Никита стал чем-то иным для Оли, чем-то холодным и мерзким, чем-то страшным и опасным, вызывающем в Оле первобытный трепет, которому она не знает имени. Никита стал для Оли лицом всего молчаливого, безымянного зла, скрывающегося за аватарами, никами, дурацкими картинками, зла самого страшного, потому что у зла этого нет тела, семьи, любви, сердца – нет души.

И все же, и все же Оля должна. И Оля идет и знает, что, когда придет, она возьмет свой телефон и сделает все, что Никита сказал ей, и возьмет его деньги и будет рыдать и есть их, жить их, существовать на них. И Кирюшка тоже – Кирюшка, который никогда не узнает за какой страшный счет получает по утрам кашу и свои таблетки, и радуги на стенах, и солнечных зайчиков.

Нет. Все не так страшно. Все не может быть так страшно. Это Оля себе надумала, накрутила. Верно Дашка говорит –

Оля морализатор, видит все в двух цветах – в черном да белом. Это Оля конечно зря разошлась, ничего на самом деле не происходит страшного. Это всего лишь видео, и Кирюшку – ее Кирюшку – они не знают. Они его не рожали, не вскармливали, не сидели с ним у врача, не узнавали диагноз. Их мир стоял ровно, пока Олин переворачивался. Для них вещи и события остались значимыми, в то время как для Оли все потеряло смысл.

Они не знают, им просто неоткуда знать, над чем они смеются – всего лишь милый карапуз с кастрюлькой на голове, боится телевизора, ну разве это не забавно? Ну разве не смешно? Это всего лишь одно мгновение из целой жизни безымянного малыша – набора пикселей.

Нет, решительно ничего в этом нет такого уж страшного.

Глава 58 Оля

Утром воскресенья Оля просыпается задолго до будильника. Открывает глаза и таращится в темноту, в ожидании звоночной трели, или пока кто-нибудь из домашних не подаст голос. Но все тихо. Кирюшка спит крепко, сон – это вообще единственное место, в котором Кирюшке хорошо. Оля давно заметила, как неохотно Кирюшка вылезает из сновидений, как не любит утро и как радуется наступлению ночи и тьме. Днем все в этом мире к нему враждебно, все несет угрозу или неприятности, а что там, в его снах, Оле неизвестно. Какой он – идеальный Кирюшкин мир? Есть ли там она, в этом мире? Или там нет вообще ничего кроме радужного света и тишины? Оле никогда, наверное, не узнать, а может быть все же маленький шанс, ведь так говорят врачи, что Кирюшка подрастет и все же начнет говорить и даже выражать свои мысли. Оля знает, что Кирюшке не писать поэм и даже не складывать сложноподчиненные предложения, но хотя бы простые, дробленные на фрагменты мысли, он выражать сможет. Так говорят врачи. Так верит Оля.

Оля дожидается, пока не встанет мать, Оля хочет, чтобы сегодня мать встала первой – так обычно бывало по воскресеньям, когда в Олиной жизни все еще было нормально. Тогда – в нормально – воскресенье было Олиным днем. Днем, когда Оля не работает, не встает раньше всех, когда Оля не

делает уборку, не стирает, не ходит за покупками по всем магазинам города чтобы закупиться еще на неделю. В воскресенье Оля только играла с Кирюшкой, развивала его и делала что-нибудь для себя: смотрела фильм, читала книгу, иногда вечером – в театр.

И, наверное, это был день Олиной матери тоже. Ведь это был единственный день, когда мама не была привязана к Кирюшке невидимой веревкой, сплетённой из тревоги, любви и долга. В этот день мама уходила в первой половине и не возвращалась до вечера. Где она была, чем занималась, Оля не интересовалась – потому что как никто понимала, что человеку иногда жизненно необходимо быть одному и заниматься чем-то своим – личным, пустячным или важным, и ни с кем на всем свете этим не делиться.

Так, например, Оля сидит по вечерам в классе, глядя как садится короткое зимнее солнце. Так спасается и мама, просто исчезая из их общего мира на пару часов, а затем возвращаясь и ничего не рассказывая.

Может быть, она гуляет по парку, может, ходит в торговый центр и мерит вещи, которые никогда не купит, потому что дорого или возраст уже не тот, может, ездит на могилу к отцу. Может, все это понемногу вместе.

Мать встает в начале восьмого, медленно поднимается стараясь не кряхтеть и не охать. Бесшумно прикрывает дверь в ванную и пускает тонкую струйку воды по краю раковины – что бы та не шумела. Так почти не издавая звуков умыва-

ется. На кухне кипятит чайник, снимает его с плиты, прежде чем засвистит, заваривает себе кашу из пакетика и чай, молча завтракает.

Когда мать почти заканчивает завтрак пора вставать и Оле, в это время она обычно поднималась по воскресеньям.

Оля встает, на цыпочках крадется в кухню, зевает и потирает глаза.

– Доброе утро – шепчет Оля, и мать кивает, продолжая жевать и глядеть в одну точку.

– Ну, как ты сегодня, куда-то собираешься? – интересуется Оля, стараясь звучать обыденно, буднично. Мать пожимает плечами:

– Толку-то, ты дома, я как-то и не устаю. Можно и не ходить никуда, наверное.

– Мало ли, я дома, я ведь всю неделю мотаюсь по беседам, иди, отдохни от нас.

Мать хмыкает и машет рукой.

– Скажешь тоже, отдохни.

Оля садится напротив, наливает себе чай, льет его в себя, как в пустой сосуд – так Оля ощущает. У Оли нет сил говорить и что-то придумывать, играть в нормальность и искать предлоги выпроводить мать. Оля устала – сама не знает от чего, но как будто все силы из Оли высосали. «Не уйдет и не уйдет – значит не судьба, значит не надо этого, может оно и к лучшему», – решает Оля.

– А может, это ты от меня отдохнуть хочешь? – спраши-

вает мама, и Оле делается обидно и больно.

– Нет мама, мне с тобой хорошо, – отвечает Оля бесцветным безжизненным голосом.

– Ой, – снова хмыкает мать и машет рукой, – ладно уж врать-то, хорошо ей.

Оля не отвечает. Нет сил.

Мать молча пьет чай, закусывая посахаренной сушкой. Никогда Оле не понять этой любви к сухарям, которую мать пронесла через всю жизнь, еще из поствоенного СССР.

– Ладно уж, пойду сегодня по делам, – словно бы уступает мать, как будто знает откуда-то об Олиных планах.

– По каким, – спрашивает Оля впервые за всю их совместную с мамой жизнь, просто что бы что-то сказать.

Мать пожимает плечами:

– Квитки вот оплачу, на рынок загляну, к Томарке зайду, она совсем уже больная, ноги не ходят, проведу ее, пока жива и в памяти.

Оля кивает и мать встает и идет к шкафу что бы переодеться. Оля никогда не думала, что в свои выходные мама оплачивает квитанции и навещает умирающих подруг молодости. От этого Оля становится совсем пустой и гулкой как стеклянная вазочка: забыли налить воды, поставили на полку пылиться и стариться, и в один день ее нечаянно заденут и уронят на паркет, а на завтра уже и не вспомнят, что такая была и занимала свое место.

Наконец уходит мать только в начале десятого, и Оля вы-

дышает. Есть целый день что бы заняться своими планами. Пистолет так и лежит в Олиной сумке, маме Оля ничего не рассказала – так он там и останется, пока Никита Оле не заплатит, а там Оля соврет, что выкупила, как кольцо. А пока – Оле надо заработать.

Оля берет свой телефон и долго ищет, куда бы его поставить, чтобы все было видно, и не падал, и не дрожал. В итоге Оля вставляет его в маток скотча – идеально. Уместив телефон на полку шкафа, Оля аккуратно подступает к Кирюшке. Он играет разноцветными пирамидками в косых лучах золотого солнца, Кирюшка хлопает по простыням руками и глядит как из одеялка вихром взвивается столбик пылинок, и как они кружатся, перемигиваясь в солнечном свете. Его волосы горят янтарем и весь он такой спокойный, такой счастливый в это утро. Оля отворачивается, не в силах смотреть, до боли сжимает переносицу.

«Не реви. Не на войну идете».

Оля берет пульт от телевизора и включает первый попавшийся канал. Кирюшка замирает и как зверь, услышавший хищника, весь сжимается. Оля вдавливая кнопку звука, и шум за ее спиной – галдеж звезд, смех, пение в рекламных вставках – нарастает как лавина. Кирюшкино лицо кривится, он в панике шарит руками по манежику в поисках спасительной кастрюльки и тут же начинает плакать.

Глава 59 Оля

Оля засняла все. Целый день она пыталась Кирюшку самыми изощренными методами. В конце он, изможденный, забившийся в угол манежика, дрожащий, лежит как холмик, укрывшись с головой одеялом. Он уже не плачет и не кричит, только молча ждет неминуемого. Оля так же молча собирает разбросанные по комнате вещи, сметает осколки, отмывает стены. По их дому прошел ураган, нет – по их жизни.

По их маленькой, тихой, даже можно сказать счастливой жизни. Да, только теперь Оля поняла, что была раньше счастлива. Она и не представляла себе, что это возможно – ей быть счастливой, в ее заболоченной рутине, залитой золотым солнцем, радужным бликами и тишиной. Сейчас Оля стоит на руинах этого ее чудесного мира, и единственный его житель растерзан, замучен до полусмерти. Оля не смотрит на Кирюшку – она боится. Дастся ли он ей снова? Пойдет на руки? Позволит себя подержать, погладить волосы, вдохнуть запах?

Оля, не отсматривая, отправляет видео Никите. Там много – пусть сам выберет. После уборки Оля моет руки, и снова, и снова, по нескольку раз, тщательно, каждый палец, каждый ноготь, по кругу пока руки не начинают болеть. И все равно они грязные. Оля на себя не смотрит.

Закончив, Оля достает из самой глубины шкафчика плит-

ку шоколада и отламывает большой кусок. Кладет на тарелочку, а тарелочку ставит в манеж, садится напротив и ждет. Дрожащий холмик не движется – одеяло не сползает.

– Кирюша, – ласково зовет Оля, – Кирюша, на-на-на, – бестолку.

Оля оставляет блюдечко с угощением лежать, дожидаться, вообще-то Кирюше нельзя, но Оля не может не смиловаться, не треснуть по швам, не дать себе шанс на прощение. Кто ее должен простить? Кирюшка? Вряд ли он что-то понял. Сама Оля? Оля давно себя ни за что не прощает.

Телефон вибрирует – сообщение от Никиты:

«Ок, супер! Много сняли, Ольга Дмитриевна, может и два видео смонтирую! Гонорар, как обещал, скину».

Смс о причислении средств приходит Оле через минуту. Оля успевает заметить сумму и успевает тут же понять, что ей все равно. Никаких денег не стоит то, что она сделала.

Оля садиться на пол, прижимается спиной к решетке манежика, закрывает лицо руками. Оля думает о Сонечке Мармеладовой – когда-то в подростковом возрасте, когда Оля впервые читала «Преступление и наказание», Оля терпеть не могла Сонечку. Ее от Сонечки тошнило, ведь мечтательной и романтической Оле ничто не казалось таким святым и правильным, как честь и гордость.

«Дешево стоите, Ольга Дмитриевна», – шепчет Оля.

Глава 60 Оля

– Дашка? Даш? Ты меня слышишь? – Оля выглядывает из ванной, мать возится с постельным бельем и вроде Олю не слышит.

– Оль? Ты чего шепчешь?

– Я не могу громко, Кирюшка спит, – машинально врет Оля, и сама удивляется, как это быстро и ловко стало у нее получаться, еще и подумать не успела, а уже соврала.

– У тебя случилось что-то? – волнуется Дашка. – Сто лет не звонишь, не пишешь, как дела-то у тебя хоть?

– Нормально, нормально, – опять врет Оля и осекается, – нет, Даш, по правде, не нормально, совсем, я кое-что сделала.

– Что сделала? – зачем-то тоже шепотом спрашивает Дашка.

– Я... Даш, разговор не телефонный, может встретимся?

– Приезжай, конечно, – соглашается Дашка и тут же испуганно добавляет, – Оль ты там никого, ну это, не того?

Оля возмущенно супит брови, но в следующее мгновение заливается хохотом.

– Чего раскричалась? Кирюшка уснуть пытается! – тут же шикает из комнаты мама. Оля машет ей рукой и виновато улыбается.

– Даш, ну ты придумаешь конечно ей Богу. Я приеду сей-

час, подожди.

Оля только на остановке успевает подумать, что трамвай, наверное, уже последний, а если не последний, то скоро точно будет самый последний идущий в депо трамвай – и как ей теперь возвращаться от Дашки домой? И вина уже не купить, и фруктов, так Оля и едет – почти одна в пустом трамвае с пустыми руками и пустотой в сердце. Кроме как к Дашке Оле ехать решительно не к кому, а Оле, видит Бог, очень нужна помощь.

Дашка встречает Олю встрепанная, взвинченная Олиным страшным секретом. Пахнет фруктовым чаем и печеньем. Дашка суетливо раздевает Олю: вешает ее пуховик, задвигает под полку сапоги, уносит на кухню сумку.

– Садись, садись, вот печенье, я на скорою руку напекла, бери, магазины-то уже закрыты.

Оля стыдливо ерзает на стуле, виновато жует печенье. Дашка молча смотрит на нее – ни о чем не спрашивает.

– Даш, мне очень деньги нужны были, – сразу оправдывается Оля, – я не знаю, насколько это плохо, ты мне скажи, очень плохо? Я плохая мать, да? Плохая мать?

Дашка машет руками и трясет головой – от этого ее кудряшки смешно скачут как пружинки.

– Давай по порядку Оль, что плохо? Что ты сделала-то в конце концов? Кирюшку цыганам продала что ли?

Оля хихикает, то ли от нервов, то ли от того, как давно не видела Дашку и как сильно скучала по ней. А почему она

не видела Дашку? Кто кому должен был позвонить? Оля не знает.

Она достает из сумки телефон и переходит на страницу Никиты. Молча включает видео и отдает Даше.

– Это мой секрет, – шепотом поясняет Оля и отворачивается. Не может смотреть, хоть и смотрела миллион раз уже и каждую секунду наизусть выучила, каждый звук, каждое мгновение врезались с болью в ее память.

Дашка глядит на экран, не моргая и не дыша, как будто смотрит на автокатастрофу – не может ни помочь, ни остановить это, ни оторваться. Когда видео кончается ни Оля, ни Даша не двигаются, не говорят – никаким образом не подают виду что «это» наконец кончилось, и теперь жизнь снова покатится дальше, только по-прежнему уже не будет.

Оля ждет Дашкину реакцию, как приговора, ведь если Дашка ее осудит, то нет на свете человека, который не кинет в Олю камень.

– Оля, – выдыхает Дашка, и тут же обнимает Олю, прижимает ее голову к груди, гладит Олины волосы, и Оля уже не чувствует, как плачет, не слышит свои всхлипы и причитания, не замечает, как намокшая Дашкина блузка льнет к Олиным щекам – Оля прощена. За все прощена.

– Оля, Оленька, милая, ну зачем ты? Ну почему не позвонила? Я б тебе дала, все что есть дала, ну Оля, ну зачем? – тоже плачет Дашка и гладит Олю, и так это Оле больно, и так хорошо.

– Я сама должна была, – тихо говорит Оля, – мой сын, понимаешь? Ничей больше, ни Андрея, ни мамин, мой – я сама должна была.

– Он в порядке? – спрашивает Дашка, и Оля пожимает плечами и качает головой.

– Я не знаю.

Кирюшка вылез из-под одеяла, поел, не плакал, но от Оли отодвигается как-то бочком, по крабьи, как будто хочет одновременной отойти и держать ее в поле зрения – как опасность. С мамой ведет себя тихо, но на радуги больше так не реагирует, не смеется, не улыбается. В нем как будто умерла радость.

Оля все это рассказывает Дашке и не верит, что говорит это. Да она б себя еще месяц назад убила бы, а теперь вот...

– Ничего Оль, он оправится, он забудет. Такие детки даже легче оправляются чем другие, вот увидишь.

Оля кивает, готовая всему поверить, как будто святой обещает ей спасение. Дашка отпускает Олин грех – как человек, как психолог, как женщина.

– Значит, работу не нашла? Я-то думала ты затихла, значит наладилось все, устроилась куда-то, осваиваешься. Надо было позвонить тебе, расспросить, но я мешать не хотела пока ты осваиваешься.

Оля качает головой:

– Плохо пока все с работой. Но я найду, этого больше не повториться.

– Н-да, – вздыхает Дашка, – мы-то все ладно, мы-то как-нибудь оправимся, отряхнемся выживем. А вот с Никитой что будет, я не знаю.

– А что ему будет? Он, по-моему, как раз таки счастливее всех. Все у него хорошо.

– Это тебе кажется, что хорошо, но, если человек настолько внутри черствеет, что готов человеческое несчастье на рынке разливать по бутылочкам, это никогда хорошо не кончается.

Оля пожимает плечами, но сама Дашке не верит. Когда так было, чтобы зло наказывали?

Глава 61 Оля

Звонок раздается в половине девятого – очень рано для хороших звонков. Оля хватается трубку сразу же – вдруг это с работы, вдруг наконец-то для Оли нашлось место.

После зачисления средств от Никиты Оля выдохнула и успокоилась. Первым делом купила в аптеке лекарств Кирюшке с запасом, что бы не изводить себя мыслями всякий раз, выковыривая из пачки последнюю таблетку. Теперь хоть голод, хоть чума, ребенок ее будет здоров, а уж на кашу Оля как-нибудь да найдет. Оля даже на время перестала просматривать сайты и проверять ежедневно свои собственные объявления – дала себе перевести дух. И так хорошо Оле в эти дни – отпустило виски, больше их не стискивает невидимая рука тревоги, с Дашкой Оля стала созваниваться каждый день, она даже приходила посмотреть Кирюшку и сказала, что он оправляется, и скоро и следа не останется, ни единого шрамика на тонкой пленке его психики. А тут – звонок, кто его знает, может сейчас все наладится? Наладится окончательно, и Оля даже сумеет забыть, и даже возможно простит себя?

– Да, я слушаю, – выпаливает Оля нарочито бодро и радостно.

– Оля? Оль, это ты?

Оля вздрагивает, молчит, не понимает радуется ли, злится

ли. Сердце в мгновение сжимает тоской – так оказывается скучала.

– Леня, я ведь сказала уже все, не звони мне...

– Да подожди ты, подожди, я не поэтому, я... Оля, неужели это ты была?

– Где? – не понимает Оля.

– Ну там, в интернете, на том видео?

Оля не отвечает, и Леня все понимает без слов:

– Господи, Оля, ну как же ты могла? Как ты допустила это? Я поверить не могу, позвонил даже, потому что смотрю – ты, а поверить не могу! Оля, ну скажи ты, ради бога, зачем?

Тоска в Олином сердце смерзается в лед, в корку, в броню, в невыплаканные еще слезы.

– А ты сам как думаешь, Леня? – спрашивает Оля голосом далеким и чужим, холодным, совсем не Олиным.

– Заплатили тебе что ли? Оля, ну так же нельзя! Что бы ни случилось нельзя этого!

– А как можно, Леня? Мне сына кормить надо и мать пенсионерку. За квартиру платить, за лекарства. Я что должна была сделать? На трассу ночью выйти?

– Зачем на трассу? Чего ты утрируешь, ты же взрослый человек, Оля! Ну могла бы ко мне прийти, на худой конец, или что, гордость тебе не позволила?

Оля вздрагивает как от пощечины. Как он может так ей сказать? Ей – матери? Неужели бы Оля перед чем-нибудь остановилась? Неужели есть в мире хоть что-то, что Оля ра-

ди Кирюшки не сделает, не стерпит, не вынесет? Да она одна каждый день тащит на себе ад этой жизни, молча, никого не обременяя только ради него одного, ведь если Оля сломается – кому он, Кирюшка? Если Оля пожалуется, кто ее поймет и подхватит? За ней никого нет, вокруг никого нет, как Оля одинока, Господи Боже мой, неужели горе всегда такое одинокое? И это ведь Леня – Леня, у которого в жизни не было никаких бед кроме скуки и праздности, сейчас как подачку швыряет ей свою постель и деньги и говорит про гордость!

Оля закрывает глаза, пальцы впиваются в пластик трубки. Оля умает о сигналах, бегущих сейчас по проводу в стену и там дальше по линиям прямо к Лениному уху. Вот бы самой по этим кабелям до него дотянуться, посмотреть на него, задушить его этим проводом, рассказать все Ирочке – показать, с кем она делит жизнь, кто воспитывает ее девочек! А так, как Леня поступает со своими детьми, разве можно? Как Оля ненавидит Леню, и всех вообще ненавидит за их лицемерие, за глупость, за привычку судить тех, кто внизу, со своих высоких, поближе к солнцу мест.

– Ты как его вообще нашел, это видео? – спрашивает Оля, и голос ее неожиданно спокоен, собран.

– Как нашел? А ты давно вообще в интернет заходила? Оно вирусное, Оль, твое лицо теперь каждая собака знает, спасибо, ума хватило тебя особо не показывать, но Кирюшка! Его теперь попробуй не узнать. Он мне снится, Оль, будет, ты это понимаешь?

Оля крутит провод на палец и думает не о том. Думает она почему-то о Вите, и о том узнают ли Витю на улице. Никита как-то сказа, что да – что Витя звезда, и к нему даже подходят на улице.

Подходят на улице – теперь и Олю это ждет? И что говорят Вите его «фанаты»?

А что скажут ей? Оле никогда, наверное, не объяснить уже, что она не сделала ничего плохого. Навсегда на ней теперь повиснет клеймо, на всю жизнь. Какая теперь работа? Кто допустит ее к детям?

«Господи!» – думает Оля и с размаху швыряет трубку на рычаг, а затем снова и снова, телефон жалобно тоненько тренькает, крошится в Олиных пальцах, отчаянно режет ее осколками в последней своей попытке спастись. Оля отрывает круглый дисковод, выкорчевывает пеньки цифр, долбит трубкой о стену, о стол, затем уже просто ладонями колотит все подряд, не разбирая: тут и книги, и рамки с их с Кирюшкой фотографиями, и Олины дипломы на стенах, и рабочие методички – все уничтожить, все сжечь, в яростном последнем Олином пламени на Олиной полыхающей жизни.

Надо звонить Никите, писать Никите, надо удалить это видео!

Оля шарит среди обломков в поисках мобильного, может и его она тоже в стену, и даже не заметила? Нет, нет, он в сумке, цел, ни царапины. Дрожащими пальцами Оля скользит по буквам, ошибается и не видит – все расплывается.

«Удали видео, я верну тебе деньги! Это была ошибка, ошибка! Удали, Никита, прошу тебя!»

Глава 62 Оля

Леня еще звонит ей, пишет, теперь уже на мобильный – не важно. Оля ничего не читает, не берет трубку. Сообщения приходят часто, не только от Лени, Оля мельком замечает имя Андрея, но вряд ли он впервые за месяцы звонит ее чем-то порадовать. Оля сидит и ждет одну единственную смс – от Никиты, но он то как раз Оле не пишет ни слова.

Оля обновляет страницу, каждый раз надеясь не увидеть там ни себя, ни Кирюшку, но чертово видео каждый раз там.

Мама возвращается с Кирюшкой с прогулки и видит разбитый телефон, осколки стекол из фоторамок, клочки и обрывки книг – вдребезги уничтоженную Олю. Оля сидит, поджав к груди ноги, укутавшись в плед, опустив голову. Сидит не мигая, а рядом разрывается мобильник.

Мама говорит что-то, даже кричит, наверное, но Оля словно не слышит. Кирюшка ножками хрустит по осколочкам, и мать торопливо уносит его – хорошо был еще в ботиночках. Через полчаса мать бросает попытки добиться от Оли хоть чего-нибудь, молча убирает осколки, выбрасывает искореженный телефон, рамки, книги, бережно достает фотографии, гладит их, как раненых птичек с подбитыми крыльями, жалеет их, стопочкой кладет в ящик – поглубже, чтобы Оля не добралась.

Надолго уходит на кухню: кормит себя и Кирюшку, затем

Оле выносит стакан – пахнет противно – с лекарствами.

– На вот, пей.

Оля пьет машинально, одним большим глоткой, не ощущая вкуса.

– Расскажешь теперь?

Оля молчит.

– Может скорую?

Ни слова.

Мама машет рукой, уходит с Кирюшкой в кухню читать сказки и светить на стены радугами.

Оля сидит в тишине, в темноте, пока за окном медленно садиться солнце. В окне напротив что-то мигает, но Оля и не замечает как будто. Мать пару раз подходит, трогает Олин лоб – не горячий.

Андрей снова присылает смс – Оля не читает.

Когда в комнате повисают совсем уже густые ночные сумерки, экран Олиного телефона озаряется белым светом – смс от него! От Никиты!

Оля дрожащими пальцами открывает, телефон трясется, буквы прыгают:

«Ольга Дмитриевна, добрый вечер. У нас с вами был договор, я свои условия выполнил, все честно. Жаль, что вы передумали, но это не деловой подход, согласитесь. Мы же с вами все заранее обсуждали, вы убеждали, что уверены. Что сделано то сделано! Хорошего вечера, Никита.»

Глава 63 Витя

Витя медленно раздевается, медленно не потому, что не может быстрее, а потому, что не хочет. Впереди унижительная процедура и скорее всего тяжелый разговор. Мать уже ждет его в комнате, смиренно сидит на кровати. То, что Витя вообще может ходить и даже держать мелкие предметы, и ходит самостоятельно в школу, и может быть даже поступит в институт – это все заслуга матери, о чем она никогда не забывает ему напомнить... А Витя, ну а Витя сейчас скажет ей то, что хочет сказать.

Витя зажмуривается и, не глядя, заходит в комнату. Сейчас, почти без одежды, он чувствует себя совсем уязвимым и беспомощным. Мать машинально, отточенными временем движениями растирает Вите ноги и руки. Ее сильные гибкие пальцы все делают быстро и точно. Витя глядит в стену, затем в потолок, утекает мыслями из комнаты в свои далекие миры в которых ничего этого нет, в которых он не Витя, а мать не мать, а другой человек, а иногда ее вообще нет, и за это Вите потом очень стыдно.

– Мама, – неуверенно и тихо зовет ее Витя.

– М? – отзывается мать, все такая же сосредоточенная, автоматизированная – будто и не человек, а робот. Ей все это тоже конечно не нравится, но что поделать, этим они с ней навсегда связаны, она и Витя. Ведь если не она, то кто будет

помогать Вите? Кто станет поддерживать его состояние, благодаря кому он будет ходить и держать ручку что бы писать? Только мать во всем мире и может проложить этот соединительный мостик между Витей и внешним миром: через труд, через боль, через нежелание. Конечно, есть врачи, есть физиологи, но им нужно платить и платить не мало, а матери платить не надо. Без матери Витя не выживет.

Нет, он решительно не готов еще с ней говорить. Не сейчас.

– Н-ничего, заб-будь – говорит Витя и отворачивает голову, снова смотрит в стену, пока с его телом занимаются, укрепляют, разминают, делают все, чтобы завтра Витя, как и вчера, встал с кровати и пошел, худо-бедно, но сам, и ел свою кашу – тоже сам, и одевался, и учился, и смог жить и существовать как все остальные. Какие простые вещи, как много для них нужно времени сил и упорства.

Витя закрывает глаза, отключается, не думает даже о Юлечке, в этот раз она почему-то не идет к нему в мысли – не хочется. Витя представляет баскетбол и как играет лучше всех в команде. Один за другим перехватывает мячи, закидывает их в корзину, и как благодаря ему выигрывает команда, одноклассники кричат: «Ура!», и его имя, и затем поднимают его всей толпой на плечи и выносят из спортзала. Да, вот о чем Вите никогда не надоест думать!

– Ну все, подымайся, давай руки, – мать хватая Витю за запястья и медленно поднимает с кровати. Это обязательно-

но, Витя давно может подняться сам.

Сам это вообще главное слово Витиной жизни. Но мать поднимает его по привычке, хоть он давно уже ей не по силам. Витя усаживается на кровати и неловко горбится – теперь его тело снова принадлежит ему, чувство беспомощности наконец проходит, и он спешит скорее одеться, отгородиться от мира, защититься.

Витя ненавидит быть без одежды, пусть даже частично и только в кругу семьи, и все же. Витя давно решил, что его тело принадлежит только ему – никто другой не должен видеть его и касаться. Только когда его тело принадлежит только самому Вите, только когда ни у кого на свете нет над ним власти ни визуальной, ни тактильной – только тогда Витя чувствует себя свободным и в безопасности. В глубине души Витя мечтает однажды увидеть кого-то другого – например Юлечку – обнаженным, но в этих мечтах Витя всегда кто-то другой, никогда не он сам. Так он смотрит на Юлечку чужими глазами, трогает чужими руками. Только так и никогда иначе.

Пока Витя торопливо одевается мать бережно упаковывает и убирает все нужные для Витиной реабилитации приспособления. Они всегда лежат по коробкам, аккуратной стопочкой выставленные в шкафу на самой верхней полке. Вите нельзя их брать самому, ведь если он что-то сломает – кто купит новое? Быть больным очень дорого.

– Как ваши съемки? – спрашивает мама, и Витя вздраги-

вает. Ну почему она никогда не спросит о чем-то другом? Например, как дела с моделькой самолета, которую Витя старательно клеит, или, например, как ему сюжет книги?

– Чего молчишь? Не слышишь, что ли? – возмущается мать, выстраивая в ряд коробки.

– Н-нормально, – бурчит Витя, барахтаясь в наполовину натянутой футболке.

– Скоро выйдет видео-то?

– Скоро.

Мать кивает, непрерывные съемки видео – это залог материнского спокойствия. Залог стабильности.

– У Н-никиты н-новый актер, – говорит Витя так безучастно, как может. Слово просто поддерживает разговор – так, вспомнилось к слову, а Вите-то в общем-то и все равно.

– Как это новый? Зачем это? Плохо стараешься? – в голосе матери тут же появляются высокие визгливые нотки. Витя на секунду жмурится, но тут же заставляет себя открыть глаза и продолжить.

– Н-нет, я хорошо ст-тараюсь, н-нужны н-новые лица п-просто. Н-никита сказал.

– Вот глупости какие, зачем новые лицо? У тебя и одного отлично получается, пойду позвоню Никите, спрошу в чем дело.

– Н-не н-надо звон-нить, мама, п-пожалуйста! – Витя вскакивает с кровати и хватает материн розовый замызганный рукав халата. На ощупь он жесткий и тонкий, свалыв-

шийся от частых стирок.

– Это все зритель, н-нужны н-новые сюжет-ты и л-люди, п-понимаешь? Н-асмотрелись н-на меня.

– У нас с Никитой уговор, – мать смотрит Вите в глаза, и взгляд у нее жесткий, холодный, сердитый, – вот пусть тебя и снимает.

– Я н-не хочу, – говорит Витя, и тут же опускает глаза. Он чувствует, как краснеют щеки и шея, и безвольные пальцы выпускают материн рукав, – н-не хочу б-больше.

– Не хочешь? – повторяет за ним мать, точно не понимает смысла слов, не улавливает сути, как если бы Витя говорил на иностранном, – не хочешь, значит?

Витя вжимает голову в плечи и машинально прикрывает голову руками.

– Н-не сердись, я п-просто сказал, н-не сердись, мам! – отступает Витя, но поздно.

– А я, значит, хочу тебя одна тянуть всю жизнь? А я хочу, значит, с тобой нянчится сутками? Ты вообще обо мне хоть раз в жизни подумал? А мне какого? Я тебя кормлю, пою, одеваю, лекарства тебе, врачей оплачиваю, на физиолога этого твоего долбанного отучилась, да ты хоть знаешь сколько на тебя денег уходит? Эти видео нам Бог послал, они нас кормят, по миру не дают пойти, у тебя вообще никогда может работы не будет, ты на Никиту молиться должен, и на меня тоже! Да кому бы ты кроме меня нужен был? Думаешь, если б не я, отец бы тебя оставил? Да щас, как же, давно бы

овощем в детском доме гнил, да ты мне всем обязан, мне, ясно тебе? Ты мне помогать должен, ценить меня должен, а ты не хочешь на камеру покривляться? Да что ты за сволочь неблагодарная!

Мать хлещет Витю поясом халата как хлыстом – по голове, по лицу, по плечам. Витя только пятится и, зажмурившись, прикрывает руками голову. Поясом не больно, но от пронзительного материного крика Вите страшно, страшно, как в детстве.

– Н-не кричи, н-не кричи, – умоляет он, но мать его не слышит.

– Если ты сниматься не будешь, я тебя к чертовой матери сдам, понял? Сдам, так и знай! Не хочет он, а мне насрать, что ты хочешь! Меня вот никто не спрашивал! Надо работать – значит пошел и работаешь, все так живут, ишь ты, какой особенный выискался, выбирать он будет! О матери хоть бы раз подумал, сволочь!

Витя спиной натывается на угол, прижимается к нему, сползает вниз, сворачивается в тугой ком и плачет.

Мать успокаивается не сразу. Прекратив хлестать Витю, она уходит, но еще долго Витя слышит ее возгласы из других комнат. Мать мечется как зверь в клетке – взбудораженная, злая. Она кричит на него в пустоту, и Витя знает, что она к нему еще вернется, и потому не встает и все так же прикрывает голову руками. Ему не больно. Совсем не больно, но отчего так страшно? Так горько? Так хочется взвыть и кричать,

кричать, не смолкая, пока не охрипнешь. Вите больше всего на свете хочется умереть – что бы не было матери, что бы его оставили, наконец, в покое, и ничего ему не надо, ни здорового тела, ни ходить, ни жить дома как нормальные дети, а не в детдоме – ничего не надо, только б все исчезло, только б пропал Никита, и видео, и смех, и унижение, и стыд. Только б сам Витя исчез, и не было бы ничего больше.

Как он устал. Как устал...

Под вечер Витя встает наконец из угла. Мать давно не кричит, ее вообще, кажется, нет дома, сколько Витя так просидел, скрючившись, на полу? Может он уснул, или отключился – Витя не помнит. Витя проверяет свои ощущения, хочется ли есть, или в туалет – нет, ничего, пустота. Витя садится на кровать и моргает, глядит перед собой, но взгляд ни на чем не может остановиться, все плывет перед глазами. Вите так одиноко. Вот бы кто обнял его сейчас, вот бы кто просто обнял.

– Мама? – тихо зовет Витя, но квартира отзывается тишиной. Артур еще не пришел, матери нет. Витя совсем один, Вите так одиноко.

Глава 64 Оля

– Никита, Никита, это Ольга Дмитриевна, открой, пожалуйста! Никита! Открой дверь!

Оля стучит уже минут пять, без толку. Возможно, за дверью и впрямь пусто, и некому ответить Оле на стук, а возможно, Никита просто затих там за дверью и смотрит на Олю через глазок – молча, бесстрастно. Оля отчаянно стучит снова и снова, и кричит уже почти, просит открыть ей. На звонки Никита перестал отвечать почти сразу, смс игнорирует. Собрав все свое горе и боль, Оля принесла их Никите, чтобы выплеснуть на него, разлить на его глазах, чтобы он дрогнул, сжалился. Господи, какой ужас, она – педагог, взрослая женщина, готова на колени перед мальчишкой встать, чтобы только все исправить, чтобы все исчезло, стало как прежде – голодно, страшно, но что бы никого было стыдиться. Оля всегда считала, что самый большой стыд – быть должной, взять чужое, хоть на время, хоть добровольно ей отдают – все равно. Ну какая же дура!

– Никита, ну я же поговорить хочу, ну открой, ради Бога, ну ты же человек!

– Чего разоралась? Наркоманка, поди? Уколются там своими шприцами и ходят потом, ссут по подъездам. Иди отсюдава, людям отдыхать мешаешь! Иди, полицию вызову!

Оля медленно оборачивается – сухую кожу стягивают до-

рожки высохших слез.

– Я педагог, – зачем-то говорит Оля, и бабка недоверчиво щурит мутные глаза.

– Ага, а я Сталин, иди говорю, по добру! Нет там никого, все ушли еще с утра. Иди!

И Оля идет. По дороге Оля зарывается в шарф подбородаком, повыше поднимает воротник куртки и опускает глаза. Оле кажется, что все смотрят на нее – каждый! И все знаю... Конечно знают и осуждают ее, ненавидят, считают плохой матерью, плохим человеком. Оле хочется встать посреди улицы и закричать, что все не так, и на самом деле она хорошая, она добрая, честная – Оля правильная! Она бы никогда плохого не сделала, и не делала она вовсе, это все так кажется, это же видео, шоу, постановка! И ее мальчик не кричит почти и не плачет, не бьет предметы и себя, не ведет себя как загнанное животное! Что он всего лишь малыш – напуганный, не утешенный вовремя! Всего лишь малыш – ее особенный малыш...

Но Оля лишь ускоряет шаг и глубже кутается в шарф и куртку.

Никитин подвальчик закрыт, но Оля все же дергает дверь, и та поддается. Оля упорно тянет на себя тяжесть стали – как будто за этой дверью не подвал, а бункер, и Никита спрятался там от нападков мира и ваяет там свое творчество – сохранный и безнаказанный пока на нее, на Кириюшку и на Витю смотрят глаза всего мира.

Оля шагает внутрь и слышит голоса и смех. Они мягко катятся по стенам, тонут в подземной ватой тишине подвала. Оля никогда здесь не была, но могла бы. Ведь именно здесь снимаются все видео. Здесь они монтируются, редактируются и выходят в свет. Здесь ее Кириушка стал известным, здесь впервые лицо Оли попало в интернет. Здесь был выращен Витя и слеплен таким – изломанным и беззащитным, здесь его предали все на свете, здесь он узнал о своем одиночестве. Здесь Оля обрела позор, который не смыть из людской памяти ничем и никогда. Все это было и есть здесь.

Оля идет ватными ногами, сама не зная, что сейчас скажет и сделает, как убедит Никиту, но одно знает точно – не убедить его она не имеет права. Костями здесь ляжет и не встанет, пока Никита лично при ней не нажмет чёртову кнопку «удалить»!

Оля выходит в комнату, тишина заходит вместе с ней. Какая-то тень в полумраке наклоняется к другой и шепчет: «Нихера се, это че, Хтось?»

– Заткнись, – шикает Никита, – Ольга Дмитриевна, здравствуйте, а вы чего здесь?

Оля щурится в тусклое нутро подвальчика пытаюсь разглядеть лица.

– Никита, я к тебе пришла... поговорить.

Никита встает и, бросив за спину улыбку, идет к Оле, глядит на нее своими веселыми глазами, поправляет шапку волос.

– Ольга Дмитриевна, мы же все обсудили, ну? Ну чего вы мааетесь, сами же согласились, деньги я вам перевел, все честно!

– Я передумала, – Оля говорит шепотом, не хочет, что бы Никитины дружки слышали разговор, но и уйти от них не может. Они глядят из-за Никитиной спины своими голодными глазами, молчаливые и далекие, непонятные Оле, холодные, чужеродные, дикие.

– Ольга Дмитриевна, так дела не делаются, я вам уже говорил. Вы можете больше не снимать, если не хотите, хотя просмотры отличные, но это видео – мое. Я его никуда удалять не буду.

Оля слышит смех и шепот, но что они говорят, про нее ли? Не разобрать.

Оля выдыхает, расправляет плечи, медленно обходит Никиту, как будто присесть решила. Кладет руку на спинку Никитинового стула и задумчиво гладит кожу обивки. Такая она гладкая и нежная.

– Хорошо, я тебя поняла.

Никита расплывается в улыбке:

– Ну вот и отлично, Ольга Дмитриевна, мы же с вами люди взрослые, разумные, я знал, что мы пойдем друг друга. А за видео вы не переживайте, о нем через неделю уже забудут. Легкие деньги, вы главное это, не накручивайте себя.

Оля кивает, и рука ее гладит стол, чуть шершавое дерево, приятное, крепкое. По столу переплетаются, как лозы,

провода, текут ручьем вниз, обвиваются о ножку. Сколько здесь аппаратуры. Оля даже половине не смогла бы придумать применение.

– Никит, давно хотела спросить, а как ты вообще снимаешь все? В наше время только камеры были и все, а тут у тебя вон сколько всего.

– Камеры и динозавры, – прыскает кто-то за Олиной спиной, и Оля мельком успевает подумать, что каких-то пятнадцать лет назад она была в их возрасте, и как это мало – пятнадцать лет, и тем не менее как успевает измениться мир и люди... Для этих детей пятнадцать лет это вечность, пропасть – непреодолимая пропасть. А для Оли словно один день.

– Ну сейчас конечно все покруче стало, у меня тут стандартно все, ноут, звуковая карта выносная, микрофон вот, – показывает Оле довольный Никита, – ну это и так понятно, вот это фильтр звуковой, вот вентилятор, чтобы ноут не греть сильно, ну и так тут по мелочи, штатифчики, камеры...

Никита пожимает плечами и улыбается.

– Да, дорого это все, наверное.

– Да ничего, не жалуясь.

– Я всегда думала, что дороже компьютер, ну знаешь, с блоком такого, как в школе, ничего нет.

Никита смеется и за Олиной спиной тоже раздается смех «какой ей компьютер, у нее самый навороченный девайс это пароварка».

– Да че там ваши компьютеру, у меня вот ноут только больше сотки стоит, плюс телефон, про карту памяти вообще молчу, ну и программы разны тоже бесплатно не выдают, так что, Ольга Дмитриевна, вы мне видео еще присылайте, и тоже себе и комп, и машину купите, и ребенка может куда оправите на лечение, ну, я знаю, как там у вас что устроено.

Оля улыбается – как давно она не улыбалась, искренне от всего сердца.

– Это не лечится, Никита, – говорит Оля и поднимает ноутбук и карту, и еще что-то, Оля не знает что, у себя над головой. Никита дергается к ней, но Оля угрожающе качает головой.

– Я это все сейчас в стену кину.

– Да ты че, охренела? – Оля слышит, как встает кто-то сзади, но Никита машет рукой.

– Ольга Дмитриевна, вы со мной не расплатитесь.

– А мне все равно уже. У меня ничего нет. Вот все что было – достоинство мое, ты и его забрал. Удали видео, и я уйду.

– Так мне что б удалить ноут нужен, – Никита кивает вверх, куда-то Оле выше головы, – а вы его в руках держите. Ну чего вы, Ольга Дмитриевна, мы ведь и без этого обойтись можем.

Оля качает головой, руки ее трясутся, и она боится, что не выдержит и вправду выронит сейчас все на пол и... И что тогда будет?

– Не можем Никита. Удаляй как хочешь, через телефон, наверное, тоже можно.

Никита секунду стоит молча, затем медленно достает телефон из кармана.

– Н-да, Ольга Дмитриевна, не ожидал я от вас. Я-то думал вы порядочная, вон про совесть и мораль мне задвигали, а сами – чужое имущество портите. Это, между прочим, уголовное дело.

– Удаляй, – говорит Оля холодно и очень спокойно.

– Щас, щас, это не три секунды, сначала войти нужно. Походите. Стоите еще? Вы только крепко держите – уроните, и все, сделка отменяется, – Никита смеётся и подмигивает Оле, и в ту же секунду что-то большое и тяжелое наваливается на Олю сзади, она теряет равновесие и все драгоценное Никитино богатство сыпется у Оли из рук, и тут же кто-то крутит ее, обвивает тисками пальцев запястья, а другие руки, словно всю жизнь тренировались и жили лишь ради этого момента, цепко и ловко ловят рассыпавшийся дождь предметов.

– Все цело? – спрашивает Никита, и над Олиным ухом раздастся насмешливое самодовольное «А как же».

– Ну вот, Ольга Дмитриевна, я ж говорил – держите. Уронили вот, и сделке конец.

Оля молчит, ноги ее не держат, и Олю почти выносят из подвального, и когда свежий воздух бьет Олю в грудь, а свет режет глаза, сильные руки наконец отпускают ее. Оля хвата-

ется за стену, дышит словно тонула, и смотрит вверх – на весеннее уже почти, голубое небо.

– Ольга Дмитриевна, я вам ничего не должен, перестаньте, пожалуйста, или я разозлюсь, – Никита снова улыбается и уходит обратно во тьму подвальчика.

Его приятели вереницей тянутся седом, и только последний окидывает Олю насмешливым, презрительным взглядом, сплёвывает аккурат около Олиных сапог, и уходит, закрывая за собой дверь. Лязгает металлическая щеколда, и Оля остается одна, напротив пустой стены, стальной глухой двери и раскатов смеха, сочащегося из щелей, из-под порога, из замочной скважины.

Глава 65 Никита

Никита расстроен. Давно такого не было, что бы он не мог сдвинуть себя с места. Какая-то странная печаль словно парализовала его тело и мысли. Никита смотрит, как за окном летит крупный мягкий, один из последних уже этой зимой, снег. Дома тихо, родители исчезли на пару дней, а может и неделю, залегли у кого-то на хате, давят горькую, бьют морды и ебутся кто с кем придется. Никита с детства знает, что, если случается запой, главное не искать. Если найдешь, хуже будет. На него и с ножом кидались, и грабили – хотя что уж там грабить, и мать родная его не узнавала, глядя в упор на его зарезанное лицо. То было в детстве – давно, а сейчас то уж и подавно в гробу Никита видал этих алкашей, пусть хоть сдохнут там и никогда не возвращаются – Никите фиолетово. И все же грустно отчего-то, особенно вот так, в метель, в пустом доме. Юльке может написать? Уж она то всегда подкинется, примчится к нему, как верная собачонка – Хатико. Никита хмыкает и уже тянется к телефону, но останавливается. Не хочется ему Юльки, особенно теперь, после того, что было. Не то что бы Никите стыдно, чего стыдится, если она сама не против – терпит, ждет, любит его, ей хоть по башке дай, она все равно его будет любить и считать хорошим. Нет, Никите не стыдно, но как-то не хочется больше Юльки. Есть в этом что-то унижительное – быть с ней после

всего. Он не любит ее, не уважает, она для него... Никита и слов-то таких не знает, кто для него Юлька, какая она – как будто ниже его, что ли... Не сказать никак, не выразить. Все-то в ней хорошо: удобная, в целом даже ничего такая, красивая, но касаешься ее, и будто пачкаешься. Душу пачкаешь.

Никита все же берет телефон, крутит пару раз в пальцах, заходит в Инсту, ставит лайк паре телочек: в Инсте зачетные телочки, классные, и спросу никакого, они ведь сами жопами на камеру крутят – значит им нравится, значит ждут его, Никитино, одобрения, и он дает. Щедро дает. А если ему не нравится, так об этом и пишет – у кого жир на ляшках, у кого лицо стремное, у кого зубы кривые. Потому что, если уж выложили на всеобщий суд, будьте готовы ловить лещей. Или не выкладывайте тогда. Это Никита по себе знает: что бы в интернет не просочилось, тебя осудят. Посадишь дерево – обязательно придет толпа знатоков агрономов, которые расскажут, что и почему ты не так сделал, и криворуким дебилом назовут. Поможешь бомжу – высмеют, потому что лох, мошенникам помогаешь, на любое дело найдется свой диванный эксперт, на любого человека свой хейтер. Так что, будь добра, выложила жопу – терпи оскорбления.

И все же, почему так плохо? Аж тошнит.

Неужели из-за Хтони?

Что бы там ни происходило, Никита никогда не считает себя неправым. Как он может быть не прав? Он не украл, не нарушил закон, не снял тайком, не выложил что-то про-

тив согласия – и все же, то, как Хтонь плакала, как отчаянно цеплялась за любую, самую дикую возможность его убедить, было что-то в этом щемящее, мерзкое, до тошноты жалкое.

Ведь что бы там между ними с Хтонью не было – Никита ее уважал по-своему, она и впрямь педагог хороший, доброй всегда была, смешной, но доброй. Никогда Никиту за руку не ловила на списывании, хотя, конечно, знала, что списывает. Как не знать.

И чего ей далось это видео? Там и лица-то ее нет, так – смазанное пятно. А сына ее кто знает? Он и из дома-то не входит, наверное. Ну чего она к нему прицепилась? Ну повисит видео недельку, пообсуждают его, а потом забудут, как все забывают. Людям же по, большому счету, вообще плевать кого там якобы мучают, ой, подумаешь плачет больной ребенок, ой, вот беда – все это лицемерие, люди ахают и вздыхают только пока их это не касается, а чуть что в жизни не так – они этому ребенку глотку перегрызут, лишь бы им сами хорошо было, тепло и сыто. Он же говорил Хтони комментарии не читать. Там такого говна понапишут! И его как только не оскорбляли, и Витька, ну и что? Умерли что ли? Да и пусть себе строчат.

За ребенка обидно, конечно, это Никита считает последним делом – ребенка оскорблять, таких дебилов он бы и сам отмудохал хорошенько, что б так же выглядели и мычали нечленораздельно и что б их с ложечки до конца жизни кормили, но... Это ж придурки, ну какой с них спрос? Тоже мне,

нашла, что близко к сердцу принимать.

И мать она, конечно, не плохая – Никита так бы не смог. Он вообще, когда думает о Витьке, об Ольги Дмитриевне и ее сыне, всегда приходит к мысли, что сам бы бросил и Витька и Кириюшу на месте их родителей. А их вот не бросили, Хтонь вот не бросила...

Да, паршиво, одним словом, Никите. Нехорошо. А что не хорошо, он и сам не знает – с какой стороны не глянь, везде он прав, все сделал честно, нигде не обманул, заплатил даже больше, чем договаривались, и все равно ему Хтонь жалко. Жалко ее непонимания, жалко ее глупости и неспособности взять то, что причитается, и пойти просто жить: покупать, тратить в удовольствие. Ну почему ей так нужно страдать обязательно? И сделать так, чтобы все вокруг тоже страдали, и Юлька туда же. Неужели все бабы такие?

Нет, Никите такого счастья не надо – не напишет он больше Юлке. Ну ее в жопу. Пусть по-другому страдает, а Никита будет радоваться. Он жить хочет, крабов жрать с устрицами, с моделями на яхте плавать. На яхту ему еще работать и работать, но вот с одной какой-нибудь моделькой на Мальдивы – хоть завтра. А может рвануть и правда? Вопрос с документами как-нибудь уладит – в конце концов можно телочку постарше взять, пусть ей хоть 20 будет, типа опекун его. Никита ржет, представляя себе эту картину – он и его опекун, двадцатилетняя сочная модель, ну не история, а прям сюжет порно. А и правда, вот возьмет и махнет, а когда

вернется, поговорит с Валерием Ренатовичем на счет Хтони – теперь-то она уж точно не в свое дело лезть не будет, можно ее и обратно на работу взять. Хороший она учитель, как ни крути, даром, что дура.

Глава 66 Андрей

Марина тихо сидит в углу, баюкает такую же притихшую Алку, она даже не думает плакать, хотя в последнее время почти не умолкает: то зубки, то газики, то еще черт пойми какая напасть. А тут – тишина. Словно чувствует. Все-таки у детей интуиция гораздо сильнее развита, знает, что если пикнет – ее пожрет буря.

Андрей красный то ли от злости, то ли от давления – все-таки не мальчик уже – ходит по комнате из угла в угол уже с полчаса, не может остановиться – не знает как. Вернее, не знает, что будет если он остановится. Ведь если замрет, нужно будет что-то делать, что-то решать, предпринимать, о чем-то думать, в конце концов, а Андрей этого не может, ну никак. А пока он идет, пока есть движение, вроде как и деятельность есть, а значит и мир продолжает вращаться как ни в чем не бывало – пока Андрей не остановится. Вот тогда-то все и рухнет. Уже рухнуло.

И как теперь жить? А если узнают? А ведь обязательно узнают – ведь мир так устроен, если сделать что-то хорошее, оно так и умрет в неизвестности, но стоит куда-нибудь вляпаться, люди словно чувствуют, ты как будто и пахнешь уже иначе, воняешь – и все знают, что это от тебя, ты вляпался, ты паршивая овца, на тебя всем бросаться. И это сейчас! Сейчас, когда вот, наконец-то, забрезжил свет, и Андрей

почти все наладил, все устроил. Вот уже появилась работа, вот только-только заключен трудовой договор, и вся эта пропасть безденежья, трудового фиаско, недовольства Марины, круглосуточных криков Аллы и невозможности из всего этого сбежать – куда ему бежать, безработному – наконец-то все это вот-вот должно кончиться, и тут... Ну за что ему все это? Что он, плохой человек что ли? А ведь все это началось с Оли.

Стоило с ней познакомиться и все... Пропал. Родился Кирюшка, затем увольнение, а теперь и это. Но началось-то все с Оли. Это Оля все – ну конечно, как Андрей сразу не понял, не он, это все Оля! Ну как же можно быть такой дурой! Монашка-праведница, его иродом прозвала, а сама... За его спиной, с его сыном, на весь интернет!

Слава Богу есть еще у Андрея друзья. Едва видео вышло Андрею уже позвонили, Антоха, хороший мужик, бывший коллега, как всегда, просиживал штаны на работе, покорял просторы интернета и увидел Олю. Нет Олю, конечно, не признал, но Кирюшка – Кирюшку-то трудно не узнать. Тем более его фото столько лет простояло на соседнем Андреевом столе. Ну как она могла, а? Вот стерва, вот су...

А может это она на зло? На зло ему – Андрею, за то, что вовремя не выплатил алименты? Нет, ну должна же быть совесть, мораль, какая-то граница? Оля не могла так низко, так подло, а может ее заставили? Так нет, на видео никого – лишь она, да Кирюшка.

Его сын! Подумать только, его сын! На весь интернет! Позор... Какой позор! До старости не отмыться!

А если узнают на новой работе, что, его и оттуда уволят? А друзья? Рассказал ли кому-то еще Антоха?

Стыдно, Андрею так стыдно, и от этого он еще больше злится – на Олю, на Кирюшку, на Марину с Алкой и, конечно, немного, не без этого – на себя.

Он искренне не понимает, как мог не видеть этого в Оле, не знать, что она на такое способна. А может она так сильно изменилась за эти годы?

Что ее вынудило, что толкнуло? Ну что? Неужели... он? Может он? Нет, чтобы ни случилось, как бы не произошло, не может мать такого допустить, не может! Конечно, это все Оля и только Оля, нельзя это так оставить, пойдут слухи, все узнают, нужно что-то делать, срочно, пока еще не поздно! Надо всех опередить. Нужно быть первым и самым хорошим в этой истории. Ну и Кирюшку, конечно, нужно спасать. Это же его сын все-таки, родной сын...

Андрей и сам не верит, что думает об этом, думает вот так запросто – как будто все сон, и происходят какие-то невозможные фантазмагорические вещи. Но ведь они происходят, и впрямь, наяву.

Нужно позвонить Оле, думает Андрей, и уже берет было трубку, но останавливается: «А что он ей скажет? Обвинит ее? На каком основании?». Нет, надо сначала внести на счет деньги за алименты, тогда он будет прав, тогда он ни при чем.

Что б там ни было, он не при чем, это все Оля. Решительно не имеет мать права такое допустить. Вот Марина бы никогда, хоть ножом ее режь!

Марина глядит на него большими, молчаливыми, вымученными какими-то глазами. Она похудела, осунулась, будто все соки выпили. Ничего, Андрей тоже настрадался, скоро все кончится. Договор заключен, даже если на работе и узнают, что они ему скажут? Да ничего, не успеют, Андрей уже все поправит, все сделает. Если Оля не справилась, с ума сошла, сбрендила – то уж Андрей найдет выход.

Андрей останавливается, в ту же секунду как мышцы его обретают бездвижие, мир, державшийся только на центробежной силе его мыслей, рушится, как карточный домик. Раз – и нет его, привычного Андрею мира. Нет больше Оли – сердобольной и жертвенной, все выдерживающей и терпящей. Все, нет ее! Теперь на ее место пришла новая Оля, неизвестная. Нет больше Андрея, отца двух детей, которому без усилий, за счет двух женщин, получается быть хорошим. Нет больше Кирюшки – графы в паспорте, только так и присутствующего в Андреевой жизни сына. Теперь все надо строить заново, не так, как хочется, не так, как удобно и нравится. Теперь уж строить как должно и как придется.

Андрей решил – сам не верит, и все же решил! Андрей берет телефон и набирает номер. Ватными пальцами, промахиваясь по цифрам, стирая и вновь набирая, выводит он номер опеки.

Глава 67 Оля

– Оля, Оля, там ирод твой приперся! В дверь долбится, не уходит!

Оля протирает глаза – они открываются с трудом, Оля опять всю ночь плакала и уснула только под утро.

– Ирод? Андрей, что ли? Что ему надо?

– Да почему ж я знаю, я его пустить что ли должна? Время-то видел? Приперся как к себе домой, еще и швабру свою притащил, у, ирод!

– Швабру? – Оля совсем ничего не понимает, встает с кровати усилием воли, накидывает на ночнушку халат, мельком поправляет волосы перед зеркалом в прихожей. Звонок разрывается трелью, а дверь потряхивает от стука то ли кулаком, то ли мыском ботинка. Кирюшка нервно гукает в кухне – мать кормила его кашей, пока Оля спала.

Оля открывает дверь, и Андрей тут же напором распахивает ее настежь, входит не разуваясь, не глядя на Олю, просто отодвигает ее с прохода локтем. Следом за Андреем, потупив глаза, семенит Марина.

– Здравствуйте, Ольга, – шепчет она и тут же мелкими шажками, как покорная жена за хозяином, бежит за Андреем. Щеки ее красные то ли от холода, то ли от стыда.

– Где он? – рывкает Андрей. Мать уже крутится возле него безостановочно причитая: «Ирод, хоть бы разулся, ребенка

перепугаешь, полицию вызову!»

– Где он? – повторяет Андрей и впервые смотрит на Олю. Таким Андрея она еще не видела. Это совсем чужой Андрей, незнакомый и . . . Страшный. Он смотрит на нее без жалости, как не бывало еще раньше, смотрит, как на постороннего человека, с которым никогда не делил жизнь, быт, постель.

– Кто? – выдыхает Оля.

– Сын мой, где?

– Ишь, вспомнил, что сын есть, постыдился бы!

– Кирюшка в кухне, ест, случилось что-то?

Не отвечая, широким размашистым шагом Андрей входит в кухню и видит Кирюшку – испуганного, уже вот-вот готового закричать и швырнуть что-нибудь может в стену, а может Андрею в голову. Личико его измазано кашей, а большие глаза зажмурены.

– Бери его, – командует Андрей Марине, и та безропотно направляется к Кирюшке и вынимает его из детского стульчика. Кирюшка кричит и молотит кулачками, прячет лицо в Маринной груди, Марина качает его, шепча на ушко ласку.

– Вещи его где?

– Андрей, что ты делаешь? – спрашивает Оля тихо, и так ей страшно, что она не смеет двинуться, так и стоит в дверях вся онемевшая – то ли выхватить Кирюшку у Марины, то ли звонить кому-то, то ли загородить собой входную дверь. «Он ведь уносит его!» – вдруг понимает Оля, и слезы катятся из-под еще опухших век.

– Что делаю? Сына своего спасаю, ясно? Думала будешь издеваться над ним на всю страну, и никто слова не скажет?

Оля дрожит под Андреевым взглядом: чужим, пустым, холодным. Это страшный взгляд, взгляд человека которого ей, Оле, нечем брать, нечем уговаривать.

– Что ты говоришь такое, я бы никогда, это же мой мальчик, это же Кирюшка! – у Оли дрожат губы, и говорить трудно, а перед глазами слезная пелена размывает мир в хаотичные пятна. Оля ничего не понимает, не видит, не думает, только страх – животный какой-то страх, вот и вся Оля.

Андрей отпихивает суесящуюся мать и рывком выдергивает шкафчики, наугад гребет Кирюшкины вещи, пока тот с воем колотит Марину по груди и лицу.

– Я полицию вызову! – мать мечется по квартире в поисках телефона, в панике забыв, что тот в дребезги сломан.

– Вызывай, тебя они и увезут, ведьма старая! Я опеке вчера звонил, они придут с проверкой, а потом, может, и суд будет. Я своего сына тебе не оставлю, ясно? Сходишь с ума – сходи в одиночку, а мою семью не впутывай!

– Андрей! – Оля с воем кидается Андрею на руки, виснет на нем, как на спасательном круге посреди шторма. – Андрей ну прости меня, я же не знала, я думала, и не узнает никто, мне Кирюшку кормить было не на что, остановись, Андрей!

Андрей только презрительно дергает руку и сгребает одним размашистым движением в сумку игрушки.

– Таблетки его сама дашь, или без них ребенкапустишь?

– Не пущу, никуда не пущу! – шепчет Оля, забывшая как дышать. – Это мой сын! Мой! Тебе он и не нужен, ты его бросил! Бросил! А теперь отнимаешь у меня последнее, моего ребенка, моего мальчика, слышишь, моего! Не пущу! Хочешь, убей меня, но Кирюшку не отдам! – Оля бессильная сползает на пол и рыдает, знает, что может только кричать. Силой Андрея не удержишь, состраданием теперь тоже. Все кончено.

Андрей будто и не слышит ничего, сам находит аптечку: она там же, где и была еще при нем, там же, где и он когда-то хранил таблетки.

– Все собрали?

Марина молча кивает, не поднимает взгляд, уже не шепчет ничего Кирюшке, а только терпит безропотно его удары и только крепче сжимает, чтобы удержать.

– Пошли, – командует Андрей, и Оля в последней отчаянной попытке кидается к нему, тянет Кирюшке руки, но Андрей не дает достать, и Марина стыдливой теньку выскальзывает в коридор.

– Опеку жди, они разберутся, – бросает Андрей напоследок.

Хлопает входная дверь в опустевшей квартире. Без Кирюшки так тихо... Только мать причитает что-то побелевшими губами, держась за сердце.

– Как же это, надо полицию, скорую, надо звонить...

Оля сидит на полу посреди комнаты и не видит, не слы-

шит ничего вокруг. Ничего больше нет, все кончено, мир рухнул, рассыпался, уничтожен. Оля, кажется, даже не дышит, а да и зачем ей это теперь? В голове глупая какая-то, одинокая мысль: «Забыли радугу» – стеклянный шарик, подарок Дашки, так и остался лежать на столе. «Как же Кирюшка без радуги...» Думает Оля, а за этой мыслью лишь пустота.

Глава 68 Витя

Витя глядит вниз на белую, без единого цветного пятнышка, ледяную корку. Из-за этой белизны и не понять далеко ли до нее. Кажется бесконечность, а вдруг всего пара метров? Если пара, то лучше вообще ничего не делать, с такой высоты не умирают. Станет только хуже – будет лежать овощем, ходить под себя до старости и видеть лицо матери, и слышать ее крики – и никуда уже будет не сбежать.

Вокруг ни души: ни с лева, ни справа никто не приближается к мосту, даже машин не видно, только ветер свистит в голых кронах деревьев, так здесь спокойно.

Летом на реке утки и Витя кормит их хлебом, куда они улетают на зиму? Остаются ли в городе, или и впрямь улетають клином на юг? Витя читал, что городские утки никуда не деваются, так и остаются зимовать в городе, но куда же тогда они все уходят?

Белый плен, сковавший реку, простирается до самого горизонта. Толстый лед, или тонкий? А под ним река, бурливая, быстрая, под мостом она успокаивается, затихает, но дальше, вниз по течению, точно набирает злости и швыряет с силой о камни щепки и сучья.

Вот бы не было этого льда, тогда бы можно было понять далеко ли до воды.

Витя смотрит вниз и никак не может решиться. Да и ре-

шать тут, собственно, нечего. Выход из ситуации там же где и вход. В свою «ситуацию» Витя попал при рождении, значит только перестав жить он и может наконец из нее выйти. Не видеть больше мать, Никиту, там, за этой чертой никто уже не будет над ним смеяться и тыкать пальцем, и звать Какашей, и просить повторить то смешное из видео, и орать: «Так он и в жизни такой!». Никто. Никто не заставит там Витю делать то, что не хочется, никто его не унизит, никто...

Там он будет свободен, в вечном черном ничто, разве это не счастье? И даже если нет рая и ада – все равно, ничто лучше чем то, что есть сейчас в жизни Вити. А если он попадет в ад, то и пускай, ничего хуже с ним уже не сделают. Витя закрывает глаза. Онемевшие на холоде пальцы примерзли к железной опоре моста.

Как это будет? Наверное, он умрет во время паления.

А если нет? Долетит до льда и умрет в ту же секунду, или будет еще лежать искореженный, истекать кровью и стыть на холоде?

А может он проломит лед и уйдет под воду – тогда все будет быстро. Река измолотит его о камни, он и не почувствует. А может еще раньше все закончится из-за термического шока.

Знать бы только высоту...

Витя никак, никак не может допустить даже возможность, даже процентный шанс выжить.

Тогда это будет значить, нет, о таком Витя и думать не

хочет.

Полная беспомощность, ничего нет хуже. Мать и тогда, наверное, найдет способ заставить его сниматься. Приведет Никиту к нему, поставят камеры и свет и будут транслировать его 24 часа в сутки, как он писает и ест через трубочку.

Витя сжимает опру до боли в пальцах. Далеко ли до льда? А сколько нужно чтобы точно, наверняка?

Вите страшно, и, наверное, один он в целом мире боится совсем не смерти. Смерть – это легко, это просто, это почти не больно.

Витя закрывает глаза, прижимается лбом к ледяной опоре. Так холодно, что аж больно.

– Эй, парень! Ты чего?

Какой-то мужик с собакой на поводках ковыляет к нему из пролеска. Витя тут же отлепляется от опоры, придумывает, что сказать.

– З-здрасьте.

– Здрасьте, – вторит ему мужик, оглядывая его недоверчиво, – ты чего тут делаешь один?

– Г-гуляю, – врет Витя и чувствует, как предательские пятна ползут вверх по груди и шеи к его щекам.

– Гуляешь, значит? Здесь? На мосту?

– Н-ну да.

– Ага, а давай ка я твоим родителям позвоню, тебе лет-то сколько?

– В-восемнадцать, – тут же лжет Витя, и мужик хмыкает.

– Ну да, ты просто сохранился хорошо, видать. Ну ка давай говори телефон мамки. Гуляет он, видишь ли.

– Н-не надо звонить, я уже ухожу.

Лабрадор с шерстью цвета топленого масла доверчиво обнюхивает Витину руку и вдруг касается своим теплым шершавым языком.

– Ну ка фу, не приставай, – одергивает мужик поводок.

– М-мне п-приятно, п-пусть п-пристает.

Мужик улыбается и ослабляет хватку давая псу снова подойти к Вите. Витя робко и неуверенно треплет пса за ухом. Какие же холодные у него руки – он почти не чувствует шерсть и тепло собачьего тела.

– Знаешь, что, давай как мы с тобой прогуляемся. Мой разбойники все равно еще не набегались, и тебя заодно провожу до куда-нибудь, тебе в какую сторону?

Витя робко кивает в право, и мужик медленно вповалочку двигается вперед. Витя идет за ним, стараясь не подволакивать ноги, но мужик как будто и не замечает.

– Это вот Рикки, он уже старый совсем, ходит медленно, толстый, потому что и лапы большие, но ничего, все равно каждый день ждет у двери на прогулку. Вот, что значит характер и жизнелюбие. Мне вот в дождь или в метель никуда идти не хочется, мне б в постели понежится, по телику че посмотреть, а Рикки хоть бы что, он в любую погоду готов...

Беззаботная пустячная болтовня мужика действует как снотворное. Пыхтящий Рикки бодро идет рядом, и Витя с

улыбкой глядит, как на его высунутый красный язык падают белые снежинки и сразу тают.

– Д-дядь, я дальше с-сам д-дойду, с-спасибо, – говорит Витя, когда они уже почти доходят до его дома.

Мужик понимающе кивает.

– Ты это, знаешь чего, что б там ни случилось, ты не думай, что это конец света. Жизнь, она знаешь, длинная. Все еще двести раз поменяется, ты и не поверишь.

Витя молча глядит вниз на следы собачьих лап у своих ног.

Тяжелая мясистая рука мужика пару раз хлопает по тощему Витиному плечу, и он и Рикки уходят.

Витя глядит, как Рики, виляя хвостом, удаляется. Когда их фигуры совсем скрываются из виду и теряются за белым снежным мельтешением, Витя вздыхает и идет домой.

Глава 69 Оля

– Оля, помоги встать мне, Оля, – голос матери пробивается к Оле как сквозь вату. Оля слышит, но не встает. Мать тянет к ней свои тонкие слабые руки, безуспешно пытается подняться с дивана, ей явно плохо, но Оли здесь нет.

– Оля, Оленька, мне встать надо, мне, мне... – мать задыхается, держится за сердце дрожащей рукой.

Сколько уже времени? Оля точно просыпается ото сна, выходит из комы: не понимает, какой день, какой час, как давно забрали Кирюшку. Может вчера уже, может год прошел, а может и пяти минут нет, и машина Андрея еще стоит под Олиным окном.

– Оля, Оля, ой, Господи, помру!

Оля встает, в ванной шарит в опустошённой аптечке – ничего. Вспоминает, что материно лекарство хранится в холодильнике рядом с грохоткой яиц. Наливает воды в стакан, достает таблетки, отдает все не глядя матери. Только слышит, как та пьет жадными прерывистыми глотками, как в трясущихся пальцах шелестит фольга от упаковки.

Оля, точно в сумраке, точно солнце уже давно село, не видит ничего дальше своей руки. Поле зрения сузилось в две мутные точки, а в голове только мысль, что нужно срочно найти Никиту, нужно срочно удалить это видео, и тогда все наладится, тогда Кирюшка вернется.

Как была в халате, Оля идет в коридор, накидывает пуховик, на босые ноги натягивает сапоги. Шапка на свалявшиеся со сна волосы, сумка на плечо.

Будто спящая еще, Оля выходит из дома, садится в трамвай и едет в толчее до работы – бывшей своей. Кондуктор подходит к Оле с протянутой рукой, но Оля и не думает доставать деньги, есть ли они вообще у нее – деньги? Оля не видит и не замечает ничего, ни толкающих локтей, ни детского плача, ни просьб «пропустите, пожалуйста», ни руки кондуктора, протиснутой в щель между тучными телами. Оли здесь нет.

– Проезд оплачиваем! – настойчиво просит кондуктор и наконец замечает голые Олины ноги, торчащие из-под пуховика, клочья нечёсанных волос из-под шапки, неумытое лицо, невпопад застегнутые пуговицы и длинный язык пояса халата, втоптаный Олей и пассажирами в черные натаившие снеговые лужи.

– Ты блаженная что ли, эй, слышишь меня?

Оля не слышит, Оли здесь нет.

Пассажиры все прибывают, и огромная сила плотно сжатой телесной массы качает и уносит кондуктора против воли. Устав бороться, кондуктор наконец машет на Олю рукой: стоит и стоит себе, молчит, под себя не мочится, ну и пускай.

Оля выходит на остановке, тут же ее окружает и подхватывает поток кричащих, смеющихся детей. Так уже бывало раньше – много раз. Оля идет, не чувствуя ни мороза, ни

скользкого подталога льда под ногами.

В школе суетно, потоком детских пружинящих тел вносит Олю в холл. Охранник, видя знакомое лицо, и не думает останавливать. Оля поднимается на второй этаж, и только теперь замирает, растерянно вглядывается, где ж Никита? Где?

Дети кричат, бросают друг другу самолетики, пинают неподъёмные ранцы, что-то судорожно переписывают на подоконниках. Где же Никита?

Сумка, непривычно тяжелая, давит Оле на плечо. «Наверное, тетради», – думает Оля и спускает сумку вниз – ручки в ладонь. Давно тетради не носила, вот и отвыкла, но откуда же у Оли тетради? Странные вопросы, на которые не придумать ответа.

Оля вдруг замечает Юлечку, ее красивая ухоженная головка понуро сидит на тоненькой шейке, две тугие косички бьют ее по спине, как хлысты. Оля радуется, увидев знакомое лицо.

– Юля, Юля! – зовет ее Оля через колокольчиком бьющий детских смех, – Юлечка, погоди!

Оля проталкивается к Юле и хватает ее за запястье. Юля оборачивается и испуганно, странно глядит на Олю, но Оля не заметит гримасы брезгливости и паники на Юлином лице.

– Ольга Дмитриевна? Вы что здесь делаете? – спрашивает Юля, но Оля только сильнее сжимает Юле руку – до синяков.

– Где Никита? Мне очень нужен Никита, Юля, вы же вме-

сте всегда, где он?

– Да не знаю я, отпустите, отпустите!

Вокруг Оли уже собирается небольшая толпа. Затихает детский смех и визги, только взволнованный ропот колышется как волны вокруг Оли. Незаметно ее окружают плотным кольцом ребята – того, кто помладше, оттесняют назад. Оля в растерянности выпускает Юлину руку, и та тут же вливается в общие ряды, и не найти ее уже в море тел. Оля оглядывает лица и не может разобрать черт, все плывет перед глазами.

– Никита? – зовет она отчаянно, и наконец из толпы отлепляется одно единственное тело.

– Ольга Дмитриевна, вам к врачу надо, слышите меня?

«Это он! Господи, это он! Нашла! Ну теперь-то все будет в порядке, теперь все наладится!»

– Никита, – дрожащими губами шепчет Оля, словно боится одним своим голосом его спугнуть, все разрушить. Боится, что он растает как морок, – Никита, удали видео, я тебя прошу, я умоляю, Никита, удали!

– Ольга Дмитриевна, вам к врачу надо, – повторяет Никита, – пойдете, я вас отведу.

– Нет, нет, какой врач, зачем, я здорова совсем! Мне нужно только, что бы ты видео удалил, тогда Кириушку вернут, понимаешь?

Никита ничего не понимает, а Оля улыбается ему ласково, заискивающе, и есть в этой улыбке что-то такое... Точно вот-

вот она треснет, разойдется по швам, и оттуда хлынет горе, слезы, вопли, отчаянье.

Никита медленно вытягивает перед собой руки, точно к хищнику подступает к Оле, не близко – близко нельзя, от него до Оли метра два, и Никита по полшага медленно преодолевает пространство.

Оля видит протянутые Никитины руки, точно взять что-то хочет, и вдруг понимает: деньги! Ну конечно же деньги! Оля тут же кидается к сумке, роется в поисках кошелька:
– Сейчас-сейчас, я принесла, конечно, Никита, сейчас.

Пальцы ее вместо кошелька натываются на нечто холодное, ледяное почти, и твердое. Оно занимает собой все дно сумки и не подлезть под него, не подобраться. «Где же деньги?» Оля достает нечто из сумки, что б наконец протиснуть под него руку за кошельком, глядит на предмет, и сама не понимает, что перед ней: в руке так удобно и так полновесно лежит дедов пистолет.

Ну конечно же, пистолет, его-то Оля так и не вынула, так и носила его с собой по городу столько времени, Господи!

– Пистолет! – вспарывает повисшую тишину страшный визг, и дети, как по команде, бросаются в стороны.

Оля ничего не понимает, глядит на белое, точно снег, лицо Никиты. Черное дуло тоже глядит на него.

– Никита, я все отдам, – обещает Оля в панике, боясь, что денег не взяла, и теперь Никита ничего удалять не станет, и Кирюшка к ней не вернется, – я все отдам, ты же знаешь, да?

– Ничего не надо отдавать, Ольга Дмитриевна, только не стреляйте! Я удалю, сейчас все удалю, вот, видите? Достāju телефон! – шепчет Никита. – Я удалю, я все удалю, вы только опустите!

Какая-то возня, происходит за Олиной спиной – но Оле нет ела. Оле вдруг становится весело: она внезапно догадывается – Никита боится ее, пистолета боится, как будто она бы выстрелила в него, вот глупости! Оля смеется и кладет пистолет на пол.

– Ты чего? Это же деда моего пистолет, я его продать хотела, и забыла о нем, представляешь? – улыбается Оля, и закончить еще не успев фразу вдруг получает удар в спину: воздух вышибает из легких, и что-то наваливается сзади, не дает дышать, руки Олины тянут за спину, скручивают до боли.

Оля сгибается пополам, чьи-то огромные мясистые обручи рук выдавливают из нее весь воздух.

Оля видит только как чужая нога в грязном старом ботинке отпихивает далеко к стене пистолет.

«Да что ж это!» – только и успевает подумать Оля, а ее уже толкают к двери, прочь от Никиты, прочь от спасения, прочь от Кирюшки!

– Ну, пошла! Я полицию вызвал, они то с тобой разберутся!

Никита глядит на нее большими, полными ужаса глазами – такой молодой. Оля брыкается, ногами упирается в пол, и

тогда ее несут уже к выходу, а она в воздухе бьет ногами:

– Стойте! Никита! Никита, Кирюшку надо вернуть, Никита!

Бах!

Тонет все в глухоте и гуле.

Бах!

И Никита дергается, точно его толкнули невидимой рукой в грудь.

Бах!

Большие его глаза все так же смотрят на Олю, и не могут никак понять – что же это? Отчего вдруг так больно? Больно ли?

Никита оседает вниз, веки его дрожат, он открывает рот, точно Оле что-то сказать хочет, силится сказать – но ни звука. Сквозь звон в ушах до Оли долетают крики: «Пистолет, у кого пистолет?»

Дети визжат и плачут.

Никита лежит, дрожат ресницы, синяя рубашка – побагровевшая и тяжелая, облепляет мальчишескую впалую грудь.

Оля с трудом отрывает взгляд и смотрит туда, где на пол она минуту назад положила дедов пистолет. На том самом месте, бледный и дрожащий, стоит Витя Сорокин.

Глава 70 Даша

Дашка сама не знает, от чего так сжимает сердце, предчувствие беды, так долго преследовавшее Дашку в каждом дне, в каждом Дашкинмом пустяковом действии, в каждой ее мысли, словно разбухло, нависло над Дашей, готовое вот-вот прорваться. Дети, гогоча и перешептываясь, веселой рекой текут со всех этажей на второй – поглазеть на представление. Дашка распихивает детей локтями, пробивается, как ледокол по реке, напором вспарывая себе путь – скорей, к Оле!

Но на нужный такой второй этаж не пройти – стройные, как ивовые прутки, спины перегораживают путь штыками. Дашка матерится шепотом, что б не услышали, и пускается вниз по лестнице, чтобы там пробежать длинный школьный коридор насквозь и вновь подняться наверх с противоположного края. Дашка бежит на одном дыхании, так ей маетно, что-то плохое происходит с Олей, то самое дурное из Дашкиных томящих предчувствий, и от этого страха все в Дашке сжимается, мобилизуется – кто б знал, что она еще способна так бегать, как коза молодая.

Охранник Федор одиноко ерзает на своем стульчике около дверей.

– Это вы куда это все, чего это там? – кричит он Дашке, но Дашка только мимоходом отмахивается: нет у нее сейчас

времени.

Но Федор, то ли из житейского стыдного любопытства, то ли от волнения за свой служебный долг, вскакивает со стульчика и пускается вслед за Дашкой. Его круглый живот как барабан распирает замызганную рубашку. Бегаёт Федор не часто, и потому хрипит загнанной лошадей прямо Дашке в спину. Густое смрадной облако окружает их двоих: запах по-та, давно не стиральной одежды и сигарет, тяжелых, горьких, без фильтра.

—Я тут эта, Хтонову видел, я ж ее впустил, а потом-то вспомнил, что уволили ее, это она там, да, устроила? — гудит отдышливо за Дашкиной спиной.

—У, Шайтан, Валерий Ренатович голову мне отвертит! — горестно добавляет Федор.

Дашка прибавляет шаг, что б отвязаться наконец от Федора, и его тяжелые шаги вскоре остаются позади.

Дашка влетает на второй этаж, ищет глазами, жаждет скорее увидеть Олю, схватить Олю, увести ее в кабинет, или еще лучше, на улицу сразу, домой, но нет Оли: детская толпа вновь встречает ее волнующимся мрем спин. Туго заплетённые косами и хвостами макушки так и качаются, точно рогоз на ветру.

От отчаянья у Дашки опускаются руки, как, ну как ей пробиться вперед?

—Дарья Санна, Валерий Ренатович велел всем детей по классам разводить, сами они не расходятся, вот берите 8Б,

проконтролируйте, что б все-все в класс вернулись – Викуля Сергеевна вцепляется в Дашкину руку клещами. Пальцы ее жмут о боли, а молодое, добродушное глупое лицо все издергано нервной гримасой.

Глаза ее, молодые и дикие, пьяные от волнения и возложенной на Викулю ответственности, ждут от Дашки какого-то ответа, а Дашка понятия не имеет, что ей сказать. Нет у Даки времени с детьми возиться, не тем сейчас Дашка должна заниматься, да только не дают ей никак пройти, найти наконец Олю, и вывести ее, привести в чувство, пока что-нибудь не случилось. А ведь случится, случится обязательно, Дашка сердцем чувствует, много месяцев уже чувствует, но все никак объяснить не может, что это за чувство такое!

Большая белая рука Анастасии Павловны внезапно находит Дашкину руку. Она притягивает Дашку, оттаскивает от тисков Викули Сергеевны и жестким своим менторским тоном велит:

–Отстань ты от Дарьи Санны, сама классами займись, давай-давай, а ты Дарья Санна, шла бы к Оле нашей, поговорила бы, – круглое красное лицо Анастасии Павловны сминается в гримасу жалости, доброты, нежности материнской – жалко ее, не в себе она, что ли, вон какой концерт устроила, иди, Валерий Ренатович, чего доброго, еще полицию вызовет...

И тут же пальцами размыкает детские ряды: «Разойдись, кому велено в класс всем быстро, дайте учителям дорогу,

Дарья, чего стоишь?».

И детская толпа смыкается за ее Дашкиной спиной. Рослые старшеклассники выше Дашки на несколько голов, их острые локти как пики больно жалят Дашку в живот и ребра, дети раздраженно оборачиваются к ней, но увидев Дашку расступаются, в почтённом смирении, Дашка упёрто таранит себе дорожку среди сотен своих подопечных, где ж там Оля?

– Дарь Санна, там Ольга Дмитриевна с ума сошла! – весело сообщают Дашке младшеклассники.

Дашке нечем дышать, вокруг нее рты и рты – улыбающиеся, смеющиеся, выкачивающие кислород, – удушливое море, которое Дашке, кажется, уже не переплыть. И вот наконец, слышит Дашка Олин голос, еще неясным эхом пробивающийся через ропот толпы: он молит, и визжит, и стонет, такой родной, такой знакомый каждой ноткой, и при том чужой вовсе, не Олин больше, Оля так не говор, Оля не кричит так...

– Удали видео! – стонет почти Оля, и Дашка видит, наконец, ее сквозь толпу, в зазоре меж каньоном смыкающихся плеч старшеклассников.

– Оля! – кричит Дашка, но ее не слышно. Вокруг смех и шуршание.

– Пропустите, ну пропустите же! – сует Дашка ладони меж твердых каменных подростковых плеч.

– Ой, Дарь Санна, – расступаются наконец перед ней, виновато ухмыляясь.

Дашка вырывается вперед, в маленький пяточек пространства и тянется уже к Оле, достает почти что пальцами, словами, голосом, и тут все тонет в визге:

–Пистолет!

И как волной швыряет Дашку в стену, и сползает Дашка уже вниз, но чьи-то руки – грубые, красные – хватают ее, ставят на ноги и теснят, теснят скорей за потную спину в замызганной рубашке.

Федор прикрывает Дашку своим круглым телом – добежал-таки, догнал ее.

Дашка глядит из-за широкого его плеча и не верит: «Пистолет, у Оли, прямо в ее руке»!

«Нет, нет, нет, это сон, это морок, мамочки, нечем дышать, нечем дышать!» Дашка цепляется за Федоровы руки, за его плечи, повисает на нем, как кукла, пока Оля черным глазом смерти водит по ученикам. Толпа их заметно поредела, бросились кто куда – в открытые двери классов, на лестницу, залезли под парты, стульями прикрыли головы и грудь, и только Никита Парфенов стоит перед Олей, ничем не прикрытый.

–Оля, – хочет Дашка, позвать, но голоса нет.

Федор только дальше теснит ее от Оли, прикрывая телом. Дашка чувствует, как этот смешной кругленький мужичок напрягся весь, собрался, окаменел будто бы.

–Шайтан, – только тихо, сквозь зубы, цедит Федор и неотрывно, как и Никита, как и Дашка, как и весь мир будто бы,

глядит на этот чертов пистолет в Олиной руке.

– Ты чего? – смеется Оля, и легко, как игрушку, кладет пистолет на пол. – Боишься меня? – спрашивает у Никиты

Черный корпус пистолета лежит послушным зверем у Олиных ног. Белый Никита большими черными глазами своими глядит на него неотрывно, не дышит, не моргает.

– Слышишь меня? – спрашивает Дашку Федор через плечо, тихо-тихо и впервые на ты. – Полицию надо вызывать, телефон есть.

Дашка кивает, как во сне, не понимая ни смысл Федоровых слов, ни смысл действия, о котором он просит, и вдруг теряет Дашка опору – Федор, к которому она уже точно приклеилась, бросается вперед на Олю, растопырив огромные свои красные руки, обнимает Олю со спины, обручем скручивает ей груди и руки, ногой отпихивает к стене пистолет и волочет ее, отбивающуюся, к лестнице – подальше от оружия, подальше от безмолвной Дашки. Дашка провожает ее глазами, и кажется Оля взглядом тоже мажет по ее лицу, видит ли? Узнает ли?

– Оля, – шепчет Дашка, но Оли нет уже, поздно.

Нужно вызвать полицию, но это же Оля, зачем же она, для чего же она пистолет...

Бах...

И тонет все в черном мареве и звоне

Бах...

И Дашка падает на пол прикрыв руками голову.

Бах...

И пистолет падает на пол рядом с ее лицом из чьих-то невидимых рук.

А в паре метров, прямо напротив, медленно падает на пол Никита.

Глава 71 Витя

После моста дни покатались своей чередой: школа, съемки, мать, Никита, смех: прохожие на улице толкают друг друга в бок и шепчут на ухо, фотографируют Витю исподтишка. Витя все принимает с безразличием, не верит уже больше, что все это может однажды кончиться, Витя, кажется, сдался. Он больше не дергается, не трепыхается: никуда ему не деться. Силы будто ушли из Вити, и стало совсем все равно. Даже голуби ему больше не нравятся, сколько он уже не ходил на чердак, и не вспомнить. И не больно даже, и не ранит, если самому ни на что не надеяться, просто жить себе молча, тихо, день за днем, и ждать того заветного дня, когда все само собой прекратится.

Юлечка на него и не смотрит. Ходит одна по коридорам школы, глядя в пол. Все в своей короткой юбочке и с косичками, но Никиты рядом нет. Витя и не пытается к ней подойти, ясно же, что это пустое. Ну что он ей скажет? «Привет»? Нет уж, лучше пусть себе ходит одна.

По школе Витя передвигается вдоль стены, придерживаясь за нее рукой. И по лестницам тоже – у стены спокойнее, нет этой пропасти, как за перилами, в которую Витю могут случайно столкнуть в общей толчее торопливые одноклассники. Витя поднимается медленно, шаг за шагом, по одной ноге, лишь бы не оступиться, хуже этого ничего нет – баррах-

таться на полу, пока все глядят сверху вниз на него с презрением и смехом.

Никто не идет рядом с Витей – Витя давно привык к одиночеству. Ну кому из детей захочется плестись вместе с ним, пока все остальные весело бегут вперед, что бы первыми встать в очередь в столовой, первыми занять места в актовом зале, первыми выбрать хорошие мячи на физ-ре? Так и по жизни, вечно Витя где-то в хвосте, там, где остальные пробежали уже давным-давно.

Витиной руки касается что-то мягкое, нежное, и на секунду в груди у Вити екает – вдруг это Юлечка? Устала от одиночества и Никитинового безразличия, и вот сейчас возьмет его за руку? Витя робко, боясь ошибиться, поднимает глаза и видит Хтонь. Ольгу Дмитриевну! Зачем это она пришла в школу? Неужели, вернется?

Ее мягкая ладонь касается его ладони, покачиваясь в такт ее грузным шагам. Но прикосновения эти, хоть и нежны, но случайны. Ольга Дмитриевна, кажется, и не понимает даже, что Витя идет рядом: Витя здоровается с ней, но Хтонь будто не слышит, и это Витю пугает.

Ольга Дмитриевна Вите не безразлична, она одна в целом мире вступилась за него, пыталась помочь, а затем и подавно разделила Витину участь: Витя видел конечно же видео с ней и с ее сыном. Хтонь молча проходит мимо, словно Витя и вовсе стал невидимкой, и вся она какая-то странная – не такая. Хтонь и раньше одевалась нелепо: мешковатые юб-

ки, старомодные свитера, уродливые блузочки с рюшами, но сейчас что-то даже не весело вовсе, во всем ее виде теперь есть что-то болезненное, неряшливое. Хтось, медленно разрезая своим большим грузным телом толпу детей, скрывается в коридоре, оставив Витю далеко позади.

И вдруг в мгновение стихает гвалт детских голосов и наступает тишина.

Витя один стоит на лестнице, в разом будто бы опустевшей школе. Неужели звонок? А Витя и не слышал. Витя старательно карабкается вверх по лестнице и вот, наконец, достигает нужного этажа, но в двери не пройти: всюду дети, всех классов и возрастов, стоят плотным кольцом так, что не втиснуться. Витя только и слышит дыхание сотен легких, шепот сотен ртов.

Что-то случилось там, за этой живой стеной!

– П-пропустите, п-пожалуйста, – просит Витя и робко вклинивает в щель меж тел плечо, и дети нехотя расступаются, пропускают его.

Из щели в щель, весь вспревший, протискивается Витя все глубже. Его больно пихают локтями и фыркают прямо в ухо, и Витя неуклюже наступает на чьи-то ботинки, ведь трудно поставить стопу именно так, как надо, что б никого не задеть. У Вити это так не работает – как поставилось, так и слава Богу.

Чей-то тоненький голосок взвывается к потолку колокольчиком, и сердце Витино разом подпрыгивает – это голос

Юлечки, она здесь, в самом центре! Голосок ее тонет в море шепотков: «Это Хтонь что ли?», «А чего она здесь, ее же уволили вроде...» «Это она у вас вела литературу?», «Вот жара, училка с катушек слетела!», «Блин, не видно нифига, нужно поближе подойти, подними телефон повыше!», «Она шас убьет ее!», «А я слышал Юлька у Хтони мужа увела, она походу на разборку приперлась!», «Да не было у нее никакого мужа, чего ты хрень поришь?» «А где директор-то, че ее не выведут?».

У Вити кружится голова, он отчаянно, локтями уже, пробивается вслед за Юлиным голосом сквозь это живое, трескучие море, и вдруг, дети, словно уставшие с ним бороться, единым организмом выплевывают Витю вон из своего кольца, и вместо Юлечки Витя оказывается рядом с Хтонью – за ее спиной.

Ольга Дмитриевна крепко держит вырывающуюся, истерически визжащую и дергающую ручку, Юлечку. Так ее жаль, Витя даже делает шаг к ней, что б помочь как-то, но Хтонь и сама выпускает Юлечку, и та тут же юркает за Витину спину и дальше, в глубь кольца. Витя, чуть дыша, стоит совсем один теперь перед Хтонью, она смотрит на него и не видит.

– Никита? – зовет она, и Витя замечает Никиту Парфенова.

Он, белый-белый, стоит напротив, прикрывшись телами других ребят. Его большие черные глаза теперь не смеются.

«Ну выйди, она тебя зовет!» – думает Витя, но Никита только мнетя с ноги на ногу – трусит. Витя наполняется омерзением: столько лет Никита держал Витю за горло, и вдруг боится Хтони – своей учительницы, женщины, у которой видно от горя что-то случилось с головой, а что же это, если не горе? Добровольно сняться у Никиты можно только от отчаянья.

– Никита? – Хтонь увидела наконец его, выцепила его лицо из десятков чужих, и тут уж Никите нечего делать. Толпа детей в мгновение выплевывает Никиту из своих рядов, выталкивает его, отступает, как волна от берега, оставляя его одного.

Витя стоит и не знает, что ему: вернуться ли в круг, а может снова заговорить с Хтонью? Нужно же ей прийти в чувства. Кто-то за спиной шепчет: «Директор просит всех по классам». «А я не пойду!» – тут же отвечает второй голос, «И я, когда еще у училки резьбу сорвет!», «Я все заснял, в Тик-Ток выложу, улетно получится!» – говорит третий.

И никто не движется с места, все стоят в живом ринге, на арене, из переплетенных рук, касанья плеч, прижатых плотно локтей, а внутри трое: Витя, Хтонь и Никита.

– Деньги? Конечно-конечно, я принесла! Все принесла, сейчас отдам!

Ольга Дмитриевна выворачивает нутро своей сумки, на пол летят скидочные карты, пуговики, фантики, заколочки и что-то черное, большое,,,

– Пистолет! – Визжит кто-то над Витиным ухом, и тут же его толкают, и Витя падает на пол, чьи-то ноги топчут Витину спину, больно дышать, очень больно. Все тонет в визге, все куда-то бегут кроме Никиты и Хтони, и лежащего в коридорной пыли Вити. «Пистолет?».

Витя чуть поднимается, смотрит вверх, и все внутри холодеет ужасом: Хтонь принесла пистолет. Она будет стрелять! В кого? В Никиту? В Витю? Да все равно, хоть в обоих! И внезапный прилив сил поднимает Витю на ноги, он хочет выйти вперед, встать перед Хтонью, раскинуть руки и принять выстрел, как в объятия – она ведь всегда хотела ему помочь, а теперь она освободит его разом и навсегда! То, что Витя так хотел и боялся сделать, то, на что у него не хватило духу на мосту – вот сейчас-то все и случится!

Но пистолет выскользывает из ее руки на пол...

И Витино сердце падает вместе с ним.

И в тот же миг черной смазанной тенью бросается из-за Витиного плеча нечто, наваливается на Хтонь, крутит ее, гнет пополам. Дядя Федор – смешной мужичок, кругленький и плешивый, с невиданной прытью и силой крутит Хтони руки и волочет ее, волочет прочь от Вити, от Никиты, прочь от брошенного на полу пистолета, прочь от Витиного освобождения, которое вот оно, было же, было так близко!

– Да что ж это! Пустите! Мне с Никитой надо... Никита! – прыгает по стенам последний крик Хтони...

И нет ее – и нет спасения.

Все так же стоит Никита, живой, здоровый, только чуть испуганный – и Витя. Тоже живой. А между ними лежит пистолет.

Вите хочется выть! Как больно умирает надежда: никогда и никто на свете не вырвет Витю из этого круга, из этого ада, никто! Завтра он проснется, и все начнется сначала, и так день за днем, год за годом...

«Нет!» – в отчаянье решает Витя, «Нет! Он туда не вернётся, не будет больше, и никто, ни Никита, ни мать, ни сам Господь его не заставят!».

Витя берет пистолет – он тяжелый, как камень, в его руке, трудно поднять, и Витя не вытягивает руку, как в фильмах, и не целится, потому что не знает, как верно, его неловкие непослушные пальцы нащупывают холодный курок – он тугой и Витя давит всей силой, двумя руками вдавливая вместе с курком рукоять себе в грудь и – Бах!

Воздух вышибло из легких – нечем дышать так больно – голова звенит, ничего не слышно, страшно, страшно!

Вите кажется, что он выстрелил себе в грудь, так ноют ребра, Витя хлопает по футболке ладонью – но крови нет.

А Никита падает.

В его больших глаза нет смеха, он смотрит туда, где была только что еще Хтонь, затем на Витю. Нет смеха в глазах, нет пренебрежения, высокомерия, ничего нет – они такие чистые, так широко распахнуты, будто впервые видят мир, и ничего еще не понимают.

Никита падает и, кажется, так медленно и тихо, только звон в Витиных ушах. Синяя рубашка темнеет в области груди, и Витя не верит, что это он сделал. Как будто что-то это сотворил с Никитой, а не он. Где пистолет? Его не видно, может выронил, а может уже забрал кто-то, Витя ничего не помнит. Темное пятно растет, а Никита лежит и не двигается, и только огромные черные пустые глаза слегка подрагивают, как от слез.

Глава 72 Даша

– Где вы находились в момент происшествия?

Дашка стоит на фоне школы, холодно, щеки жжет ветром.

Дашка нервно поправляет лезущие в глаза волосы.

– Я была в кабинете директора, всех учителей созвали, когда стало понятно...

Репортер тычет микрофоном ей под нос, холодный зрачок камеры глядит на нее мутным синеватым взглядом. В голове туман, в ушах звенит еще эхо выстрела. Где сейчас Витя? А Оля?

– Как школьный психолог, вы работали с Витей Сорокиным?

– Нет, не работала.

– Разве вы не обязаны вести всех детей с особенностями развития?

– Мы ставим их на личный учет, но не имеем право затаскивать в кабинет и заставлять откровенничать. Витя не приходил, и я с ним не работала...

Дашка злится, потому что теперь это звучит как оправдание, и все это понимают. Ведь она проглядела, проглядела такое... И теперь все по ее вине.

– Что вы можете сказать о Вите как профессионал, за ним замечалась агрессия?

– Нет, – Дашка щурится от режущего глаза ветра, на ка-

меру будет казаться, что она плачет, – нет, он всегда вел себя тихо, был приветлив, в коридорах здоровался, не вступал в конфликты, только... Не улыбался никогда.

– Вы знали, что Витя снимался в видеороликах Никиты Парфенова?

– Нет, – врет Дашка, и тут же сама вздрагивает: не ожидала от себя.

– Как же вы могли не знать, Ольга Дмитривна Хтонова тоже приняла в них участие, разве вы не были подругами?

– Да, мы общались, но Оля, Ольга Дмитриевна, – поправляет себя Дашка, – не делилась личным.

– То есть, вы хотите сказать, что совершенно ничего не знали о видеороликах и канале Никиты Парфенова?

– Не знала, – отвечает Дашка тихо и сдавлено.

– Какие меры планируется принять для предупреждения подобных случаев?

Дашка устала, весь этот разговор больше похож на допрос, она ничего не сделала, почему же тогда приходится столько врать? Вызовут ли ее в полицию? Что она скажет там? А что скажет Оля? А если показания не сойдутся? Дашу уволят? А может и того хуже, ведь она проглядела... Ведь она должна была...

– Пока не ясно, послушайте, дайте в себя прийти, в конце концов! – взрывается Дашка. – Тут человека убили, мальчика, а вы людей пытаете! Ничего я не знаю! Отстаньте!

Дашка скрывается от глазка объектива, ускользает от мик-

рофона, она идет прочь, прочь от школы – домой.

Пусть ее теперь ищут, пусть туда за ней и походят если хотят, а сама Дашка никуда не пойдет. Топкий талый снег заливаает ботинки, Дашка вдруг понимает, что не сменила обувь – так и идет в школьных, летних. И даже не холодно. Вообще ничего не чувствует. Сколько она стояла там в них на морозе? Может уже отморозила себе пальцы, а, ну и черт с ним! Зачем-то берет телефон и звонит Оле, телефон, конечно, выключен. Где они с Витей? Повезут ли туда же Дашку? О чем спросят? Дашка обязательно скажет, что они с Олей друзья, во всем признается, скажет какая Оля хорошая, какая она была замечательная, что все это недоразумение... Оля права была... Надо было что-то делать тогда, надо было как-то Вите помочь, ведь она могла бы...

Что теперь с Олей будет? И вдруг вспоминает о Кирюшке – где он сейчас вообще? С кем? Мама-то Олина знает? Надо бы ехать к ним.

И Дашка, как была в летних своих ботиночках, бежит, оскальзываясь по талому снегу к остановке.

В трамвае на нее и не смотрят, как будто привыкли все к такому вот как Дашка – потерянным, вырванным из жизненного контекста. Кондуктор подходит к Дашке, и Дашка вдруг понимает, что нет с собой сумки. Она виновато краснеет и роется по пустым карманам,

– Сейчас-сейчас.

Кондуктор глядит на голые Дашкины ноги и тяжело взды-

хает,

– Да откуда вы только все едете.

И уходит, ничего не взяв с Дашки и не высадив ее.

Дашка выходит на Олиной остановке, поднимается на Олин этаж, звонит в звонок Олиной двери. Кажется, что сама Оля ее и встретит, и будет все как прежде: нальет Даше чаю, бесхитростно поделится глупым своим каким-нибудь секретом.

Дверь распахивает Олина мать: лицо белое, бескровные губы трясутся, большие мутные глаза вспухли от слез.

– Оля! – кричит она и почти уж кидается Дашке на шею, но понимает, что это не дочь ее вернулась, и тут же падает на пол как подкошенная, на колени, и плачет, плачет не скрываясь, навзрыд.

Дашка тоже садится, прямо так, как была – на подъездный пол, через порог обнимает плачущую Олину мать.

– С Олей все хорошо, она скоро вернется, – врет Дашка. В квартире тихо. Не кричит Кирюшка и даже не гукает, и не лепечет ничего на своем.

– Где Кирюшка? – спрашивает Даша, и вот уже притихшая мать разрывается новым криком и плачем.

– Ирод проклятый забрал! – воеет она, стонет нечеловеческим каким-то надрывным, предсмертным как будто криком. – Забрал мальчика нашего, а теперь и Оля, где Оленька моя?

– Тише-тише, все хорошо, Оля вернется скоро, Оля вер-

нется.

Дашка прикрывает дверь, приносит успокоительное и капли от сердца, Олина мать выпивает жадными глотками. Слезы ее, теперь тихие, катятся по щекам, расплываются и путаются в морщинках.

– Я отойду ненадолго, Оля просила Кирюшку привезти, я за ним съезжу.

Олина мать смотрит на Дашку снизу вверх, как на святую, хватая Дашку своими маленьким сухими ладошками, мягкими, как будто возьмешь, и сразу ранишь.

– Оля сказала, отдаст он? Ой спасибо тебе, Дашенька, ой спасибо, благодетельница наша, ой дай Бог тебе здоровья!

Дашка выпутывается из материных пальцев, выскальзывается за порог, бежит снова по талому снегу – не чувствует ничего, не чувствует даже холода.

Андрея дома как будто бы нет, Дашка долго звонит в звонок, не отступает, потому что некуда. Куда ей идти и что делать, если Кирюшку не отдадут сейчас? Что она скажет Оле? Чем оправдается?

С пятого звонка дверь отпирает Марина, только щелочку, из которой летит к Дашке детский ор.

– Что вам надо? – спрашивает Марина, по ней видно, как она устала. Красивое лицо осунулось, проступили скулы – так исхудала. Грязные длинные волосы неопрятно собраны в пучок. – Вы кто?

– Я Даша, я Олина подруга, вы смотрели новости?

Лицо Марины смягчается, она секунду думает, затем отпирает дверь, впускает Дашку.

– Жаль очень, – тихо говорит Марина и смотрит в пол, – что теперь с Ольгой?

– Я не знаю, – признается Дашка, – я пришла за Кирюшкой, отдайте его ради Бога, там мать Олина совсем одна, ни внука, ни дочери, сжальтесь над человеком.

Марина краснеет, опускает глаза. Детский ор нестерпим: отчаянный, дикий, измотанная Марина точно высосана им до дна.

Мне Андрей запретил, сказал, Оля его опозорила, больше не позволит. Приказал Кирюшку ни за что не отдавать.

Дашка мягко кладет руку на плечо Марины, затем так же мягко притягивает ее к себе и обнимает. Обнимает, как Оля бы обнимала, за всех обнимает: за Витю, за Олину мать за Кирюшку, за Никиту...

– Оля, может быть, не вернется уже, – шепчет Дашка, – я не знаю, что теперь с ней будет. И с Кирюшкой тоже, но сейчас отдай его пожалуйста. Может это последний раз такой, когда ему можно с бабушкой будет. Я тебе обещаю, ничего не случится, его никто больше снимать не будет, просто дай старой женщине порадоваться напоследок, отдай его.

Марина прижимается к Дашке своим хрупким, тоненьким телом и кивает.

– Я его собираю.

– Спасибо, – шепчет Дашка и наконец-то плачет, нако-

нец-то ей можно.

Кирюшка сворачивается у нее на руках в тугий горячий шар, затихает, дышит знакомым безопасным запахом. В одной руке он, в другой небольшая сумочка – самое необходимое, больше Дашке не унести. Кирюшка шумно вдыхает Дашкины волосы у самого ее уха. Талый снег разъезжается под ногами, а от слез ничего не видно, но Дашка идет, не чувствуя ни боли, ни тяжести, ни усталости. Идет, как центурион, к единственной своей цели.

Что б там ни было дальше, сейчас все наконец правильно. Все как надо. Вера Степановна так и сидела, кажется, под дверью, будто Дашка и не уходила никуда.

– Как же это, – шепчет она, прижимая сухие маленькие ладони к губам, – как же это!

И хватает Кирюшку как чудо, как пушинку, как будто он ничего и не весит, хватает его, живого, горячего – шар жизни, и качает, и безостановочно шепчет ласково, и гладит его золотые волосы.

– Спасибо Дашенька, ой, Боже, как же это, вернулся! Вернулся, Господи, слава тебе, живой, здоровый! Вот Оля-то! Вот Оля порадует! Ой спасибо, Господи!

Дашка стоит посреди комнаты, в которой наконец-то не плачут, а смеются, в которой нет мёртвой тишины, и наконец чувствует себя хорошей. И наконец позволяет себе дышать свободно, и наконец болят ноги и руки от тяжести и мороза, и наконец спадают оковы с сердца.

Глава 73 Кирюшка

Маленькие пухлые пальчики касаются шершавой стены, ощущение шершавости бежит по рукам вверх и по всему телу, и все тело Кирюшки – ощущение шершавости стены. Теплый солнечный зайчик рассыпается радугой и скользит разноцветным пятном по Кирюшкиному животу, по груди, по руке и, соскользнув с кончиков пальцев, прыгает на стену. Кирюшка изумляется и гукает – как это так: шершавости стены и теплая гладкость зайчика вместе? Как же это будет наощупь, если потрогать? Шершаво? Гладко? Тепло или прохладно?

Кирюшка тянет ручки, чтобы достать, но радужный зайчик ускользает от него, бежит вдоль стенки, пропадает в столпе солнечного света, снова вспыхивает в тени. Тень прохладная и свежая. Кирюшка тянется к ней своим «внутри». Тень нельзя почувствовать снаружи, только внутри, и Кирюшка закрывает глаза и тянется своим «внутри» к тени, входит в ее прохладу. Только зайчик в этой тени теплый. Кирюшка шлепает по стене ладошкой – не попал, смеется и снова хлоп – зайчик выпрыгнул и поскакал дальше: хлоп, хлоп, хлоп!

Кирюшка сосредоточен. Он хлопает обеими руками, с двух концов зажимает зайчика между ладошками и раз – поймал! Вот он, у него в руке бьется – шершавый и теплый.

Вот он какой! Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Каждый цвет пахнет по-своему, ощущается по-своему, на ощупь другой.

Кирюшка закрывает глаза, прижимается щекой к теплому шершавому зайчику и растворяется в нем.